

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Пензенский государственный университет»

На правах рукописи

Саткангулова Гульнара Жакпбаевна

**СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ РУССКИХ И
КАЗАХОВ**

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор,
Константинов Всеволод Валентинович

Пенза, 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ.....	17
1.1. Основные теоретические подходы к изучению понятий «социальная идентичность» и «этническая идентичность».....	17
1.2. Социально-психологическое исследование понятий «ценностные ориентации» и «социальная дистанция»	43
1.3. Теоретико-эмпирическое обоснование влияния территориальных и социокультурных условий проживания на этническую идентичность, ценностные ориентации и социальную дистанцию	57
Выводы по Главе 1.	71
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СООТНОШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ РУССКИХ И КАЗАХОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА.....	73
2.1. Методы и организация эмпирического исследования	73
2.2. Анализ результатов исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана	79
2.3. Методы формирования позитивной этнической идентичности	122
Выводы по Главе 2.	126
ВЫВОДЫ	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	140
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов связана с необходимостью осмысления особенностей данных явлений, обусловленных социокультурными факторами и особенностями среды, в которой проживают и тесно взаимодействуют разные этносы.

Одним из ключевых факторов гармоничного сосуществования народов является уровень толерантности, взаимопонимания и межэтнического доверия, который во многом определяется особенностями этнической идентичности, системой ценностей и социальной дистанцией между этническими группами [14; 16; 17; 23; 32; 34; 39; 51; 70; 125; 152; 156; 161; 164; 165; 167; 179; 197]. В современных условиях глобализации, миграционных процессов и трансформации национальной политики изучение этих аспектов приобретает особую значимость [33; 60; 85; 87; 88; 101; 134; 153; 155; 158; 163; 166; 168; 173; 174; 176; 178; 180; 187].

В результате межэтнических взаимодействий формируются специфические социально-психологические характеристики личности. Это обуславливает необходимость изучения условий жизнедеятельности этноса, в частности, влияния этнической среды на психологические и социальные особенности индивидов. Особый интерес представляет анализ различий в формировании этих характеристик в условиях этнической однородности, когда человек преимущественно взаимодействует с представителями своей этнической группы, и в условиях этнического меньшинства, где контакты с другими этническими группами являются более частыми [81; 118; 135; 142]. Соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов в нашем исследовании означает сравнительно-сопоставительный анализ выраженности изучаемых параметров между исследуемыми этническими группами.

Тесные социальные связи между жителями сопредельных государств,

таких как Россия и Казахстан, а также жизнь в условиях полиэтнических общностей могут способствовать снижению межэтнических различий и унификации социально-психологических характеристик этнических групп. Однако территориальные особенности проживания этносов, включая диффузный (рассредоточенный) и компактный тип проживания, требуют детального анализа факторов, влияющих на сходство и различие в этнической идентичности, ценностных ориентациях и социальной дистанции русских и казахов. С учетом исторически обусловленных форм взаимодействия представленное исследование становится особенно актуальным на приграничных территориях, где складываются своеобразные социокультурные связи, оказывающие влияние на процессы межэтнической адаптации и взаимодействия [1; 2; 34; 37; 49; 50; 136].

Степень разработанности проблемы. Этническая идентичность стала предметом исследования в научных трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Т.Г. Стефаненко, Дж. Финни, Г.У. Солдатовой, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколова, В.Ф. Петренко, Б.Ф. Поршнева, В.В. Гриценко и др.

Изучение этнической идентичности отличается разнонаправленностью. В своих научных трудах исследователи освещают ее развитие (Л.С. Выготский, Дж. Финни и др.), содержание (А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко, Т.Г. Стефаненко и др.), факторы и источники (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов, В.Ю. Хотинец и др.), типологию (Г.У. Солдатова и др.), обусловленность территорией и условиями проживания (В.В. Гриценко, И.В. Анциферова, Н.Г. Анциферова, Р.М. Шамионов, В.В. Константинов, О.А. Карнышева, И.С. Шаповалова, Н.Ж. Султаниязова и др.). Исследование ценностных ориентаций и социальной дистанции в кросс-культурной психологии и этнических группах проводили такие ученые, как Ф. Клакхон, Ф. Стробек, Дж. Берри, Э. Богардус, Г.У. Олпорт, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, Л.Г. Почебут, Н.М. Лебедева, В.Ю. Хотинец, А.Н. Татарко, П.А. Кисляков, С.М. Джакупов

и др.

Актуальность исследования определяется наличием следующих **противоречий:**

– между имеющимися теоретическими и эмпирическими исследованиями структуры и феноменологии этнической идентичности и недостаточностью научных представлений о типах этнической идентичности, обусловленных средой проживания;

- между теоретическим пониманием этнической идентичности как устойчивого и интегрирующего фактора и её эмпирической вариативностью в зависимости от условий проживания (этническое большинство/меньшинство);

- между декларируемой общностью ценностных ориентаций в рамках единого социокультурного пространства (приграничье) и фактическими различиями в их структуре и приоритетах у русских и казахов, обусловленными типом проживания и этнической принадлежностью;

– между социальной дистанцией и интеграцией в полиэтническом обществе. С одной стороны, проживание в полиэтническом обществе может снижать социальную дистанцию между этническими группами за счет постоянного контакта, но с другой стороны, меньшинства в диффузных условиях могут испытывать давление доминирующей культуры, что приводит к росту социальной дистанции по отношению к другим этносам.

Указанные противоречия позволяют сформулировать проблематику исследования, которая связана с 1) недостаточной научной разработанностью вопроса о том, как соотносятся этническая идентичность, ценностные ориентации и социальная дистанция у представителей различных этнических групп – русских и казахов – в условиях приграничного взаимодействия, 2) отсутствием научного описания того, как эти параметры изменяются в зависимости от типа проживания (компактного или диффузного) и этнической принадлежности. Особый интерес вызывает исследование влияния типа проживания – в моноэтнической среде либо в условиях

устойчивого межэтнического контакта – на особенности формирования этнической идентичности (включая ее усиление или ослабление), на систему ценностных ориентаций, а также на степень социальной дистанции по отношению к представителям других этнических групп.

Таким образом, основная **проблема** заключается в том, как соотносятся этническая идентичность, ценностные ориентации и социальная дистанция у русских и казахов в зависимости от типа проживания (компактного или диффузного) и этнической принадлежности, и как эти параметры взаимно обуславливают друг друга.

Цель исследования – изучить соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов.

Объект исследования – социально-психологические особенности межэтнических отношений русских и казахов.

Предмет исследования – соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов в зависимости от типа проживания и этнической принадлежности.

Основная гипотеза исследования: соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов определяется типом проживания (компактным или диффузным) и этнической принадлежностью в определенной этнокультурной среде.

Частные гипотезы:

1. Существуют сходство и различия в характеристиках этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов. Различия обусловлены типом проживания, а также этнической принадлежностью в определенной этнокультурной среде.

2. Существуют различия в социальной дистанции русских и казахов в зависимости от типа проживания. Представители диффузного типа проживания имеют бóльшую социальную дистанцию по отношению к членам других этнических групп, чем представители компактного типа проживания.

3. Ценностные ориентации русских и казахов различаются в зависимости от типа проживания и этнической принадлежности.

4. Тип проживания обуславливает характер соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных регионах.

Проверка гипотез требует определения теоретических, методологических и эмпирических задач для достижения цели исследования.

Теоретические задачи:

1. Провести теоретический анализ подходов к изучению этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции.

2. Провести теоретическое исследование концепций, объясняющих влияние социокультурных контекстов на развитие этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции личности.

3. Описать социально-психологические характеристики личности на основе взаимосвязи этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции в зависимости от типа проживания.

Методологические задачи:

1. Разработать стратегию эмпирического исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций, социальной дистанции, обусловленных этнической принадлежностью и типом проживания русских и казахов.

2. Разработать авторскую анкету, направленную на изучение отношения к этнической принадлежности и межэтническим отношениям.

3. Разработать рекомендации для формирования позитивной этнической идентичности и путей конструктивного межэтнического взаимодействия.

Эмпирические задачи:

1. Установить сходство и различия в выраженности типов этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана.

2. Выявить особенности этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов в условиях компактного и диффузного проживания.

3. Исследовать взаимосвязь между типами этнической идентичности, социальной дистанцией, ценностными ориентациями у русских и казахов, проживающих в приграничных регионах, с учетом типа проживания (компактного и диффузного).

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются культурно-исторический и деятельностный подход к изучению личности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), положение о личности и системности ее развития (Б.Ф. Ломов, Д.Б. Эльконин, Б.Г. Ананьев, В.Г. Мясищев), принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн), теория социальной идентичности (Г. Теджфел, Дж. Тернер). В то же время настоящее исследование опирается на научные идеи и положения, которые были сформулированы в социальной психологии по проблеме этнической идентичности (Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, В.В. Гриценко, Е.В. Рягузова, В.Ю. Хотинец, В.В. Константинов), ценностных ориентаций (Ш. Шварц), социальной дистанции (Э. Богардус, Л.Г. Почебут).

Методы исследования включают теоретический анализ научной литературы, анкетирование, тестирование, а также методы математической статистики: t-критерий Стьюдента, двухфакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ Пирсона (r).

Для реализации цели исследования был использован специализированный комплекс психодиагностических методик: «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), «Ценностный опросник» Ш. Шварца, «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса, авторская анкета, направленная на изучение отношения к этнической принадлежности, межэтническим отношениям, шкала страха перед COVID-19 (FCV-19S).

Надежность и достоверность результатов исследования основываются на теоретической и методологической обоснованности изучаемой проблемы, соблюдении правил проведения эмпирического исследования, соответствии эмпирических методов объекту и предмету исследования, а также на использовании методов математической статистики.

Эмпирическая база исследования: приграничные области Российской Федерации и Казахстана: Омская область, Оренбургская область, Челябинская область, Курганская область, Актыбинская область, Северо-Казахстанская область, Костанайская область.

В исследовании приняли участие 450 респондентов как мужского, так и женского пола, из них 190 из России и 260 из Казахстана. Национальный состав респондентов из России: русских 100 человек, казахов 90 человек. Национальный состав из Казахстана: казахов 140 человек, русских 120 человек. Возраст респондентов составил от 18 до 50 лет.

Выборка отражает генеральную совокупность компактно и диффузно проживающих русских и казахов в приграничных областях России и Казахстана.

Этапы исследования:

1. 2020-2022 гг. – изучение теоретико-методологических подходов к проблеме этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции в социально-психологической науке, разработка научного аппарата.

2. 2022-2023 гг. – констатирующий этап исследования (эмпирическая проверка исходных гипотез).

3. 2023-2024 гг. – обработка и анализ полученных результатов, систематизация выводов исследования, разработка рекомендаций.

Научная новизна:

1) впервые исследовано соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана;

2) раскрыта специфика проявления типов этнической идентичности в зависимости от этнической принадлежности и типа проживания (компактного и диффузного), а также их взаимосвязь с уровнем социальной дистанции и предпочтениями в системе ценностей. Установлено, что этнофанатизм более выражен среди респондентов, относящихся к группам с диффузным типом проживания, в то время как этноэгоизм преобладает в группах компактного проживания. Наиболее высокий уровень этнофанатизма зафиксирован у представителей титульных этносов, проживающих в условиях диффузного проживания. Кроме того, исследование показало, что казахи, проживающие на территории России, демонстрируют более высокий уровень этноиндифферентности по сравнению с другими исследуемыми группами;

3) установлено соотношение ценностей и их обусловленность этнической принадлежностью и типом проживания у русских и казахов, а также выявлены специфические особенности ценностных ориентаций в условиях культурной однородности и культурного меньшинства. В России этническая принадлежность оказывает значимое влияние на выраженность конформизма и универсализма. У русских эти ценности выражены сильнее, чем у казахов, независимо от типа проживания. Установлена связь между типом проживания и выраженностью ценностей традиции, достижения, самостоятельности, безопасности. Ценности традиции, ценности достижения более выражены в компактных группах. Ценности самостоятельности и безопасности являются более значимыми ценностями для представителей этнических групп, проживающих диффузно. В условиях культурной однородности формируются потребности в следовании традициям, обычаям, характерным для доминирующей культуры, в самостоятельности мышления, автономности и независимости, в проявлении социальной компетентности в соответствии с устоявшимися социальными стандартами. В условиях этнического меньшинства появляется потребность в индивидуальной и коллективной безопасности;

4) эмпирически обоснована значимость типа проживания и этнической принадлежности в формировании социальной дистанции русских и казахов. Проживание личности в условиях культурного доминирования другой этнической группы влияет на формирование социальной дистанции. В частности, диффузно проживающие респонденты (как в России, так и в Казахстане) демонстрируют бóльшую дистанцию с представителями других этносов, что может быть связано с особенностями их социального взаимодействия и стратегий адаптации в межетнической среде. Этническая принадлежность является ключевым фактором, определяющим уровень социальной дистанции с представителями своего этноса. Выявлена устойчивость дистанции с русскими, татарами и украинцами в России, а в Казахстане – с украинским этносом. Это позволяет предположить наличие устойчивых социальных установок в отношении этих этнических групп;

5) установлена определяющая роль типа проживания (компактного или диффузного) как фактора, влияющего на характер взаимосвязей между этнической идентичностью, ценностными ориентациями и уровнем социальной дистанции. Это означает, что сами по себе эти параметры не проявляют закономерностей на общей выборке, но приобретают значимость только в контексте конкретных территориальных условий проживания;

6) выявлены устойчивые ассоциации между типами этнической идентичности и ценностными ориентациями. Этноизоляционизм связан с ориентацией на традиции, конформность и универсализм; этноиндифферентность – со слабым проявлением этой ориентации;

7) выявлены социально-психологические характеристики личности, формирующиеся в зависимости от типа проживания (компактного или диффузного), отличающиеся сочетанием типов этнической идентичности, доминирующих ценностных ориентаций и уровнем социальной дистанции;

8) показано, что в условиях угрозы здоровью (пандемии) изменяются формы социального поведения, однако этническая идентичность и уровень межетнической толерантности остаются стабильными, что позволяет по-

новому оценить устойчивость этнического самосознания в стрессовых ситуациях. Предложен комплексный социально-психологический подход к исследованию межэтнических различий, сочетающий оценку идентичности, ценностей и социальной дистанции как взаимосвязанных феноменов;

9) разработка и применение авторской анкеты «Отношение к этнической принадлежности и межэтническим отношениям» позволили комплексно подойти к изучению этнической идентичности. Независимо от этнической принадлежности респонденты в подавляющем большинстве испытывают чувство любви к своему этносу и гордость за него. Установлены различия в проявлении этнической идентичности в зависимости от типа проживания (компактный или диффузный), проявляющиеся в чувстве превосходства над другими этносами и в выделении территории проживания как признака, объединяющего этнос. Выявлено, что пандемия не усилила этническую идентичность и не привела к снижению толерантности, но показала различия в социальном поведении: компактно проживающие представители этнических групп демонстрировали более высокий уровень страха перед пандемией, тогда как диффузно проживающие представители этнических групп чаще практиковали социальное дистанцирование в условиях коронавируса. В ходе исследования установлено, что улучшению межэтнического взаимопонимания способствует цифровизация, при этом в условиях компактного проживания сохраняется более скептическое отношение к ней.

Теоретическая значимость:

– полученные в ходе диссертационного исследования эмпирические данные позволяют расширить теоретические представления о том, как соотносятся между собой этническая идентичность, ценностные ориентации и социальная дистанция, насколько они обусловлены типом проживания и этнической принадлежностью, а также о том, как взаимосвязаны эти два фактора;

– исследование раскрывает этническую идентичность, ценностные

ориентации и социальную дистанцию не как изолированные конструкты, а как взаимообусловленные характеристики личности, динамически взаимодействующие в условиях межэтнических контактов;

– выводы по итогам исследования вносят определенный вклад в развитие социально-психологической теории этнической идентичности и межэтнических отношений в трансграничных и полиэтнических сообществах;

– результаты исследования имеют теоретическую ценность для следующих областей социальной психологии: психология больших социальных групп, психология массового сознания, социальная идентичность.

Практическая значимость:

– результаты исследования могут быть использованы государственными органами и организациями, которые осуществляют национальную и региональную политику для поддержки устойчивого развития регионов с полиэтническим населением, а также корректировки стратегий межэтнической интеграции и социальной сплоченности;

– выявленные взаимосвязи между типами этнической идентичности, ценностными ориентациями и социальной дистанцией позволяют разрабатывать более точные диагностические и коррекционные методики в области этнопсихологического консультирования, мультикультурного образования и социальной адаптации;

– материалы исследования могут быть использованы психологами, практикующими в сфере образования, при разработке рекомендаций, направленных на формирование позитивной этнической идентичности среди обучающихся;

– результаты исследования соотношения социально-психологических характеристик этнических групп, проживающих в специфических территориальных условиях, могут быть использованы при разработке дисциплин «Этнопсихология», «Социальная психология» для студентов

вузов, обучающихся по специальности «Психология».

На защиту вынесены следующие положения:

1. Социально-психологические характеристики этнической группы (в том числе этническая идентичность, ценностные ориентации и социальная дистанция) способствуют сохранению культуры и традиций, поддерживают социальную сплоченность и регулируют поведение членов группы. Формирование и выраженность данных характеристик обусловлены как этнической принадлежностью, так и особенностями среды проживания, в частности, компактным или диффузным типом проживания этноса в условиях доминирования другой культуры.

2. Соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции у русских и казахов в условиях приграничного проживания образует взаимосвязанную, но неравномерную структуру. Несмотря на различную степень выраженности отдельных типов этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции, в зависимости от этнической принадлежности и условий проживания (компактного или диффузного), у представителей обеих групп преобладает позитивная этническая идентичность и имеет высокую значимость ценность безопасности, что указывает на универсальный характер этих элементов в структуре этнической идентичности и в системе ценностных ориентаций личности.

3. Тип проживания в сочетании с этнической принадлежностью обуславливает особенности формирования типа этнической идентичности, социальной дистанции и ценностных ориентаций. В условиях компактного проживания более выражены этноэгоизм и этноизоляционизм, а при диффузном – этнофанатизм; социальная дистанция у компактно проживающих представителей этнических групп меньше, чем в условиях диффузного проживания, и она определяется преимущественно типом проживания, проявляясь в зависимости от этнической принадлежности только в отношении к своему этносу; ценностные ориентации также имеют

специфику в зависимости от этнической принадлежности и типа проживания: этническая принадлежность в большей степени влияет на ценности конформности и универсализма, тогда как тип проживания – на значимость традиций, самостоятельности, достижений и безопасности.

4. Тип проживания обуславливает наличие и характер взаимосвязей между этнической идентичностью, ценностными ориентациями и уровнем социальной дистанции; тип этнической идентичности, в свою очередь, является значимым предиктором степени социальной дистанции и связан с определенными ценностными ориентациями, отражающими установки субъекта в межэтническом взаимодействии.

5. В зависимости от типа проживания у представителей этнических групп имеется специфика в отношении к своей этнической принадлежности и межэтническим взаимодействиям в условиях всеобщей угрозы здоровью (пандемия) и ее отсутствии. В условиях компактного проживания сохраняется более выраженная привязанность к территории как маркеру этнической принадлежности, чаще проявляется чувство этнического превосходства и более высокий уровень страха перед коронавирусом. В условиях диффузного проживания этническая идентичность менее связана с территорией, проявляется более высокий уровень социальной дистанции. Этническая принадлежность в условиях угрозы здоровью (пандемия) становится менее значимой вне зависимости от условий проживания.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования были представлены для обсуждения на заседаниях кафедры «Общая психология» Пензенского государственного университета и кафедры психологии Костанайского регионального университета имени Ахмет Байтұрсынұлы. Результаты эмпирического исследования опубликованы в виде 14 научных работ, в том числе 3 в изданиях из Перечня российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования научных результатов диссертаций.

Структура и объем диссертации: диссертация состоит из введения,

двух глав, выводов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

1.1. Основные теоретические подходы к изучению понятий «социальная идентичность» и «этническая идентичность»

Социальная идентичность – феномен, который в последние десятилетия привлекает значительное внимание ученых всего мира. «Идентичность» как термин широко используется современными исследователями в различных контекстах теоретической науки и в практической жизнедеятельности человека. Данный термин является междисциплинарным понятием, который объединяет философский, психологический и социологический подходы к его пониманию, поэтому довольно трудно определить, к какой именно области научного знания принадлежит сам термин. Его широко используют философы, социологи, психологи, психоаналитики [10; 11; 40; 65; 69; 75; 76; 127; 172; 196].

На определение и понимание социальной идентичности в психологии повлияли следующие подходы: психоаналитический подход, символический интеракционизм, бихевиоризм, когнитивный подход, теория социальной идентичности и теория социальной самокатегоризации, деятельностный подход, исследование малых групп, конструктивистский подход [3; 86; 94; 124].

Одним из первых теоретиков, осмысливших феномен идентичности, стал З. Фрейд. В работе «Групповая психология и анализ Эго» (1914) он ввел понятие идентификации как бессознательного процесса, посредством которого индивид перенимает чувства, мысли и модели поведения значимого другого, чаще всего родителя. Идентификация рассматривается как эмоциональная связь, закладывающая основы личности и формирующая психические структуры, в частности Супер-Эго.

Первоначально трактуемая как механизм, связанный с детской привязанностью в рамках Эдипова комплекса, идентификация в более поздних работах Фрейда обретает более универсальный характер. Она интерпретируется как механизм, лежащий в основе индивидуального развития и групповой динамики и обеспечивающий интеграцию личности в социум.

Таким образом, у З. Фрейда идентификация – это как внутриспсихический процесс, так и социальный механизм, обеспечивающий взаимодействие человека с окружающей средой и способствующий становлению идентичности [3].

Развивая идеи Фрейда, Э. Эриксон внес существенный вклад в разработку психологической концепции идентичности. В своих работах (1959; 1968) он сформулировал понятие эго-идентичности как ощущения непрерывности и целостности «Я» во времени и в восприятии других людей.

Э. Эриксон выделил следующие характеристики идентичности личности: субъективное чувство тождественности и устойчивости; оценка себя с позиции восприятия окружающих; временная непрерывность жизненного опыта – связь прошлого, настоящего и будущего как элементов единого целого.

В концепции Э. Эриксона идентичность понимается как динамическая структура, формирующаяся на протяжении всей жизни. Она выполняет функцию интеграции опыта, способствует адаптации к меняющимся условиям, обеспечивает психологическую устойчивость и согласованность личностного развития. Иными словами, идентичность – это не просто состояние, а непрерывный процесс, отражающий взаимодействие внутреннего мира личности и внешнего социокультурного контекста.

Итак, в психоанализе идентичность рассматривается не только как личностное образование, но и как социальный процесс, обусловленный взаимодействием индивида с другими (см. Приложение 9). Она становится механизмом формирования идентичности, закладывающим основу для

психического и социального развития. Э. Эриксон подчеркивает развитие идентичности как адаптационного механизма, обеспечивающего внутреннюю целостность и устойчивость личности в меняющемся мире [3; 42; 143].

Символический интеракционизм – одно из ключевых направлений в социологической и социальной психологии, акцентирующее внимание на процессах социального взаимодействия и символической коммуникации как основе формирования идентичности. Основная идея этого направления состоит в том, что идентичность человека не является врожденной, а формируется в ходе взаимодействия с окружающими, через освоение социальных ролей, норм и ожиданий общества. Идентичность трактуется как динамически развивающаяся структура, основанная на интериоризации социальных ролей и взглядов окружающих на личность.

Одним из основоположников символического интеракционизма был Чарльз Хортон Кули, разработавший теорию «зеркального Я» (looking-glassself) со следующими положениями: индивид воспринимает себя таким, каким, по его мнению, его воспринимают другие; чувства личности к себе формируются через эмоциональные реакции на предполагаемое отношение других; самооценка является результатом рефлексии внешней социальной обратной связи. Таким образом, идентичность по Кули – это социальное зеркало, отражающее представления других людей, интерпретированные индивидом и встроенные в его самоощущение.

В социологической традиции символического интеракционизма получили развитие идеи ролевой идентичности (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Мак-Колл, Дж. Симонс, Ш. Страйкер). Так, Дж. Мид (1934) подчеркивает, что идентичность формируется через игру ролей, в процессе которой индивид интериоризует социальные ожидания и репертуары поведения, принятые в определенной группе. Исполняя различные социальные роли, индивид осваивает точки зрения «других» и формирует собственное «Я». В этом контексте идентичность рассматривается как продукт социального

взаимодействия и освоения значимых ролей.

Развивая идеи Ч. Кули, Джордж Герберт Мид предлагает более развернутую концепцию формирования Самости (Self). Он утверждает, что: 1) самость не является врожденной, а формируется в процессе социального взаимодействия; 2) развитие Самости проходит через принятие ролей: сначала конкретных других (родителей, сверстников), затем «обобщенного другого» – совокупности социальных норм и общественных ожиданий; 3) основа формирования идентичности – способность индивида рефлексировать о себе и своих действиях. Таким образом, Самость выступает как рефлексивная структура, благодаря которой индивид осознает себя как социальный субъект, регулирующий собственное поведение в соответствии с ожиданиями значимых других.

В развитие символического интеракционизма внес вклад американский социолог Шелдон Страйкер, разработавший понятие иерархической ролевой идентичности (2007) и теорию структурированного «Я». По мнению Ш. Страйкера, идентичность состоит из интериоризированных социальных ролей, каждая из которых занимает определенную позицию в иерархии. Эта иерархия определяет предсказуемость поведения – чем выше значимость роли, тем вероятнее ее активизация в конкретной ситуации. Идентичность обеспечивает направленность и устойчивость поведения, выступая как внутренний регулятор активности. Вступая в различные формы социального взаимодействия, индивид «примеряет» роли, принимает и закрепляет их, включая в структуру самости. Таким образом, идентичность в подходе Ш. Страйкера – это структурированная система социальных ролей, определяющая выбор и устойчивость поведения. Она формируется под воздействием общественных норм и в то же время оказывает влияние на поведение субъекта, выступая регулятором социальной адаптации. Эта точка зрения подчеркивает важность социально-структурного контекста в развитии идентичности [10; 40; 69].

В целом в символическом интеракционизме идентичность

определяется как: 1) социально сконструированная реальность, возникающая во взаимодействии; 2) процесс интериоризации ожиданий и норм, проявляющихся в форме ролевого поведения; 3) рефлексивный механизм, через который индивид осознает себя как субъекта общественных отношений.

Подход символического интеракционизма обогащает представления об идентичности, показывая, что она формируется не изнутри личности, а в ее диалоге с другими, связана с механизмами ролевой социализации и отражает социальную природу Я-концепции (см. Приложение 9). Этот подход особенно ценен при анализе динамики идентичности в условиях социальной мобильности, ролевых конфликтов и межгрупповых взаимодействий [44; 46; 47; 94; 124].

Бихевиористский подход в психологии, развивавшийся с начала XX века, в целом не фокусировался на таких внутренних психологических конструктах, как идентичность. Однако в рамках социального бихевиоризма, получившего развитие в середине XX века, стали появляться исследования, в которых затрагивались аспекты межгрупповой динамики и принадлежности индивида к социальной группе. Особенно значимыми в этом контексте являются работы Музафера Шерифа, заложившего основы экспериментального изучения межгруппового взаимодействия и социальной идентичности как эмпирически наблюдаемого поведения.

По мнению М. Шерифа, идентичность формируется через осознание человеком своей принадлежности к конкретной группе, что проявляется в процессе прямого межгруппового взаимодействия. Хотя его подход опирается на методологию бихевиоризма, акцентирующего внимание на внешних и объективных условиях, в трудах М. Шерифа просматривается представление о социальной идентичности как о факторе, определяющем поведение личности в социальном контексте. Идентичность в этом контексте трактуется не как внутренняя структура личности, а как результат включенности в конкретные социальные процессы, имеющие измеримые

последствия.

В рамках бихевиористского подхода акцент делается на ситуативных переменных, регулирующих поведение: структура задания, наличие групповой цели, конкуренция или кооперация между группами. Личностные характеристики индивидов рассматриваются как второстепенные, а основное внимание уделяется тому, как среда, организация взаимодействия и межгрупповое соперничество определяют модели поведения.

Наиболее показательным примером применения бихевиористской методологии к исследованию групповой идентичности являются эксперименты в Робберс Кейв (Robbers Cave Experiment), проведенные М. Шерифом и его коллегами в 1950-х гг. В ходе этих полевых экспериментов подростки были искусственно разделены на группы, которые затем подвергались различным условиям взаимодействия: от конкуренции до кооперации. Было установлено, что даже в условиях искусственно созданной групповой принадлежности участники демонстрировали сильное стремление к отождествлению с «своей» группой, усиливалась внутригрупповая сплоченность, формировались стереотипы в отношении «других» и проявлялось предпочтение своего коллектива. Это свидетельствовало о том, что идентичность – в смысле группового самоотнесения – способна формироваться ситуативно и быстро, под воздействием контекста и структуры взаимодействия.

Таким образом, в бихевиористской интерпретации идентичность не является статической характеристикой индивида, а представляет собой динамическую, контекстно обусловленную форму поведенческого реагирования. Групповая принадлежность определяется через объективные взаимодействия между индивидами, выступающими как представители определенных социальных групп. М. Шериф подчеркивал, что поведение индивида в межгрупповой ситуации следует рассматривать в его роли как члена группы, а не как изолированного субъекта. Это отражается в утверждении ученого, что межгрупповое поведение возникает тогда, когда

взаимодействие носит характер отношений между группами, а не между индивидуумами как таковыми.

Несмотря на то, что в классическом бихевиоризме отсутствует глубокий интерес к внутреннему миру субъекта, М. Шериф фактически заложил основы для дальнейших разработок в области социальной идентичности. Его идеи стали переходным звеном от бихевиористской модели к когнитивным и социально-психологическим теориям, таким как теория социальной идентичности А. Таджфела, где на передний план выходят уже процессы категоризации, сравнения и психологической значимости группового членства для самооценки индивида.

Таким образом, подход М. Шерифа демонстрирует, как даже в рамках бихевиоризма – дисциплины, ориентированной на внешние стимулы и наблюдаемое поведение – может быть вычленено понятие идентичности, связанной с принадлежностью к социальной группе. Это свидетельствует о важной роли межгруппового контекста в формировании социальной идентичности и создает возможности для междисциплинарного изучения данного явления в рамках современной психологической науки [194].

В рамках социальной психологии второй половины XX века доминирующими стали когнитивный и конструктивистский подходы к исследованию идентичности. В этих парадигмах идентичность понимается как сложная когнитивная и конструктивная система, обеспечивающая адаптацию индивида, ориентацию в социуме, прогнозирование и регуляцию поведения в условиях социальной изменчивости. В когнитивной традиции феномен идентичности рассматривается как ключевая психологическая структура, организующая восприятие и интерпретацию социальной реальности. Центральная идея данного подхода заключается в том, что представления индивида о мире формируются в виде устойчивых когнитивных конструкций – установок, схем, стереотипов и убеждений, которые выступают регуляторами социального поведения и межличностных взаимодействий [77; 86; 94; 124; 144].

Наиболее значительно повлияла на развитие когнитивного подхода к идентичности теория социальной идентичности (Social Identity Theory – SIT), разработанная Анри (англ. Henry) Таджфелом и Дж. Тернером (1979; 1985). Эта теория представляет собой синтез идей социальной, когнитивной и личностной психологии и предлагает концептуальную модель, объясняющую формирование самоидентификации через призму принадлежности к социальной группе. Согласно определению А. Таджфела, «социальная идентичность – это та часть Я-концепции индивида, которая проистекает из его осознания членства в социальной группе (или группах) вместе со значением и эмоциональной ценностью, придаваемой этому членству» [193].

В теории социальной идентичности основополагающими когнитивными механизмами личности являются:

- социальная категоризация – ментальный процесс отнесения себя и других к определенным социальным группам, упрощающий социальную реальность;
- социальная идентификация – формирование эмоционально значимой связи с собственной группой;
- социальное сравнение – сопоставление своей группы с другими с целью поддержания или повышения позитивной самооценки;
- межгрупповая дискриминация – предпочтение своей группы и снижение значимости аутгруппы.

А. Таджфел отмечал, что основой позитивной социальной идентичности является принадлежность к группе и значимость этой принадлежности для личности, что способствует повышению самооценки и ощущению безопасности. Однако в ситуациях, когда статус группы оказывается под угрозой, возрастает этноцентризм, усиливающий напряженность во взаимоотношениях между группами. Эти идеи имеют особое значение для анализа этнической идентичности, ксенофобии, межгрупповой дискриминации и конфликтов [110; 119; 120; 193; 195].

Развитие теории социальной идентичности продолжилось в рамках

теории самокатегоризации (self-categorization theory, Turner, 1987), где особое внимание уделяется процессу когнитивной интеграции личностной и социальной идентичности. Теория демонстрирует, что в зависимости от контекста активизируются разные уровни идентификации – личностный, ролевой, групповой или этнокультурный. Идентичность здесь предстает как иерархически организованная структура, способная адаптивно перестраиваться в зависимости от актуальной социальной ситуации. Особенно важны эти положения при изучении множественной идентичности в условиях глобализации, миграции и культурного разнообразия [198].

Весомый вклад в когнитивный подход внесли конструктивистские теории, акцентирующие внимание на индивидуальных ментальных структурах, с помощью которых человек конструирует свое понимание мира. Согласно Дж. Келли (1955), идентичность опирается на систему личностных конструктов – уникальных когнитивных схем, через которые человек интерпретирует события и взаимодействует с другими. Конструкты обладают адаптивной функцией, обеспечивая предсказуемость и стабильность социального опыта.

В работах К. Левина (теория жизненного пространства) и У. Найсера (когнитивная психология восприятия) подчеркивается, что идентичность – это не просто отражение социальных реалий, а их активное преобразование в соответствии с когнитивной структурой субъекта [44].

Особую роль в когнитивной интерпретации идентичности сыграла теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера (1957), которая указала на необходимость согласования между установками, поведением и самоидентификацией. Состояние диссонанса побуждает индивида к поиску когнитивной согласованности, в том числе путем изменения самооценки или переосмысления групповой принадлежности, что напрямую связано с процессами идентификации [10; 46; 47; 67; 198].

В современной социальной психологии все большее распространение получает подход, согласно которому социальная идентичность

рассматривается как составляющая «социокультурного Я» (D. Abrams, M. Hogg, H. Tajfel, J.C. Turner, H.R. Markus и др.). Исследователи подчеркивают, что индивидуальное и коллективное начала в структуре идентичности не противопоставлены, а сосуществуют и находятся в динамическом взаимодействии. «Самость» (self) структурируется как совокупность описаний, включающих как персональные характеристики, так и групповые признаки, что позволяет говорить о существовании параллельно функционирующих личностной и социальной идентичности [44; 46; 128].

Таким образом, когнитивный подход раскрывает идентичность как результат ментальной организации социального опыта, включающей процессы категоризации, интерпретации и адаптации. Идентичность в этом контексте – не статичная сущность, а динамическая когнитивная конструкция, позволяющая индивидам ориентироваться в сложной социальной реальности, сохранять внутреннюю согласованность и эффективно функционировать в системе межличностных и межгрупповых взаимодействий.

Современное исследование идентичности все чаще опирается на интегративный подход, который сочетает когнитивные, социально-культурные и феноменологические основания. В связи с этим важное место занимают идеи, отражающие интерсубъективный и символический характер идентичности как совместного конструкта субъекта и его социального окружения.

В работах Дж. Марсии [175] идентичность получила статус измеримого психологического конструкта. Развивая идеи Э. Эриксона, Дж. Марсия разработал статусную модель идентичности, предложив четыре состояния (или стадии) ее формирования: достигнутая идентичность, идентичность в состоянии моратория, предрешенная (навязанная) идентичность и диффузная идентичность. Эти статусы отражают степень вовлеченности субъекта в процесс осмысления жизненных ценностей и степень принятия обязательств. Согласно Дж. Марсии, идентичность формируется в диалоге между

личностью и ее социальным контекстом – индивид извлекает из окружения значимые символы, ценности, модели поведения и трансформирует их в элементы своей Я-концепции. Таким образом, идентичность здесь предстает как динамический процесс, соотносящийся как с внутренним миром субъекта, так и с внешними социальными условиями [42; 175].

Социальная идентичность как осознанная принадлежность к социальной группе и как элемент когнитивной карты личности исследовалась многими зарубежными и отечественными авторами. Так, М. Бревер (1990; 1991) вводит концепцию оптимальной отчетливости, утверждая, что человек стремится к балансу между желанием быть похожим на других (инклюзия) и потребностью сохранять индивидуальность (дифференциация). По ее мнению, принадлежность к социальной группе позволяет одновременно удовлетворить обе эти потребности. Особенно ярко выражен феномен внутригруппового предпочтения у представителей маргинализированных групп, для которых идентичность становится символом гордости и средством позитивной реинтерпретации негативного опыта [86; 124].

С. Московичи рассматривает идентичность как идентификационную матрицу, включающую множество аспектов: общечеловеческую, этническую, религиозную, половую, профессиональную и т.д. Согласно его гипотезе, доминирующая в данный момент идентичность задает ракурс восприятия и определяет иерархию значимых категорий. Этническая идентичность в этой структуре может играть как фоновую, так и ведущую роль, определяя способ интерпретации социальной реальности [78].

Такие авторы, как В.А. Ядов, Г.М. Андреева, А.А. Цуциев, Ю.Л. Качанов, также трактуют идентичность как когнитивную структуру, представляющую собой систему знаний субъекта о своем месте в обществе, о группах, к которым он принадлежит, и об их взаимосвязи. Исследователи подчеркивают, что социальная идентичность формируется в результате включенности человека в реальные практики общения и взаимодействия, где

происходит интериоризация норм, ролей и символических значений [57; 69; 146].

Социальная идентичность как единый иерархический комплекс, включающий в свою структуру представления индивида о своей принадлежности к группе и имеющий специфическую связь с мотивационно-смысловыми особенностями, была описана в исследованиях Н.Л. Ивановой [44; 46; 47].

Г. Шапиро и А. Дашевски подчеркивают социальную детерминированность идентичности, определяя ее как результат того, как другие воспринимают человека через призму таких категорий, как возраст, пол, профессия, этничность. Таким образом, идентичность здесь трактуется как продукт социальной категоризации и отражение внешней оценки со стороны общества.

К. Левин, один из основоположников социально-психологической теории поля, подчеркивал важность устойчивого чувства групповой принадлежности как условия психологического благополучия. В его теории жизненного пространства идентичность выступает в качестве стабилизирующего элемента, обеспечивающего целостность личности и направленность поведения в изменяющемся социальном окружении [67; 124].

Таким образом, в рамках феноменологического, ролевого и конструктивистского подходов идентичность рассматривается как социально обусловленная, но индивидуально интерпретируемая структура. Она формируется в процессе социального взаимодействия, присвоения ролей, усвоения символических значений и рефлексии над положением личности в системе социальных отношений. Эти подходы выделяют не только когнитивную, но и символическую, аффективную и интерактивную составляющие идентичности, раскрывая ее как результат сложного процесса взаимной адаптации индивида и общества.

В работах казахстанских ученых акцент делается на специфике

формирования идентичности в условиях межэтнического взаимодействия, культурного многообразия и миграционных процессов, характерных для современного Казахстана.

В исследованиях Г.М. Менлибаевой социальная идентичность рассматривается как динамическое образование, формирующееся под влиянием социокультурных факторов, таких как язык, религия, традиции, система ценностей и политический контекст. Исследователь подчеркивает роль этнической и гражданской идентичности как составляющих общей структуры социальной идентичности граждан Казахстана, а также обращает внимание на важность интеграции этих компонентов для формирования единого казахстанского гражданства [74].

Т.Р. Рахымбекова рассматривает социальную идентичность сквозь призму социального капитала и межэтнической толерантности. Ее работы подчеркивают значение позитивной социальной идентичности как ресурса социальной стабильности и межэтнического согласия в казахстанском обществе [93].

В работах Ж.А. Жаманкуловой исследуется соотношение этнической, религиозной и гражданской идентичности у казахстанской молодежи, выявляются тенденции к росту этноконфессионального самосознания, а также трудности в интеграции этнических меньшинств в общегражданскую идентичность [36].

В казахстанских научных работах по проблеме социальной идентичности отмечается ее многослойный характер, зависимость от социального контекста, а также значение в поддержании общественной стабильности в условиях этнокультурного разнообразия [36; 74; 93; 137].

Социальная идентичность как концептуализированное понятие в теории социальной идентичности отражает стремление индивида к поддержанию положительного самоощущения через принадлежность к определенной социальной группе. Этот процесс включает в себя категоризацию окружающего мира и сравнение своей группы с другими, что

способствует формированию чувства коллективной ценности и самооценки. Важным аспектом социальной идентичности является ее многоуровневый характер, который позволяет человеку идентифицировать себя с различными социальными группами, такими как профессиональные, религиозные или этнические сообщества.

Среди различных форм идентичности особое значение имеет этническая идентичность, выступающая как разновидность социальной идентичности, основанная на осознании своей принадлежности к определенному этносу. Ее становление связано с восприятием общих культурных ценностей, языка, традиций и исторической памяти, что делает ее важным элементом самопонимания и социального взаимодействия. В условиях дискриминации по этническому признаку значение этнической идентичности может возрастать, выступая фактором устойчивости и внутренней компенсации для членов этнической группы, сталкивающихся с негативным внешним давлением [39; 45; 48; 55; 105; 112].

Этническая идентичность представляет собой сложную многосоставную категорию, которая включает не только субъективное чувство принадлежности человека к этнической группе, но и осознание им своей позиции в социокультурной среде [22; 24; 55; 59; 62; 88; 154]. Согласно Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность является результатом взаимодействия личности с этнической средой и представляет собой динамический процесс, зависящий от внешних социальных условий и индивидуального опыта [111; 114].

Этническая идентичность выражается в осознании и эмоциональном переживании человеком своей принадлежности к конкретной этнической общности. Ее основой служит система символов, вызывающих ощущение сопричастности и общности с данной группой. Несмотря на возможные различия между ее представителями, у них сохраняется чувство единства и этнической сплоченности [48; 183; 199].

В рамках проведенного нами теоретического анализа исследований

этничности можно выделить три основных концептуальных подхода: примордиальный, инструменталистский и конструктивистский.

Примордиалистская перспектива, получившая развитие в 1950–1960-х годах и также известная как эссенциалистская, рассматривает этническую идентичность как нечто изначально присущее человеку. В этом подходе этничность трактуется как устойчивая и объективно существующая характеристика, укорененная в культуре, языке, традициях и психологических особенностях народа. Этническая принадлежность в данном контексте воспринимается как глубинная внутренняя привязанность индивида к своей группе, а этническая идентичность – как врожденная и неизменная основа самосознания, возникающая на основе общего культурного и исторического опыта.

Инструменталистское направление, появившееся в 1970-х годах, возникло как критика ограниченности примордиального подхода, особенно в объяснении новых форм этнополитической мобилизации. С позиции инструментализма этничность не рассматривается как фиксированная сущность, а понимается как ресурс или средство, позволяющее достигать коллективных целей. Этнические группы в этом контексте выступают как сообщества, объединенные не только общими интересами, но и стремлением к политической мобилизации. Этническая идентичность, согласно этой точке зрения, формируется под влиянием социально-экономических факторов и может быть сознательно выбрана или активизирована в зависимости от ситуации.

Конструктивистский подход, который в настоящее время занимает ведущие позиции в научных дискуссиях, представляет собой синтез элементов двух предыдущих направлений. С одной стороны, конструктивисты признают реальность этнических признаков, однако подчеркивают, что этничность формируется в ходе социального взаимодействия и может трансформироваться со временем. С другой стороны, как и инструменталисты, они придают особое значение

политическим механизмам, акцентируя роль элит в формировании этнического сознания через механизмы этнопредпринимательства, культурного мифотворчества и конструирования исторической памяти. Таким образом, конструктивизм рассматривает этническую идентичность как динамическое, контекстуально обусловленное явление, отражающее сложные процессы социальной и политической реальности. Этничность в конструктивизме рассматривается не как фиксированная или биологически заданная характеристика, а как результат процесса социального конструирования. При данном подходе предполагается, что этническая общность формируется на основе коллективной веры в наличие естественных связей между ее членами – общности происхождения, культуры, языка, а также символически конструируемой истории. Эта общность не существует объективно, а возникает в результате согласованного социального взаимодействия, в котором формируются и поддерживаются представления о «мы-группе» [45; 48; 112].

Оригинальную модель развития этнической идентичности предлагает Дж. Финни (1990). Эта модель была разработана на основе теории Э. Эриксона и Дж. Марсиа (1991). Дж. Финни указывает, что в развитии этнической идентичности есть три стадии: неизученная этническая идентичность, поиск этнической идентичности, достижение этнической идентичности. В процессе социализации этническая идентичность развивается посредством приобретения этнического группового поведения, представлений, ценностей и установок. Достижение этнической идентичности требует безопасного, уверенного и стабильного самоощущения. Овладение собственной этнической идентичностью создает реалистичную оценку своей группы. Принятие собственной этнической идентичности заменяет негативную этническую самооценку.

Современные исследования подчеркивают значимую взаимосвязь между уровнем развития этнической идентичности и показателями психологического благополучия личности. Так, например, по наблюдениям

Дж. Финни, этническая идентичность представляет собой внутреннюю когнитивную структуру, которая может быть устойчивой и осознанной даже при отсутствии поведенческого выражения этнической принадлежности. Это означает, что индивид может ясно осознавать и принимать свою этническую принадлежность, не проявляя при этом активного интереса к культурным традициям, обычаям или ритуалам своей этнической группы.

В ряде эмпирических исследований отмечается наличие поведенческих проявлений этнической идентичности, которые могут функционировать автономно от ее когнитивных и эмоциональных составляющих. Эти данные подчеркивают сложную и многослойную природу этнической идентичности, включающей в свою структуру когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Каждый из них выполняет значимую функцию в процессе формирования этнокультурного самосознания и способствует успешной социальной адаптации личности [181; 182; 183; 184; 185].

Джон Берри в своих исследованиях [157] предлагает классификацию стратегий аккультурации, к которым прибегают этнические меньшинства в условиях межкультурного взаимодействия. Ученым выделяются четыре стратегии, зависящие от степени сохранения этнической идентичности и уровня принятия культуры большинства: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. Эти стратегии влияют на социальную адаптацию, психологическое благополучие и качество межэтнических отношений [157; 159].

В России исследования этнической идентичности проводятся в рамках устоявшихся методологий, включающих принцип единства сознания и деятельности, принцип развития, личностного и системного подходов. Понимание развития этнической идентичности берет начало в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского (1928).

Л.С. Выготский исследует процесс идентификации через систему культурных знаков. Ученым выявлено, что знаки работают только в процессе общения, т. е. обслуживают социальные отношения людей во

взаимодействии с друг другом. При этом Л.С. Выготский придерживается мнения, что психику индивида, взаимодействующего с другими людьми, нельзя вывести из свойств отдельных индивидов. Психика имеет экстериоризированную форму существования. Поэтому для понимания психики психология должна выйти за рамки индивидуального сознания, более того, она должна обратиться к истории человеческой культуры и искусства [15; 83; 84].

Для изучения этнической идентичности часто используются психосемантические методы, основанные на семиотической модели сознания А.А. Леонтьева. Эти методы ориентированы на исследование содержания, источников и функций социальных и этнокультурных смыслов, а также их проявлений в индивидуальном сознании. Согласно семиотической модели, предложенной А.А. Леонтьевым, сознание представляет собой систему значений, сформированную исторически и отражающую накопленный общественный опыт. Эта система функционирует во взаимосвязи с личностными смыслами, которые придают сознанию субъективную, избирательную направленность [68].

Психосемантические методы включают приемы множественной идентификации. Эта технология разработана В.Ф. Петренко [82]. При использовании метода множественных идентификаций ролевые позиции сравниваются и определяются путем описания типичного поведения. По мнению В.Ф. Петренко, коллективные этнические представления фиксированы в языковых структурах и доступны психологическому анализу, но личностный смысл их «режима употребления» уходит от исследователя, потому что есть трудности вербализации, а также расплывчатость представлений об этнической идентичности [7].

В российской и зарубежной социальной психологии важную роль играет когнитивно-ценностный подход, который связывает формирование этнической идентичности с системой индивидуальных и культурных ценностей. Исследования Милтона Рокича (1973) показали, что ценности

играют ключевую роль в определении социальных установок и поведения. В более современных разработках предлагается учитывать культурные ценности как основу межкультурных различий, что помогает объяснять вариативность этнической идентичности в разных обществах [61; 63; 96; 186; 189; 190].

В российской психологии широко распространены исследования когнитивного и эмоционального компонентов этнической идентичности. Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов разработали типологию этнической идентичности в зависимости от различных причин и условий формирования и реализации этнической идентичности, а также показали, что значительная часть испытуемых определяют этническую идентичность по языку [8].

Ю.В. Арутюнян в своих исследованиях конца XX века выделил четыре ключевых источника формирования этнической (национальной) идентичности. Первый – «родовой» источник, основанный на осознании общего происхождения и исторической судьбы народа. Второй – «психический», включающий в себя духовные ценности и идеалы, накопленные этносом, включая как религиозные, так и социальные ориентиры. Третий – «этнокультурный» источник, связанный с приобщением к национальной культуре, языку, традициям и нормам поведения. Четвертый – «социальный», отражающий влияние социальной позиции и интересов этнической общности [7].

В коллективной монографии «Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России» Л. М. Дробижева вместе с коллегами освещает проблемы динамики государственной и гражданской идентичностей российского общества, используя материал массовых стандартизированных и глубинных интервью ряда регионов. Использование массового опроса позволило авторам монографии выявить факторы, которые влияют на интенсивность этнической и российской идентификаций в XX–XXI вв. Л. М. Дробижева разграничивает этническую идентичность, которая

основывается на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом и территории, и российскую идентичность, которая связана с геополитическим пространством, цивилизационным развитием, представлениями о ресурсах страны, культурными достижениями. Российская идентичность динамичнее, чем этническая, выбор которой может включать и российскую идентичность, а когнитивное подкрепление обоих видов идентичности делает возможным взаимодействие, что позволяет говорить об их совместимости [27; 28; 29; 30; 31].

По нашему мнению, значительный вклад в формирование теоретико-методологических подходов к исследованию этнической идентичности и межэтнических отношений в российской психологической науке внесла Г.У. Солдатова. В своих трудах она рассматривает этническую идентичность как ключевой элемент социальной идентичности личности, который определяет ее самоощущение в рамках определенного этнокультурного сообщества [102; 106]. Исследователь подчеркивает, что становление этнической идентичности происходит в процессе этнической социализации и интернализации норм, ценностей, языка и традиций конкретной культуры. При этом на формирование идентичности оказывают влияние и внешние факторы, такие как особенности межэтнического взаимодействия, государственная политика и общественные установки.

Центральным положением концепции Г.У. Солдатовой является представление о динамичности этнической идентичности – ее способности изменяться под воздействием социокультурной среды, характера межгрупповых отношений и индивидуального опыта. В структуре этнической идентичности Г.У. Солдатова выделяет три уровня: когнитивный (осознание личностью своей этнической принадлежности), эмоциональный (переживание сопричастности и гордости за свою группу) и поведенческий (вовлеченность в этническую культуру, соблюдение традиций и т.п.) (1999).

Особое внимание в своих исследованиях Г.У. Солдатова уделяет взаимосвязи между этнической идентичностью и уровнем межэтнической

толерантности. Она отмечает, что сильная, позитивно окрашенная этническая идентичность может как способствовать гармонизации межэтнических отношений (при сохранении открытости к другим культурам), так и стать основой для межэтнической напряженности – особенно в условиях социальной нестабильности или конфликта.

Одним из практических направлений исследований Г.У. Солдатовой стала разработка методик диагностики этнической идентичности и толерантности. В частности, она является автором Методики диагностики уровня этнической толерантности (в составе Команды психологической помощи «Толерантность»), активно использующейся в исследованиях и образовательной практике. Также под ее руководством проводились масштабные межрегиональные и межэтнические исследования этнической идентичности и социальной дистанции в России и странах СНГ.

Г.У. Солдатовой были выделены типы этнической идентичности. Методика «Типы этнической идентичности» дифференцирует данное социально-психологическое явление по условной «пятивариантной» шкале: от этноиндифферентности (космополитизм) до этнофанатизма [103; 105; 107; 108]. Таким образом, теоретические положения и эмпирические разработки исследователя позволяют рассматривать этническую идентичность как сложный, многоуровневый психологический феномен, находящийся в тесной связи с межэтническими отношениями, установками толерантности и культурной адаптацией.

Другой исследователь, Т.Г. Стефаненко, считает, что этническую идентичность человека следует рассматривать не только с точки зрения чувства принадлежности к этносу, но и как категорию, находящуюся на стыке личности и ее ситуации в самом широком смысле. Поэтому, согласно Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность – это опыт взаимоотношений между личностью и этнической средой, то есть тождество с этнической общностью и отделение себя от других [110]. В подходе Т.Г. Стефаненко этническая идентичность рассматривается как многокомпонентное

образование, включающее когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Такой подход позволяет более комплексно понимать, как формируется этническое «Я» и как оно влияет на поведение и установки личности в межэтнических ситуациях.

Исследователь подчеркивает, что этническая идентичность может проявляться по-разному в зависимости от социокультурного контекста и личностного опыта индивида. Ученый выделяет несколько форм этнической идентичности:

- позитивную (гармоничную);
- этноэгоцентричную (с акцентом личности на превосходство своей группы);
- этнонигилистическую (со сниженным уровнем этнической значимости);
- маргинальную (при слабой включенности в какую-либо этнокультурную общность).

Эти формы были эмпирически исследованы Т.Г. Стефаненко и ее коллегами и позволяют дифференцировать типы этнической идентичности в зависимости от степени выраженности и направленности этнической принадлежности [112].

Значительное внимание в работах Т.Г. Стефаненко уделяется межкультурной коммуникации и процессам аккультурации. Адаптируя модель Дж. Берри, исследователь рассматривает, как представители различных этнических групп (включая мигрантов и этнические меньшинства) взаимодействуют с культурой большинства, какие стратегии аккультурации они выбирают (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) и как это влияет на их психологическое состояние и идентичность. Особое место в исследованиях ученого занимает анализ соотношения этнической и гражданской идентичности в многонациональном обществе.

Т.Г. Стефаненко также активно разрабатывает методологические

основы межкультурной психологии, подчеркивая важность культурной чувствительности и контекстуального подхода в интерпретации результатов психологических исследований. Ее концепция этнической идентичности объединяет элементы когнитивного, ценностного и культурного подходов, что придает ей особую актуальность для всестороннего изучения идентичности в контексте глобализационных процессов и культурного многообразия.

Таким образом, вклад Т.Г. Стефаненко в исследование этнической идентичности заключается в разработке теоретической модели, позволяющей анализировать идентичность как динамичное и контекстно обусловленное явление, связанное с процессами социальной идентификации, межкультурного взаимодействия и этнической социализации [111; 112; 114; 115].

В.Ю. Хотинец рассматривает этническую самоидентификацию как базу этнической идентичности, которая в свою очередь детерминирована культурным своеобразием этноса. Согласно концепции В.Ю. Хотинца, этническая идентичность имеет глубокие корни в истории и прошлом народа. В ее научных трудах этот вид идентичности предстает как ключевой компонент структуры самосознания личности и одновременно как значимый регулятор социального поведения, особенно в контексте многоэтнической и многокультурной социальной среды. Согласно концептуальному подходу В.Ю. Хотинца, этническая идентичность представляет собой осознание и эмоционально-психологическое принятие личностью своей принадлежности к определенной этнической общности. При этом идентичность включает в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Исследователь подчеркивает, что этническая идентичность – не фиксированная и неизменная характеристика, а динамическая структура, формирующаяся в процессе социализации и межэтнического взаимодействия [Хотинец, 2002].

Вклад В.Ю. Хотинца в теорию этнической идентичности заключается в

разработке типологии ее форм. В зависимости от степени выраженности и ориентации идентичности исследователь выделяет следующие типы: позитивная этническая идентичность, которая отражает принятие своей этнической принадлежности при уважительном отношении к другим культурам; этноэгоцентрическая идентичность, характеризующаяся установками на превосходство собственной этнической группы; маргинальная идентичность, при которой отсутствует прочная связь с какой-либо этнической общностью; этнический нигилизм, предполагающий отрицание значимости этничности как социально значимой характеристики. Такая типология позволяет использовать этническую идентичность как важный индикатор потенциала для межэтнической гармонии или напряженности в конкретных социальных контекстах.

В ряде работ В.Ю. Хотинец подчеркивает, что формирование этнической идентичности происходит особенно активно в юношеском возрасте и в период ранней взрослости, когда личность осваивает социальные роли, расширяет сферу межгруппового общения и сталкивается с необходимостью интеграции культурных идентичностей. В связи с этим важную роль играют образовательная среда, массовая культура, семейное воспитание, миграционные процессы, а также этнические стереотипы, транслируемые обществом.

Одним из ключевых направлений исследований В.Ю. Хотинец является анализ связи между этнической идентичностью и такими социальными установками, как толерантность, ксенофобия и социальная дистанция. Результаты эмпирических работ ученого свидетельствуют о том, что позитивная и интегративная форма этнической идентичности способствует открытому, конструктивному взаимодействию между этническими группами. В то же время выраженный этноэгоцентризм и процессы маргинализации могут провоцировать рост межэтнической напряженности и способствовать социальному отчуждению.

Кроме того, В.Ю. Хотинец разработаны и адаптированы

психодиагностические инструменты для оценки степени выраженности идентичности, уровня межэтнической толерантности и особенностей межэтнического восприятия. Данные методические разработки широко применяются в межрегиональных и межэтнических исследованиях, а также в прикладных проектах по гармонизации межнациональных отношений.

Таким образом, научный вклад В.Ю. Хотинец в изучение этнической идентичности заключается в комплексном подходе к пониманию ее структуры, функций и развития. Теоретические и прикладные работы ученого способствуют более глубокому осмыслению процессов этнокультурной самоидентификации личности, что имеет важное значение как для фундаментальной науки, так и для практики социальной и образовательной политики в условиях культурного многообразия [129; 130; 131; 132; 133].

Освещая разработки современных исследователей, стоит упомянуть анализ этнической идентичности через призму взаимодействия «Я – Другой», предложенный Е.В. Рягузовой. Он позволяет по-новому рассмотреть механизмы формирования групповой принадлежности и отношения к представителям иных этнических сообществ. По концепции Е.В. Рягузовой, «Другой» выступает не только как отдельная личность, но и как символическая фигура, олицетворяющая инаковость – этническую, культурную, мировоззренческую. Репрезентации «Другого» в сознании индивида формируются в процессе межгруппового взаимодействия и отражают как личный опыт, так и социальные установки. При позитивной этнической идентичности образ «Другого» включает элементы интереса, уважения и принятия, что способствует снижению социальной дистанции и установлению конструктивных межэтнических отношений. В противоположность этому репрезентации, основанные на страхе, угрозе или негативных стереотипах, формируют отчужденный образ «Другого», что может способствовать ксенофобии и этноэгоцентризму. Таким образом, по мнению Е.В. Рягузовой, этническая идентичность является не столько

фиксированной характеристикой, сколько динамичной системой смыслов, опосредованной образом «Другого» и определяющей качество межэтнического взаимодействия [96].

На основе проведенного нами теоретического анализа социальной идентичности и ее частного проявления – этнической идентичности – можно сформулировать следующий вывод. Несмотря на различия в социально-психологических подходах, социальная идентичность в целом понимается как процесс самоотнесения личности к определенной социальной группе, тогда как этническая идентичность представляет собой идентификацию себя с конкретной этнической общностью.

В ходе обзора были уточнены определения указанных понятий, выделены их структура и ключевые характеристики. Так, социальная идентичность представляет собой многослойный и междисциплинарный феномен, охватывающий философские, психологические и социологические аспекты. Разнообразие теоретических подходов – от психоанализа и символического интеракционизма до когнитивной психологии и конструктивизма – подчеркивает сложность и многогранность этого понятия. Основу социальной идентичности составляет осознание индивидом своей принадлежности к той или иной социальной группе, что влияет на его поведение, уровень самооценки и восприятие социальной реальности. Этническая идентичность, являясь специфической формой социальной идентичности, также занимает важное место в формировании целостного образа Я, отражая взаимосвязь личностных и коллективных компонентов самосознания. В целом социальная идентичность выполняет важную адаптационную функцию, способствуя интеграции личности в социокультурное пространство и обеспечивая внутреннюю непрерывность и устойчивость «Я» в условиях социальных изменений.

1.2. Социально-психологическое исследование понятий «ценностные ориентации» и «социальная дистанция»

Современные социальные трансформации, особенно в условиях глобализации, миграции и культурного многообразия, обостряют интерес к изучению ценностей как ключевого регулятора социального поведения и индикатора культурных изменений. Особое внимание в социальной психологии уделяется исследованию ценностных ориентаций в полиэтнических и приграничных регионах, где взаимодействие различных этнокультурных групп усиливает процессы переосмысления, адаптации и трансформации ценностных систем [9; 35; 95; 136; 140; 142].

Философско-социологическое осмысление феномена ценностей имеет глубокие историко-культурные корни. Еще в античной философии Платон формировал представление об иерархии блага и идеального государственного устройства. В Средневековье была широко распространена христианская доктрина ценностей, основанная на идеях добра, добродетели и спасения. Однако термин «ценность» в научном смысле начал использоваться лишь с середины XIX века, когда немецкий философ Р.Г. Лотце ввел его в философскую лексику, определяя как значимость объекта для субъекта. Впоследствии И. Кант, а также представители баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) рассматривали ценности как категориальные основания философского знания и как структурообразующие элементы культуры. Г. Риккерт утверждал, что вне ценностей любое бытие теряет смысл, поскольку именно они наполняют содержание действительности социальным значением [94].

С переходом от философского осмысления к эмпирическим исследованиям ценности стали предметом анализа в социологии и социальной психологии.

Как полагал П.А. Сорокин, ценности составляют основу любой культуры и служат связующим звеном между индивидуальным поведением и

макросоциальными процессами. В рамках социологической концепции ученого каждый социально значимый процесс рассматривался через три взаимосвязанных компонента: 1) субъекты социального действия (люди), 2) система значений, ценностей и норм, и 3) действия и артефакты, через которые данные ценности проявляются и передаются [108]. Следовательно, любое изменение в системе ценностей влечет за собой трансформации в других элементах социокультурной структуры.

В работах В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова и Ю.А. Левады ценности рассматривались как детерминанты социального поведения и отражение социальных условий, в которых формируется личность. В.А. Ядов, в частности, подчеркивал значимость территориальных факторов (уровень урбанизации, тип занятости, доступ к социальным ресурсам) в формировании ценностно-нормативных установок личности. По его мнению, урбанизация ведет к переориентации от традиционных ценностей на постматериальные – самореализацию, индивидуальную свободу и инновационность [41; 57; 146].

Современные транснациональные исследования Ш. Шварца и Г. Хофстеде дополняют понимание территориальной обусловленности ценностей, указывая на вариативность ценностных ориентаций в зависимости от культурных моделей – индивидуалистских или коллективистских, стабильных или нестабильных, экономически благополучных или кризисных. При этом, как отмечают Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко, даже в рамках одного государства, такого как Россия, ценностные ориентации населения существенно различаются в зависимости от этнокультурной гетерогенности региона, уровня миграции, социальной мобильности и историко-культурного наследия [61; 63; 64; 122; 140; 169; 192].

В социальной психологии категория ценности охватывает систему идеалов, целей, интересов, убеждений и других компонентов мировоззрения, возникающих в процессе усвоения социального опыта. В целом ценности в социальной психологии рассматриваются как субъективный феномен,

входящий в структуру направленности личности, обуславливающий ее поведение; многомерное явление, интернализированные структуры по линии связи установка – ситуация – действие. Среди исследователей этих направлений можно выделить Дж.Г. Мида, Г. Олпорта, К. Роджерса, М. Розенберга, М. Рокича, М. Смита, Л. Фестингера, Э. Фэриса, Ф. Хайдера, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.А. Леонтьева, М.И. Бобневу, Л.И. Божович, В.В. Водзинскую, О.И. Зотову, В.С. Мухину и др.

Ценностные ориентации – это система индивидуальных и групповых предпочтений, отражающая значимость различных социальных явлений, норм и идеалов. Они формируются в процессе усвоения социального опыта и проявляются в деятельности, мотивации и межличностных отношениях [38; 57; 61; 71; 95; 150]. Как отмечает Ш. Шварц, ценностные ориентации не являются статичными: они изменяются под влиянием трансформаций в обществе, экономических, культурных и политических факторов [140; 141].

Согласно С.Л. Рубинштейну, ценность представляет собой ту значимость, которую объект или явление приобретает для человека в контексте его личностного и жизненного смысла. Только осознанная и принятая на личностном уровне ценность может выполнять важную регулятивную функцию, выступая в роли поведенческого ориентира и определяя выбор и поступки человека в обществе. Следовательно, ценности являются основополагающим элементом в организации социального поведения и формировании жизненных ориентиров личности [4; 97].

М. Рокич определяет ценность как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования» [95]. Ученый выделяет три типа убеждений – экзистенциальные, оценочные и прогностические – и относит ценности к последнему, третьему типу убеждений, позволяющему ориентироваться в желательности/нежелательности способа поведения (операциональные,

инструментальные ценности) и существования (смысловые, терминальные ценности). Для диагностики индивидуальных иерархий ценностей М. Рокич разработал метод прямого ранжирования ценностей, разделенных на две группы: терминальные и инструментальные [186]. Терминальные ценности – стратегические цели, обладающие наибольшей устойчивостью. Ниже по иерархии располагаются инструментальные ценности – качества и способы поведения, которые считаются желательными для достижения терминальных целей; они более гибкие и склонны к изменениям. Всего М. Рокич выделяет 36 ключевых базовых ценностей, среди которых 18 являются терминальными, а 18 – инструментальными [95; 186].

Д.А. Леонтьев выделяет три взаимосвязанные формы существования ценностей, которые образуют динамическую систему и переходят одна в другую. Первая форма – это общественные идеалы, представляющие собой обобщенные представления о совершенстве, сформированные в общественном сознании и отражающие нормативные ориентиры в различных сферах общественной жизни. Вторая форма – это конкретное воплощение этих идеалов в действиях, поступках и результатах деятельности отдельных людей, то есть в материальных и духовных продуктах культуры. Третья форма – мотивационные структуры личности, которые Д.А. Леонтьев называет «моделями должного». Эти структуры выражают внутреннее принятие общественных идеалов и побуждают человека к их реализации в собственной активности.

Процесс перехода между этими формами ценностей носит циклический характер: усвоенные личностью общественные идеалы трансформируются в индивидуальные мотивационные установки, которые направляют ее поведение и деятельность. В результате этого поведения идеалы получают предметное выражение, становясь частью социальной практики, что, в свою очередь, способствует формированию и актуализации новых общественных идеалов. Таким образом, развитие системы ценностей может быть представлено как непрерывное движение по спирали, обеспечивающее

воспроизводство и трансформацию смысловых ориентиров личности и общества [71].

Г.М. Андреева подчеркивает, что, несмотря на то, что проблематика ценностей в полном объеме разрабатывается в социологии, для социальной психологии представляется необходимым выделение ряда принципиальных положений. Одним из ключевых принципов является признание различной степени значимости различных целей для функционирования социальных групп, а также различий в их соотнесенности с ценностями, принятыми в обществе в целом. Когда речь идет о высокоабстрактных категориях, таких как добро, зло, счастье и т.п., можно утверждать, что они обладают универсальностью и признаются в качестве общественно значимых ценностей большинством социальных групп. Однако по мере перехода к оценке более конкретных социальных явлений – таких, как труд, образование, культура, – наблюдаются значительные различия в ценностных ориентирах, характерных для различных социальных групп. В подобных случаях говорить о ценностях общества как едином образовании становится затруднительно. Особенности отношения к той или иной ценности обусловлены социальным положением группы и ее ролью в системе общественных отношений [5].

Г. Хофстеде рассматривает ценности как продукт социальных институтов, исторического опыта, религии, образования, климата, уровня урбанизации, а также политико-экономических условий. Он подчеркивает, что ценности устойчивы и передаются между поколениями через институты социализации, включая семью, школу и религию [168; 170; 171; 177].

Производным от понятия «ценность» является понятие «ценностные ориентации». Это более широкое понятие, которое предполагает структурную связь или отношения ценностей и ценностно-ориентированного субъекта (личности, группы личностей), объединяющую конкретную психологию личности и социологию среды, в которой она существует. Ценностные ориентации представляют собой индивидуальную

форму репрезентации ценностей.

Изучением ценностных ориентаций активно занимаются как психологи, так и социологи. Понятие «ценностные ориентации» было введено в научный оборот Т. Парсонсом в 1951 году в контексте его концепции социального действия. Ценностные ориентации, по мнению ученого, представляют собой приверженность индивида действующим в обществе стандартам и эталонам. Т. Парсонс утверждает, что ценности представляют собой один из четырех автономных элементов структуры социальной системы. Они выражают идеалы относительно предпочтительного устройства общества и выполняют функцию регуляторов, направляя процессы принятия социальных обязательств участниками взаимодействия. Благодаря этому ценности обеспечивают устойчивость и воспроизводство культурных норм и моделей, присущих данной системе [80; 82].

В социальной психологии термин «ценностные ориентации» используется в двух основных значениях: 1) идеологические, политические, моральные, эстетические и другие основания для оценки субъектом действительности и ориентации в ней; 2) способ дифференциации объектов по их значимости. Ценностные ориентации формируются в процессе усвоения социального опыта и проявляются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других аспектах личности. Эти ориентации тесно связаны с направленностью личности и определяют общий подход человека к миру, к самому себе, придают смысл и направление его позициям, поведению и поступкам. Они основываются на сформировавшихся потребностях личности, ее желаниях и стремлениях, играя ключевую роль в процессе принятия решений.

В рамках психологического подхода существует ряд трактовок феномена «ценностных ориентаций». Они могут рассматриваться как «нравственность личности», «детерминанты принятия решения», «сложные обобщенные системы ценностных представлений», а также как «основной

канал превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения». А.Н. Леонтьев утверждает, что ценностные ориентации являются «ведущим мотивом-целью», который объединяет жизнь человека с жизнью других людей, их благополучием, и что такие жизненные мотивы способны создать внутреннюю психологическую оправданность существования, которая является смыслом жизни [16; 35; 71; 96; 190].

А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов писали о ценностных ориентациях следующее: «Под ценностными ориентациями мы понимаем установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества...» [56]. Следовательно, это компонент структуры личности, представляющий собой некую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [41; 57].

В настоящем исследовании для анализа ценностных ориентиров жителей приграничных регионов в контексте этнической идентичности за основу взята теория Ш. Шварца о семи культурных ценностных ориентациях. Методика Ш. Шварца является подходящей для исследования изменений ценностных ориентаций в группах и культурах, особенно в условиях трансформации общества.

Ш. Шварц в своей теории подчеркивает важность определенных социальных проблем, лежащих в основе культурных различий, и использует их как основу для измерения.

Первой ключевой проблемой является соотношение между индивидуумом и социальной группой. Для измерения культурных различий ученый выделяет два противоположных полюса: *автономию* и *коллективизм* (принадлежность). В культурах, ориентированных на *автономию*, личность воспринимается как самостоятельный индивид, стремящийся выразить собственные предпочтения и подчеркивать свою уникальность. В противоположность этому в культурах, где ценится коллективизм

(принадлежность), акцент делается на идентификацию с группой и соблюдение традиций, где основными ценностями становятся социальный порядок, уважение традиций и безопасность.

Вторая социальная проблема связана с обеспечением ответственного поведения в обществе. В решении этой проблемы Ш. Шварц также выделяет два полюса: равноправие и культурную иерархию. В культурах, ориентированных на принципы равенства, поощряется сотрудничество и забота о благополучии окружающих, при этом особое значение придается таким ценностям, как справедливость, равноправие и социальная ответственность. В противоположность этому культуры с иерархической направленностью придают ценность неравному распределению власти и социальных ролей, где приоритетными выступают авторитет, социальное превосходство и материальное благосостояние.

Третья социальная проблема – это регулирование использования ресурсов, которое в различных культурах осуществляется по-разному: с позиции гармонии или мастерства. Культуры, ориентированные на гармонию, ценят единство с природой и защиту окружающей среды, в то время как культуры мастерства поощряют их активное изменение и управление окружающим миром с целью достижения личных или групповых целей.

Применение теории Ш. Шварца к изучению соотношения этнической идентичности ценностных ориентаций и социальной дистанции жителей приграничных регионов, на наш взгляд, позволит выявить возможные различия в ценностных ориентациях между различными этническими группами. Результаты диагностики помогут выявить, к какому из полюсов ценностных ориентаций склоняется каждая социальная группа и какие существуют возможные причины межэтнической напряженности [140; 141; 188; 189; 190].

Одно из ключевых мест в социально-психологических исследованиях межгрупповых отношений, особенно в контексте этнических и культурных

различий, занимает понятие социальной дистанции. В социальной психологии она рассматривается как субъективно воспринимаемая степень близости или отдаленности между индивидом и представителями других социальных или этнических групп. Этот конструкт отражает уровень симпатии, доверия, готовности к взаимодействию, а также степень социальной включенности «других» в круг социального «своего» [25; 29; 74; 89; 100; 145]. Социальная дистанция – это показатель степени принятия или отчуждения между различными социальными и этническими группами. Э. Богардус определяет ее как установку на желаемую степень близости с представителями другой этнической группы и отмечает, что в данном случае можно выделить как готовность группы к сотрудничеству и совместной деятельности, так и, напротив, стремление к изоляции. В работах другого ученого, Л.Г. Почебут, социальная дистанция рассматривается как устойчивая установка, регулирующая взаимодействие с другими социальными общностями. Исследователь Н.М. Лебедева указывает на ее роль в механизмах социально-психологической защиты. В целом авторы исследований, посвященных социальной дистанции, приходят к выводу, что она является важным индикатором межгрупповых отношений и интеграционных процессов в обществе [25; 30; 63; 74; 89; 91; 92; 98; 99; 160; 162]. В этнопсихологических исследованиях уровень социальной дистанции по отношению к представителям различных этнических и социальных групп рассматривается как один из основных показателей толерантности.

Понятие «социальная дистанция» было предложено Э. Богардусом (E. Bogardus) в 1925 году для характеристики степени психологической близости или, наоборот, отстраненности между отдельными людьми, социальными группами или общностями. Для измерения данного феномена Богардус разработал шкалу социальной дистанции (Bogardus Social Distance Scale), которая позволяет оценить уровень социально-психологической приемлемости и готовности к взаимодействию с представителями иных этнических, расовых, религиозных и профессиональных групп, а также

различия, связанные с возрастом, полом и другими социальными характеристиками. В отечественной и зарубежной научной традиции эта методика получила широкое применение, в том числе под наименованием шкалы социальной приемлемости.

Шкала отражает уровень предпочтительной социальной близости – от минимального расстояния, предполагающего тесные и доверительные формы взаимодействия (например, родственные отношения, дружба), до максимального, обозначающего стремление к социальной изоляции или полному исключению из взаимодействия. Минимальная дистанция свидетельствует о высоком уровне толерантности, вовлеченности в межкультурное общение и позитивной установке на принятие культурной и личностной уникальности другого. Напротив, максимальная дистанция указывает на интолерантность, отчуждение, символическое и формальное взаимодействие, при котором соблюдаются лишь внешние нормы вежливости и этикета, без подлинной заинтересованности в другом.

Таким образом, шкала социальной дистанции позволяет выявить уровень социальной интеграции, а также динамику межэтнических и межгрупповых отношений в конкретном социокультурном контексте [160; 161].

С точки зрения социальной психологии социальная дистанция необязательно связана с физическим пространством – она отражает психологическое и символическое восприятие «иного» и может выражаться через стереотипы, предубеждения, эмоциональные установки и формы поведения. Согласно теории социальной идентичности (Tajfel&Turner, 1979), дистанцирование от представителей «внешней» группы может стать способом поддержания положительной самооценки через акцент на принадлежность к «своей» группе (in-group favoritism) и недоверие к «чужим» (outgroupbias) [110; 195].

В российской социальной психологии исследования социальной дистанции развивались в тесной связи с проблематикой межэтнических

отношений и национальной политики. Особенно значимы работы Л.М. Дробижевой, В.А. Ядова, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатовой, В.Ю. Хотинец и Л.Г. Почебут, которые изучали динамику социальной дистанции в постсоветском обществе, факторы, влияющие на рост или снижение межэтнической напряженности, и особенности восприятия этнического «другого».

Так, Л.М. Дробижева отмечает, что социальная дистанция служит индикатором межэтнической интеграции и может использоваться для оценки уровня межнациональной толерантности в обществе [27]. В ее исследованиях показано, что уровень социальной дистанции напрямую зависит от исторических, социокультурных и политических факторов. Обострение экономических кризисов, рост миграции и этнополитические конфликты способствуют росту дистанцирования и социальной изоляции этнических меньшинств [29; 30].

В исследованиях Т.Г. Стефаненко показано, что уровень социальной дистанции варьируется в зависимости от типа этнической идентичности и характера межкультурного опыта личности. Позитивная этническая идентичность, сочетающаяся с установками уважения к культурному различию, способствует сокращению социальной дистанции и более открытому межгрупповому взаимодействию [113, 115].

В рамках проведенного нами теоретического анализа научных подходов к изучению социальной дистанции важно отметить вклад Н.М. Лебедевой, рассматривающей данный феномен как механизм социально-психологической защиты группы. Исследователь подчеркивает, что чем более чуждой и непохожей воспринимается культура другого этноса, тем активнее запускаются защитные психологические процессы, способствующие перцептивному отстранению от «инаковых» и поддержанию собственной этнической идентичности.

В своих исследованиях Н.М. Лебедева вводит понятие культурной дистанции и разрабатывает набор диагностических методик для ее

измерения. Ученый акцентирует внимание на том, что восприятие культурной дистанции носит субъективный характер и может изменяться, как и любой другой образ социальной перцепции. По мнению Н.М. Лебедевой, данный образ отражает как реальные различия между взаимодействующими этническими культурами, так и текущее состояние межгрупповых отношений и внутригрупповой динамики.

Анализируя полученные данные, Н.М. Лебедева приходит к выводу, что высокая культурная дистанция не всегда сопряжена с максимальной выраженностью этнической нетерпимости. Напротив, наиболее напряженные проявления этнического негативизма часто возникают при средней культурной дистанции, особенно в тех случаях, когда представители группы ощущают угрозу своей позитивной этнической идентичности [63].

А.М. Татарко в своих работах приходит к выводу, что такие феномены, как социальная и культурная дистанции, тесно связаны с эмоционально-оценочным содержанием гетеростереотипов, формирующихся в сознании представителей одной этнической группы по отношению к другим. Эта взаимосвязь отражается в структуре этнического сознания и влияет на характер межэтнического взаимодействия. Таким образом, социально-психологическое восприятие «другого» оказывает значительное влияние на уровень дистанции между этническими группами и может выступать как фактор, способствующий как сближению, так и отчуждению в межгрупповых отношениях [121; 123].

Изучая явление социальной дистанции, Г.У. Солдатова вводит в научный оборот понятие «этническая граница», трактуя его как психологическое проявление универсальной склонности живых существ делить окружающий мир на «своих» и «чужих» по признаку этнической принадлежности. В условиях роста межэтнической напряженности такие границы, изначально выполнявшие защитную функцию, начинают приобретать характер средства психологического отчуждения и этнической разобщенности. Восприятие других как представителей «чужой» группы

указывает на наличие барьеров взаимопонимания, различий в ценностных установках, взглядах и моделях поведения [103; 104; 107].

С точки зрения Л.Г. Почебут, социальная дистанция отражает субъективно воспринимаемую степень социальной близости или отдаленности между индивидами, принадлежащими к различным социальным, этническим или профессиональным группам. Этот показатель проявляется в готовности включать представителей другой группы в различные сферы своего социального пространства – от формальных до интимных [89].

В своих работах Л.Г. Почебут подчеркивает, что социальная дистанция формируется на основе социальной перцепции, в которую включены когнитивные и аффективные компоненты. Образы «чужого» или «иного» конструируются в процессе социального взаимодействия, через стереотипизацию, социальное научение и влияние культурных и политических факторов. Таким образом, уровень социальной дистанции напрямую зависит от степени социальной толерантности, межгруппового доверия, когнитивной открытости и культурной эмпатии.

Л.Г. Почебут активно использует количественные методы измерения социальной дистанции, в том числе шкалу Э. Богардуса, адаптированную для российских реалий, а также разработанные в ее лаборатории авторские инструменты. В ряде исследований было выявлено, что социальная дистанция является важным маркером групповой сплоченности, границ «своего круга», уровня ксенофобии и восприятия социальной справедливости.

Особое внимание в исследованиях Л.Г. Почебут уделяется межэтнической и межрегиональной социальной дистанции. Так, в рамках эмпирических проектов исследователя были изучена дистанция между представителями различных этносов, регионов России и стран ближнего зарубежья. Полученные результаты демонстрировали, что социальная дистанция может варьироваться в зависимости от социокультурного

контекста, политической ситуации, уровня образования и личного опыта межгруппового взаимодействия.

Важно отметить, что Л.Г. Почебут интерпретирует социальную дистанцию не только как барьер, но и как ресурс: в условиях межгруппового доверия и диалога возможно сознательное сокращение социальной дистанции, что ведет к укреплению толерантности, социального капитала и культурной интеграции. Исследования ученого имеют большое значение для практики профилактики межэтнической напряженности и разработки программ межкультурного воспитания и образования. Научный вклад Л.Г. Почебут заключается в раскрытии социальной дистанции как многомерного и динамичного психологического конструкта; разработке методов ее эмпирического изучения в поликультурной и межгрупповой среде; анализе социальной дистанции как показателя качества межгруппового взаимодействия, социальной идентичности и доверия; формулировании прикладных рекомендаций по снижению дистанции в межэтнических и межрегиональных отношениях [88; 89; 90; 91; 92; 93].

Таким образом, этнокультурная дистанция отражает направленность и изменения в установках на взаимодействие с представителями иных культурных групп. В нашем понимании социальная дистанция представляет собой относительно стабильную установку, определяющую готовность к интеграции или, напротив, стремление к обособлению по отношению к другим социальным общностям.

В целом теоретические подходы и эмпирические данные свидетельствуют о высокой чувствительности системы ценностей к изменениям в социальной среде, особенно в контексте полиэтнических и приграничных пространств. Именно поэтому актуальной задачей социальной психологии становится изучение ценностей у представителей одних и тех же этнических групп, проживающих в различных социальных и географических условиях, например, в приграничных регионах двух государств. В таких регионах (например, на границе России и Казахстана) культурно-

цивилизационные процессы развиваются в условиях постоянного межкультурного обмена и миграционного движения, что, в свою очередь, влияет на структуру ценностей, изменяет социальные идентичности и механизмы социальной адаптации. Ценности в этих условиях становятся важным инструментом социальной интеграции, а также критерием устойчивости или, наоборот, напряженности межгрупповых отношений [16; 43; 79; 109].

Данное направление исследований необходимо как для теоретического осмысления эволюции социальных идентичностей, так и для практического прогнозирования рисков межэтнических конфликтов и выработки стратегии устойчивого межкультурного взаимодействия.

1.3. Теоретико-эмпирическое обоснование влияния территориальных и социокультурных условий проживания на этническую идентичность, ценностные ориентации и социальную дистанцию

В социальной психологии вопрос зависимости этнической идентичности от территории и особенностей проживания активно изучается как отечественными, так и зарубежными исследователями.

В последние десятилетия актуализировался интерес к этнической идентичности как социально-психологическому феномену. Так, по мнению Т.Г. Стефаненко, только в последнее время социальные психологи при изучении этнической идентичности стали уделять серьезное внимание социальному контексту и содержанию отношений между отдельными этническими общностями. Речь идет о политических, правовых, культурных и т.п. условиях, в которых происходит повседневное взаимодействие этнических общностей и их представителей [112].

Исследованием этнической идентичности, обусловленной особенностями проживания на той или иной территории, занимались Г. Теджфел, Дж. Берри, Дж. Финни, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова,

В.В. Гриценко, В.Ю. Хотинец, И.В. Анциферова, Н.Г. Анциферова, В.В. Константинов, О.А. Карнышева, И.С. Шаповалова, Н.Ж. Султаниязова.

А. Таджфел разработал теорию социальной идентичности, которая легла в основу многих исследований этнической принадлежности. Хотя он не исследовал территориальный аспект напрямую, его теория применяется в контексте территориально обусловленных различий идентичности [110].

Дж. Берри исследовал аккультурацию и кросс-культурную адаптацию. Он выделяет типы аккультурации в зависимости от того, сохраняется этническая идентичность в новой территориальной среде или же она подвергается изменениям [157; 159].

Дж. Финни исследовала развитие этнической идентичности у молодежи в мультикультурной среде, делая акцент на влиянии культурной среды, семьи и сообщества [126; 182; 184].

Г.У. Солдатова исследовала влияние социальных и культурных условий на формирование этнической идентичности в условиях полиэтнического общества. Под ее руководством разработана Методика комплексного исследования толерантности и этнической идентичности (ИКИТЭИ). В своих работах она подчеркивает, что особенности этнической идентичности во многом определяются социокультурным контекстом, в том числе территорией проживания (город / село / приграничье) [105].

Т.Г. Стефаненко в своих исследованиях подчеркивает влияние среды (включая географическую и культурную территориальную принадлежность) на процесс формирования этнической идентичности. Она предлагает рассматривать этническую идентичность как результат социализации в конкретном культурном и территориальном контексте [113].

В.Ю. Хотинец исследует условия формирования и трансформации этнической идентичности в зависимости от территории, социокультурной среды и межэтнических взаимодействий. Ученый акцентирует внимание на различиях в идентичности у представителей этнических групп, проживающих в компактных и рассеянных сообществах [130].

В исследовании «Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты» (2020) В.В. Гриценко, Л.В. Остапенко и И.А. Субботиной [20] выявлено, что жители малых городов России придают наибольшее значение этнической идентичности, затем региональной и в меньшей степени гражданской. Это подтверждается данными, где этническая идентичность занимает первое место среди исследуемых идентичностей, а гражданская – последнее. В результате данного исследования сделаны следующие выводы: этническая идентичность является основой самоопределения жителей малых городов, предоставляя им чувство защищенности и стабильности; региональная идентичность играет важную роль в социальной интеграции и консолидации гражданского общества; гражданская идентичность развивается в зависимости от удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем города; существуют различия в значимости идентичностей между жителями разных городов, что связано с социально-экономическими условиями и длительностью проживания.

В научном труде В.В. Гриценко, Л.В. Остапенко и И.А. Субботиной показано, что в условиях нестабильности и неопределенности жители малых российских городов испытывают потребность ощущать себя частью некой общности («мы») и ищут опору, поддержку прежде всего в осознании своей принадлежности к этносу как к наиболее стабильной социальной группе с устойчивыми ценностями и традициями. Это исследование подчеркивает важность учета территориальных и социально-экономических факторов при изучении идентичности в малых городах России [20].

В.В. Константинов исследует социально-психологическую адаптацию мигрантов в принимающем поликультурном обществе [54]. Эмпирическое исследование доказало теоретические предположения о том, что в зависимости от типа проживания мигрантов могут изменяться и трансформироваться социально-психологические особенности принимающего общества, в число которых входит и этническая

идентичность [53; 54; 56; 58].

И.В. Анциферова и Н.Г. Анциферова исследуют тип этнической идентичности жителей моноэтничного региона. По их мнению, большинство междисциплинарных исследований направлено на изучение этнической идентичности жителей полиэтничных регионов, хотя в России имеется достаточное количество регионов моноэтничных. В таких условиях необходима разработка региональных стратегий с учетом уровня этнической однородности. Эмпирическое значение данного рода исследований важно для нас, так как такой объект исследования, как «жители моноэтничного региона» можно соотнести с нашим объектом «представители компактного типа проживания». По результатам исследования И.В. Анциферовой и Н.Г. Анциферовой, у жителей Курской области сформирована толерантность ценностного уровня, и в ее основе находится этническая норма [6].

О.А. Карнышева в своем исследовании личностных ресурсов проявления этнической идентичности и самосознания в приграничных регионах Сибири выявляет определенную роль самооценки, ресурсы самосознания в модели позитивной этнической идентичности. Самооценка личности напрямую связана с ее позитивной этнической идентичностью. В исследовании О.А. Карнышевой принимали участие самобытные группы и этнически смешанные группы. Высокий уровень идентификации с предками показали представители аборигенных этносов. У данных респондентов оказалось более выраженное, чем у русских и лиц иных национальностей, восприятие значимости своего народа, его успехов и неудач. Также выявлено, что представители аборигенных этносов более болезненно воспринимают негативные оценки и обвинения в адрес своего этноса [51].

И.С. Шаповалова с соавторами представила результаты исследования этнической идентичности и толерантности молодежи российского приграничья [138]. Коллективом ученых установлено превалирование культурной интеграции и языковой включенности как факторов этнической идентификации над наследственными факторами. Выявлена установка

молодежи на глобализацию и свободу выбора, в том числе и этнического. Несмотря на превалирование «нормы», в этнической идентичности отмечены случаи «девиации» этнического самоопределения [139].

Н.Ж. Султаниязовой были проведены исследования этнической идентичности русских и казахов, проживающих в России и в Казахстане [116]. Согласно полученным результатам, наиболее сильно выражены во всех этнических группах этническая норма и этническая индифферентность. Экспериментально была выявлена зависимость между характеристиками субъективного благополучия и типом этнической идентичности исследуемых групп [117; 135].

В рамках социологических исследований была эмпирически изучена этническая идентичность жителей приграничных регионов России [19; 71].

В исследовании гражданской и этнической идентичности и состояния сферы межэтнических отношений, проведенном С.Г. Максимовой и А.Г. Морковкиной в приграничных регионах России, для исследования этнической идентичности были использованы следующие показатели:

- индексы уровня идентификации личности с этническими группами, гражданским и религиозным сообществами;
- отождествление себя с одной или несколькими этническими группами;
- отношение к представителям других национальностей;
- отношение к национальной политике государства;
- оценка уровня и динамики межэтнической напряженности в стране и регионе;
- оценка выраженности характеристик межэтнической сферы по шкале от 1 до 10.

Анализ результатов социологических исследований показал присутствие у россиян множественной этнической идентичности. Респонденты обозначали себя как представителей нескольких (двух или трех) этносов, одним из которых был русский (подавляющее большинство). Также

преобладающими основаниями этнической идентичности в изученных регионах являются происхождение и приобщенность к национальной культуре. В то же время установлено, что в регионах имеются различия по исследуемым параметрам: в некоторых областях отмечен высокий уровень идентификации со значимыми этническими общностями, но при этом наблюдаются в целом спокойные межэтнические отношения. Впрочем, были получены и другие результаты, когда при высоких показателях этнической идентичности оказалась высока и враждебность к представителям других этносов [71; 72; 73].

А.А. Горбунова в своем исследовании проводит социологический анализ основных компонентов и особенностей проявления этнической идентификации населения в полиэтнической среде российского приграничья, в контексте межэтнических взаимодействий. Основными элементами сохранения и воспроизведения этнической идентичности являются примордиальные характеристики личности (национальный язык, культура, национальная принадлежность родителей). Этническая идентификация обусловлена факторами трех уровней: индивидуально-личностного (возраст, семейное положение), социально-группового (тип поселения, численность представителей различных этнических групп в составе населения региона, актуальное состояние межэтнических отношений) и институционального (реализация государственной национальной политики). Социальная ситуация оказывает существенное влияние на формирование этнической идентичности, это проявляется в таких факторах, как моно- или полиэтничность условий проживания, частота контактов с представителями других национальностей, принадлежность к доминирующей этнической общности или малочисленной группе. По мнению А.А. Горбуновой, следует учитывать данные параметры при проведении исследований. Это позволит дать наиболее полную характеристику процессов этнической идентификации, происходящих на той или иной территории.

Согласно данным, полученным А.А. Горбуновой, этническая

идентичность среди различных форм социальной идентификации занимает одно из ведущих мест, уступая только гражданской, локальной и региональной идентичностям. При этом в условиях кризисных ситуаций она играет важную защитную роль. Основными элементами сохранения и воспроизведения этнической идентичности являются примордиальные характеристики личности, такие как национальный язык, культура, национальная принадлежность родителей.

Анализ компонентов этнической идентификации, проведенный А.А. Горбуновой, показал, что принадлежность индивида к своей этнической группе сопровождается переживанием положительных эмоций гордости и счастья, а также автоматическим принятием определенных норм и стандартов. Дополнительно к этому было выявлено, что у большинства респондентов собственная этническая принадлежность не способствует формированию чувства защищенности.

Общие выводы, сделанные А.А. Горбуновой по итогам исследования этнической идентичности в приграничных регионах России, таковы: 1) этническая идентификация – это чувство, имеющее большую долю субъективности и различную значимость для индивидов; 2) участники исследования, которые обладают ярко выраженной этнической идентичностью и активно включаются в этнокультурную среду своего народа, имеют более четкую гражданскую позицию и позитивно воспринимают свою страну. В то же время те, кто редко ощущает связь с представителями собственного этноса, как правило, проявляют безразличие к своей этнической принадлежности и слабо реагируют на события или переживания, связанные с ней [18; 19].

Коллектив Алтайского государственного университета провел в 2015–2017 гг. социологическое исследование, в результате которого была построена модель этнической идентичности населения девяти приграничных регионов России. В рамках структурного анализа этнической идентичности учеными было выделено три основных компонента: эмоциональный

компонент, отражающий значимость принадлежности к определенному этносу и связанную с этим эмоциональную оценку как самой принадлежности, так и характеристик этнической группы; когнитивный компонент, включающий в себя осознанные представления индивида о специфике своей этнической общности и самоидентификацию с ней на основе культурных признаков; поведенческий компонент, проявляющийся в готовности действовать от имени своей этнической группы, выражая этническую принадлежность через формы социального и межгруппового поведения. Результаты эмпирического исследования показали, что формирование этнической идентичности находится в зависимости от ряда социально-демографических условий, среди которых особенно значимыми являются возраст и тип населенного пункта. Более высокая выраженность этнической идентичности характерна для представителей старших возрастных групп и жителей крупных городов. Это может быть объяснено тем, что в многонациональной городской среде этнокультурные различия проявляются ярче, способствуя личностному осознанию и переосмыслению своей этнической принадлежности.

По наблюдениям научного коллектива, этническая гордость ярче проявляется у населения многонациональных регионов, где процессы этнической самоидентификации часто протекают через сравнение и противопоставление собственной группы другим. В подобных условиях этническая идентичность особенно ярко проявляется у представителей титульного (русского) этноса. В тех регионах, где численно преобладают русские, идентичность чаще выражается через эмоциональную вовлеченность в свою этническую принадлежность и проявляется в соответствующих формах поведения и взаимодействия внутри собственной этнической группы [19].

Измерение этнической идентичности осуществлялось алтайскими учеными через степень выраженности ее ключевых компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Наиболее отчетливо она

проявила себя на когнитивном уровне, посредством включенности индивида в этнокультурную среду, знаний и принятия норм, традиций и ценностей своей этнической группы. Национальная культура в этом контексте выступила в качестве центрального критерия самоотнесения к определенному этносу и дифференциации «своих» и «чужих».

Результаты эмпирического исследования, проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета, свидетельствуют о том, что социальные проявления дискриминации, этнической напряженности и предубеждений способствуют усилению этнической идентичности. При этом индивиды с высокой степенью этнической идентичности, как правило, демонстрируют более высокий уровень толерантности по отношению к мигрантам и представителям других этносов [136].

В теоретическом исследовании А.А. Бзезяна, О.Р. Гуры и В.А. Лабунской (2018), посвященного социальной дистанции и межкультурному взаимодействию, акцент делается на значении визуальных характеристик, таких как тип внешности и гендер, в восприятии представителей различных этнических групп. Исследование опирается на понятие «этнолукизм», трактуемое как форма дискриминации, возникающая на основании внешнего облика, символически связываемого с определенной этнической принадлежностью. Авторы подчеркивают, что этнолукизм функционирует как устойчивый элемент повседневной дискриминационной практики, укорененный в социокультурной среде.

В центре теоретического подхода коллектива исследователей находятся категории, отражающие восприятие этнической внешности, – такие как «славянский», «кавказский», «азиатский» и другие типы облика, которые формируются в процессе рутинного межкультурного общения и активно поддерживаются в информационном пространстве. Эти типизации сопровождаются устойчивыми этническими стереотипами, определяющими характер межгруппового взаимодействия и уровень социальной дистанции.

Результаты исследования демонстрируют, что восприятие и принятие

социальной дистанции тесно связано с визуальными маркерами этничности: участники проявляют склонность к большей дистанцированности в отношении групп с арабским, африканским, кавказским и азиатским внешним обликом. При этом наблюдается тенденция к защите представителей славянской внешности от подобных дискриминационных проявлений, что, по мнению авторов, указывает на избирательный характер проявления этнолукизма и наличие скрытых форм этнической интолерантности в массовом сознании [12; 13].

В работе А.И. Донцова, Е.Б. Перелыгиной и Л.П. Караваевой «Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция» (2014), основанной на эмпирических данных, рассматриваются особенности восприятия социальной дистанции студентами в условиях межкультурного взаимодействия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что молодежь в целом демонстрирует положительное отношение к межкультурным контактам, особенно в сферах дружбы и профессионального общения, что отражает тенденцию к снижению социальной дистанции и открытость к взаимодействию с представителями иных культур. Однако существует тенденция к более осторожному отношению к брачно-семейным отношениям с представителями других этнических групп, что может быть связано с культурными и социальными особенностями. Региональные различия также играют значительную роль в восприятии социальной дистанции, что подчеркивает важность учета местных контекстов при изучении межкультурных взаимодействий [25; 26].

Исследованием ценностных ориентаций, обусловленных территорией и условиями проживания, занимались Ш. Шварц, Г. Хофстеде, Г.У. Солдатова, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, Е.В. Шестопал.

Ш. Шварц разработал теорию базовых человеческих ценностей. Ученый исследовал, как ценности варьируются в разных странах, регионах и культурных контекстах, в том числе в зависимости от социально-

экономических и историко-культурных условий. В частности, Ш. Шварц анализировал различия ценностей в индивидуалистских и коллективистских обществах, а также в условиях нестабильности и стабильности [191].

Г. Хофстеде освещал в своих трудах, как национальная и региональная культура влияет на ценностные ориентации. Он подчеркивал роль исторического опыта, религиозных традиций, уровня урбанизации и других территориальных факторов. В своей фундаментальной работе «Culture's Consequences» (2001) Г. Хофстеде выделил шесть культурных измерений, которые использовал для объяснения того, как национальная и региональная культура влияет на мышление, поведение и ценностные ориентации людей.

Несмотря на то, что Г. Хофстеде изначально анализировал данные на уровне стран, он также признавал наличие региональных субкультур. Особенно актуальны они для многонациональных государств, таких как Россия, Индия, Китай и др., где территориальные особенности (уровень урбанизации, этнический состав, религия) влияют на локальные ценностные ориентации [169].

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко [121] исследовали влияние социокультурной среды и региональных различий в России на ценностные ориентации личности. Ученые установили связь ценностей с уровнем экономического развития региона, степенью миграции, этнической неоднородностью и др. [61; 63; 64].

В.А. Ядов [147] разработал концепцию ценностно-нормативной регуляции поведения. Он отмечал, что ценностные ориентации формируются под влиянием социальной среды, уровня урбанизации, типа занятости, а также условий жизнедеятельности региона.

Исследование В.А. Ядова в рамках концепции ценностно-нормативной регуляции поведения внесло значительный вклад в понимание того, как условия проживания – включая уровень урбанизации, экономические, культурные и социальные особенности региона – влияют на формирование и трансформацию ценностных ориентаций личности.

В.А. Ядов утверждает, что ценностные ориентации личности не являются врожденными или универсальными, а формируются под воздействием окружающей среды, в том числе уровня развития инфраструктуры региона (город, село, малый город), типа занятости населения (производственный, интеллектуальный, сельскохозяйственный труд), уровня образования и доступности культурных ресурсов, экономических и социальных ожиданий в конкретной местности. Жители разных регионов, даже принадлежащие к одной этнической и возрастной группе, могут существенно различаться по ценностным приоритетам. Например, жители мегаполисов чаще ориентированы на индивидуализм, карьеру и самореализацию, в то время как в малых городах и сельской местности преобладают ориентации на коллективизм, безопасность и стабильность. Ученый подчеркивает, что урбанизация способствует возникновению новых социальных ролей, расширению информационного поля, ускорению социальных изменений. Это ведет к смещению ценностей: от традиционализма – к постматериальным ценностям (самовыражение, свобода, инновации).

В.А. Ядовым создана теоретически обоснованная модель, позволяющая анализировать влияние макросоциальных факторов (в том числе территории проживания) на микросоциальный уровень – личностные ценности и установки. Концепция ценностно-нормативной регуляции поведения В.А. Ядова демонстрирует, что формирование и трансформация ценностных ориентаций личности находятся в тесной зависимости от социокультурных условий среды проживания. Уровень урбанизации, экономическое благополучие региона, специфика профессиональной занятости и доступа к ресурсам напрямую влияют на структуру ценностных диспозиций. Это делает территориальные особенности проживания важным детерминантом в изучении социальных идентичностей и межгрупповых отношений [144; 146; 147; 148; 149; 150; 151].

А.Г. Здравомыслов и Ю.А. Левада в рамках социологических

исследований СССР и постсоветского пространства анализировали региональные различия в ценностных ориентациях (включая приграничные и сельские территории). Исследователями отмечено, что ценностные ориентации населения могут существенно различаться в зависимости от региона. Это связано с разным уровнем урбанизации и экономического развития, культурными традициями и историческим контекстом.

Установлено, что для приграничных регионов характерна высокая степень этнической и культурной неоднородности, влияющая на формирование ценностных ориентаций. В таких регионах часто наблюдается смешение различных культурных традиций и норм, что может приводить к уникальным социальным и культурным особенностям. Сельские регионы часто характеризуются более традиционными ценностными ориентациями, связанными с коллективизмом, семейными ценностями и устойчивыми социальными нормами. Однако с развитием урбанизации и глобализации эти традиционные ценности могут подвергаться изменениям [41; 66].

Исследование этнической идентичности в регионах с разным уровнем этнического разнообразия, проведенное в 2019 г. О.Ю. Зотовой, Л.В. Тарасовой, О.С. Солодухиной и Н.А. Белоусовой, подтверждает, что степень этнического разнообразия среды проживания значительно влияет на формирование структуры этнической идентичности, ее устойчивость, эмоциональную насыщенность и характер проявления в повседневном социальном взаимодействии. В полиэтничных регионах этническая идентичность, как правило, носит более выраженный и устойчивый характер, обусловленный регулярным межэтническим взаимодействием, что способствует осознанию и актуализации этнической принадлежности. При этом у жителей таких регионов национальность других людей становится значимым элементом социального восприятия и детерминантом построения межличностных отношений.

В ходе вышеупомянутого исследования было отмечено, что этническая толерантность более выражена в регионах с относительно сбалансированным

этническим составом. При этом она не воспринимается как первичный признак отличия и чаще актуализируется только при конфликтном или напряженном взаимодействии, используя для объяснения причин того, почему между представителями разных групп возникло недопонимание или затрудненная коммуникация. В регионах с незначительным этническим разнообразием доминирует глобальная идентичность и территориальное самосознание, тогда как этнические маркеры утрачивают актуальность и могут отступать на второй план.

Таким образом, коллектив исследователей приходит к мысли, что этническая идентичность является не фиксированной характеристикой, а динамическим конструктивом, трансформирующимся в зависимости от социокультурного и этнодемографического контекста среды проживания. Полученные данные подчеркивают необходимость учитывать этническую структуру региона и особенности этнического взаимодействия при разработке программ по гармонизации межэтнических отношений, формированию толерантности и профилактике ксенофобии [200].

Выводы по Главе 1.

1. Актуальные научные исследования акцентируют внимание на том, что этническая идентичность представляет собой сложную, многосоставную и изменчивую социально-психологическую конструкцию. Ее формирование определяется сочетанием различных условий: особенностями социального окружения, культурной спецификой, характером среды проживания (моноэтнической или полиэтнической), интенсивностью межэтнических контактов, а также индивидуальными личностными характеристиками. Этническая идентичность проявляется через когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, при этом ключевыми основаниями ее формирования выступают приобщенность к национальной культуре, происхождение, язык и восприятие межэтнической ситуации. Особое значение она приобретает в условиях нестабильности, кризисов и миграционных процессов, выполняя защитную функцию. Степень выраженности и особенности этнической идентичности зависят от таких факторов, как регион проживания, возраст, тип населенного пункта и уровень интеграции в этнокультурное пространство. Эти параметры следует обязательно учитывать при изучении межэтнических взаимодействий и формировании эффективной региональной политики.

2. Теоретические и эмпирические исследования, выполненные в рамках социальной психологии и социологии (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, Ш. Шварц, Г. Хофстеде, Н.М. Лебедева и др.), подтверждают, что ценностные ориентации, этническая идентичность и уровень социальной дистанции находятся в тесной зависимости от территориального и социокультурного контекста. Уровень урбанизации, экономическое благополучие региона, степень этнокультурной гетерогенности, доступ к образованию, а также степень межкультурного взаимодействия в регионе являются определяющими факторами в формировании личностных ценностей, представлений о «своих» и «чужих» и степени социальной

дистанции между этническими группами. Так, для сельских и малых городских сообществ чаще характерны коллективистские ценности, установка на стабильность, безопасность и традиционализм, тогда как в условиях мегаполисов и крупных урбанизированных центров наблюдается рост индивидуалистических и постматериальных ценностей. Приграничные и миграционно активные регионы, в свою очередь, становятся пространствами, в которых формируются устойчивые этнокультурные стереотипы, отражающиеся в уровне социальной дистанции.

3. Особое значение в актуальных исследованиях приобретает визуальное восприятие. Визуальные маркеры наряду с территориальными и культурными детерминантами выступают мощными факторами социальной дифференциации и влияют на степень социальной дистанции, особенно в межкультурных взаимодействиях.

Таким образом, территориальные условия проживания (город, село, приграничные регионы, мегаполис, тип проживания), уровень социальной мобильности и миграционных процессов, а также культурно-исторические особенности региона оказывают многоуровневое влияние на структуру ценностей и межгрупповое восприятие, что требует комплексного подхода в изучении этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции в многонациональном обществе.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СООТНОШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ РУССКИХ И КАЗАХОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

2.1. Методы и организация эмпирического исследования

Цель настоящего исследования состоит в изучении соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов.

Исследование проходило в **три этапа**:

1. 2020-2022 гг. – изучение теоретико-методологических подходов к проблеме этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции в социально-психологической науке, разработка научного аппарата.

2. 2022-2023 гг. – констатирующий этап исследования (эмпирическая проверка исходных гипотез).

3. 2023-2024 гг. – обработка и анализ полученных результатов, систематизация выводов исследования, разработка рекомендаций.

Территориальной базой исследования стали приграничные области Российской Федерации и Казахстана: Омская область, Оренбургская область, Челябинская область, Курганская область, Актыбинская область, Северо-Казахстанская область, Костанайская область.

В исследовании приняли участие респонденты двух этносов России и Казахстана: русские и казахи. Респонденты казахского этноса, проживающие в населенных пунктах Оренбургской области (Адамовский район, с. Акжарское), и русского этноса из населенных пунктов Челябинской области (г. Челябинск, Брединский район) были включены в группу с компактным типом проживания. Казахи, проживающие в Брединском районе

Челябинской области, в Курганской области и г. Омске, а также русские, проживающие в Адамовском районе, с. Акжарское, были включены в диффузную группу.

Респонденты русского этноса с компактным типом проживания были из населенных пунктов Костанайской (г. Рудный, г. Лисаковск, Сарыкольский район) и Северо-Казахстанской области (г. Петропавловск). Казахи, проживающие в населенных пунктах в Костанайской области (Амангельдинский район, с. Аманкарагай), были включены в группу с компактным типом проживания. В группу с диффузным типом проживания вошли представители казахского этноса из г. Рудный, г. Лисаковск, Костанайского района, а также русские респонденты из Актюбинской области.

В целом в исследовании приняли участие 450 респондентов как мужского, так и женского пола, из них 190 из России и 260 из Казахстана. Национальный состав респондентов из России: русских 100 человек, казахов 90 человек. Национальный состав из Казахстана: казахов 140 человек, русских 120 человек. Возраст респондентов составил от 18 до 50 лет.

Выборка отражает генеральную совокупность компактно и диффузно проживающих русских и казахов в приграничных областях России и Казахстана.

Для исследования социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана, были выбраны пять этнических групп: русские, казахи, татары, украинцы и немцы. Данный выбор обусловлен как историко-культурной спецификой региона, так и численным присутствием этих этнических групп в России и Казахстане. Русские и казахи включены в список как представители титульных (в соответствующих странах) и доминирующих этнических групп. Украинцы, татары и немцы исторически присутствуют в приграничных областях, составляя значимую часть этнического ландшафта.

Методы исследования: анкетирование, тестирование, а также методы

математической статистики: t-критерий Стьюдента, двухфакторный дисперсионный анализ и корреляционный анализ с применением критерия Пирсона (r).

При применении t-критерий Стьюдента в независимых группах были учтены следующие условия: количественный тип данных, наличие двух независимых выборок, нормальное распределение изучаемого признака и равенство дисперсии изучаемого признака.

Методики исследования:

- «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатов, С.В. Рыжова);
- «Ценностный опросник» Ш. Шварца;
- «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса;
- авторская анкета, направленная на изучение отношения к этнической принадлежности, межэтническим отношениям (см. Приложение 1).
- шкала страха перед COVID-19 (FCV-19S).

Для изучения типов этнической идентичности в данном исследовании применялась методика «Типы этнической идентичности», разработанная Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (см. Приложение 2). Данный диагностический инструмент позволяет выявить характерные особенности этнического самосознания и отследить его изменения в условиях межэтнического взаимодействия, особенно в контексте социальной напряженности. Ключевым показателем трансформации этнической идентичности выступает уровень этнической толерантности либо, напротив, наличие признаков интолерантного отношения. Именно толерантность и интолерантность определяют характер межэтнических отношений в условиях роста напряженности, поэтому они были положены в основу конструирования данной методики как ключевые психологические переменные.

Оценивание уровня этнической толерантности в рамках настоящего исследования осуществляется на основе следующих показателей:

- выраженность негативных установок в адрес как собственной, так и

иных этнических групп;

- характер эмоциональных реакций на представителей других этносов;
- наличие агрессивных и враждебных тенденций в межэтническом взаимодействии.

Методология опирается на шкалу этноцентризма, охватывающую широкий диапазон состояний – от полного отрицания своей этничности до выраженной нетерпимости к иноэтническим группам. На основании этой шкалы определяются различные типы этнической идентичности, отличающиеся как по содержанию, так и по степени выраженности этнической толерантности.

Методика включает шесть шкал, каждая из которых соотносится с определенным типом этнической идентичности:

Этнонигилизм – форма гипоидентичности, при которой наблюдается отстраненность от собственной этнической принадлежности и ориентация на универсальные социальные признаки, не связанные с этничностью.

Этническая индифферентность – неопределенность этнического самосознания и сниженная значимость этнической принадлежности в системе самоидентификации.

Позитивная этническая идентичность (норма) – уважительное и доброжелательное отношение индивида как к собственной, так и к другим этническим группам. В условиях полиэтнического общества этот тип идентичности рассматривается как оптимальный, обеспечивающий устойчивое чувство принадлежности и готовность к конструктивному межэтническому взаимодействию.

При смещении к гиперидентичности и усилении этноцентризма проявляются деструктивные типы этнической идентичности:

Этноэгоизм – установка на доминирование интересов своей этнической группы и отчужденности в отношениях с представителями других этносов; она нередко сопровождается риторикой «своих» и «чужих».

Этноизоляционизм – убежденность индивида в исключительности

своей этнической группы, стремлением к обособленности, резким неприятием межэтнических контактов, особенно в личной и семейной сферах.

Этнофанатизм – крайняя форма гиперидентичности, при которой оправдывается использование радикальных, в том числе насильственных средств ради достижения этнических целей.

Таким образом, типология этнической идентичности, представленная в данной методике, позволяет зафиксировать как нормативные, так и девиантные формы этнического самосознания в условиях межэтнического взаимодействия [103].

Исследование ценностных ориентаций представителей компактного и диффузного типа проживания проводилось с помощью методики «Ценностный опросник» Шалом Шварца (Schwartz Shalom H.) (см. Приложение 3). Данный тест позволяет изучить ценностные ориентации в группах или культурах. Под ценностями Ш. Шварц подразумевает «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. Основой методики Шварца служит концепция, согласно которой все ценности можно разделить на *индивидуально ориентированные* и *социально значимые*.

Опросник включает две части. Первая часть направлена на выявление жизненных установок, идеалов и личностных убеждений, влияющих на поведение человека. Она содержит перечень из 57 ценностей, представленных в виде существительных и прилагательных (см. Приложение 3). Каждый участник оценивает значимость представленных ценностей по шкале от -1 до 7 баллов.

Вторая часть методики представляет собой характеристику личности, включающую 40 утверждений, отражающих десять различных ценностных направлений (см. Приложение 3). Участник оценивает степень соответствия себе каждого описания по шкале от -1 до 4 баллов [192].

Для оценки уровня социальной дистанции в межэтническом

взаимодействии была использована шкала социальной дистанции Э. Богардуса (см. Приложение 5), направленная на выявление степени психологической близости между людьми и, соответственно, потенциала их социального взаимодействия. Данная методика позволяет количественно измерить уровень принятия представителей различных этнических групп и определить характер межличностных и межгрупповых отношений.

Максимальное значение социальной дистанции указывает на тенденцию к обособлению и автономному существованию этнических и социальных групп, что сопровождается ограничением глубины межличностных контактов. В подобных условиях взаимодействие, как правило, сводится к соблюдению внешних норм вежливости и этикета, выступающих в качестве формального и символического способа коммуникации, за которым скрывается отказ от признания культурной и личностной самобытности.

В противоположность этому, минимальная социальная дистанция свидетельствует о высокой степени открытости, взаимного интереса и личной вовлеченности участников взаимодействия. Такая форма отношений способствует формированию конкретных представлений о носителях иных культур, признанию их уникальности и индивидуальности. В результате создаются благоприятные условия для тесного и конструктивного межкультурного и межгруппового взаимодействия, сопровождающегося установлением толерантных установок. Таким образом, уровень социальной дистанции является значимым индикатором степени выраженности толерантности или, напротив, интолерантности в межэтнических отношениях [160].

Для диагностики страха в исследуемых группах был применен опросник «Шкала страха перед Covid-19 (FCV-19S)», который оценивает страх перед глобальной пандемией. Опросник состоит из семи пунктов, каждый из которых имеет пятибалльную шкалу Лайкерта (см. Приложение 4) [21].

Для изучения отношения к этнической принадлежности и межэтническим отношениям нами была разработана авторская анкета, которая включает в себя 16 вопросов (см. Приложение 1). При разработке вопросов были учтены теоретические положения о структуре этнической идентичности. Анкета охватывает несколько аспектов этнической идентичности: эмоциональное отношение к своей этнической принадлежности, значимость этнической принадлежности в жизни, а также влияние социальных факторов (пандемии и цифровизации) на межэтническое взаимодействие. Включение вопросов о пандемии и цифровизации делает анкету актуальной и позволяет выявить, как глобальные кризисы и технологические изменения могут трансформировать этническое самосознание и межэтнические отношения. Вопросы о праве на проживание в определенных регионах позволяют изучить отношение респондентов к этнической мобильности и национально-территориальной идентичности, что важно для анализа миграционных настроений и национальной политики.

2.2. Анализ результатов исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Для эмпирического исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции у русских и казахов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана, был проведен количественный анализ эмпирических данных, полученных с использованием валидированных методик. В исследовании учитывались факторы этнической принадлежности и типа проживания (компактное или диффузное), что позволило более детально рассмотреть влияние социокультурной среды на изучаемые показатели.

Ниже представлены обобщенные результаты сравнительного анализа с помощью t-критерий Стьюдента, двухфакторного дисперсионного анализа и

корреляционного анализа, отражающие статистически значимые различия в параметрах, факторы, которые влияют на данные параметры, и взаимосвязи между исследуемыми параметрами.

Для выявления различий в степени выраженности этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции между группами, разделенными по этнической принадлежности (казахи и русские) и типу проживания (компактное и диффузное), был осуществлен сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Применение данного метода позволило установить статистически значимые различия между группами респондентов по ряду показателей, что способствует более глубокому пониманию того, как влияют этническая принадлежность и условия проживания на социально-психологические характеристики личности. Ниже в Таблице 1 представлены результаты сравнений по ключевым переменным исследования.

Таблица 1. Результаты исследования выраженности типов этнической идентичности казахов, проживающих в приграничных областях России, по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой

Тип этнической идентичности	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)	Значимость 0,05 т-крит 1,98
Этнонигилизм	2,605	2,500	0,5
Этноиндифферентность	14,211	14,789	0,8
Позитивная этническая идентичность	16,842	17,158	1,1
Этноэгоизм	2,605	3,766	2,1
Этноизоляционизм	1,200	0,900	1,0
Этнофанатизм	6,737	5,316	2,5

В диаграмме, представленной на Рисунке 1, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России.

Рис. 1. Типы этнической идентичности казахов, проживающих в приграничных областях России

Сопоставление данных показывает, что этнофанатизм более выражен среди казахов, проживающих в России в условиях диффузного типа расселения (М1). Этноэгоизм в большей степени проявляется среди казахов, проживающих компактно (М2). Другие типы этнической идентичности (этнонигилизм, этноиндифферентность, этноизоляционизм, норма) не продемонстрировали статистически значимых различий между группами с диффузным и компактным типами проживания.

В диаграмме, представленной на Рисунке 2, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России.

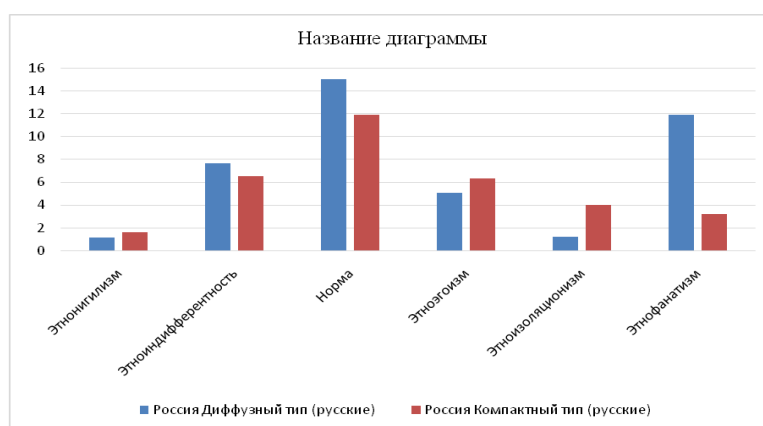

Рис. 2. Типы этнической идентичности русских, проживающих в приграничных областях России

Таблица 2. Результаты исследования выраженности типов этнической идентичности русских, проживающих в приграничных областях России, по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой

Тип этнической идентичности	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)	Значимость 0,05 ткрит 1,98
Этнонигилизм	1,100	1,600	0,5
Этноиндифферентность	7,632	6,474	1,8
Позитивная этническая идентичность	15,000	11,895	3,2
Этноэгоизм	5,025	6,302	2,1
Этноизоляционизм	1,200	4,000	3,5
Этнофанатизм	11,895	3,158	5,6

Как показывают данные Таблицы 2, у русских, проживающих в приграничных областях России, преобладает позитивный тип этнической идентичности, однако при учете фактора проживания наблюдаются статистически значимые различия в структуре этнической идентичности:

- этнофанатизм сильнее проявляется среди респондентов, проживающих в диффузных сообществах;

- этноэгоизм и этноизоляционизм имеют более высокие показатели среди респондентов с компактным типом проживания. Это может свидетельствовать о тенденции к укреплению «защитной» этнической идентичности в условиях более территориально и социально сконцентрированных русских групп;

- этнонигилизм и этноиндифферентность не имеют значимых различий между группами, что может говорить об их сравнительно низкой важности в контексте этнической идентичности русских в приграничных областях России.

В диаграмме, представленной на Рисунке 3, отражены результаты эмпирического исследования соотношения типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России.

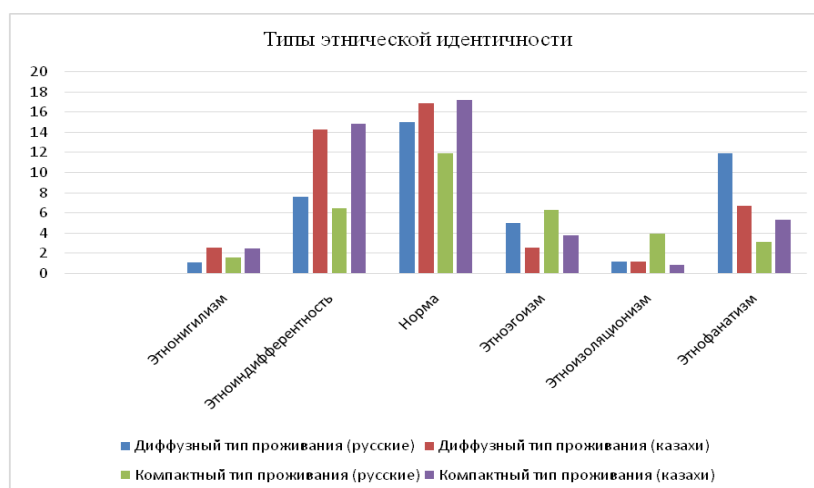

Рис. 3. Соотношение типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих в приграничных областях России

Таблица 3. Соотношение типов этнической идентичности двух этносов – русских и казахов, проживающих в приграничных областях России

Типы этнической идентичности	Диффузный тип проживания (русские)	Диффузный тип проживания (казахи)	$p \leq 0.05$ $t_{\text{крит}} 1,98$	Компактный тип проживания (русские)	Компактный тип проживания (казахи)	$p \leq 0.05$ $t_{\text{крит}} 1,98$
Этнонигилизм	1,100	2,605	2,2	1,600	2,500	1,8
Этноиндифферентность	7,632	14,211	7,8	6,474	14,789	7,9
Позитивная этническая идентичность	15,000	16,842	2,3	11,895	17,158	4,9
Этноэгоизм	5,025	2,605	3,5	6,302	3,766	3,8
Этноизоляционизм	1,200	1,200	0,2	4,000	0,900	4,1
Этнофанатизм	11,895	6,737	8,0	3,158	5,316	2,9

На основе данных из Таблицы 3 можно сделать следующие выводы:

1. Позитивная этническая идентичность у казахов (при любом типе проживания) значимо выше, чем у русских. Выше показатели в условиях компактного проживания ($t=4,9$).

2. Этноиндифферентность также более выражена у казахов, особенно при диффузном проживании ($t=7,8-7,9$), что может указывать на

определенную гибкость идентичности в гетерогенной среде.

3. Этнофанатизм у русских в условиях диффузного проживания значительно выше ($t=8,0$), что может быть связано с переживаниями идентичностного давления в среде с преобладающим другим этносом.

4. Этноизоляционизм у русских возрастает при компактном проживании ($t=4,1$), что может свидетельствовать о тенденции к обособлению при наличии этнической «зоны комфорта».

5. Этноэгоизм у русских выше при любом типе проживания, что также может быть интерпретировано как стремление к защите групповых интересов в условиях межэтнического взаимодействия.

6. Этнонигилизм у казахов выше при обоих типах проживания, но значения t не превышают критический порог (1,98) – статистическая значимость на границе.

Ниже в Таблицах 4, 5 и 6 приведено сравнительное соотношение между этносами России (русские и казахи) с учетом типа проживания (компактного и диффузного) – в процентах от структуры этнической идентичности.

Таблица 4. Диффузное проживание русских и казахов в России

Тип этнической идентичности	Русские (%)	Казахи (%)	Различие (Казахи – Русские)
Этнонигилизм	2,63%	5,89%	+3,26%
Этноиндифферентность	18,23%	32,15%	+13,92%
Позитивная этническая идентичность	35,85%	38,11%	+2,26%
Этноэгоизм	12,01%	5,89%	–6,12%
Этноизоляционизм	2,87%	2,71%	–0,16%
Этнофанатизм	28,41%	15,24%	–13,17%

Из данных таблицы становится очевидно, что казахи в условиях диффузного проживания в приграничных областях России демонстрируют более выраженные позитивную идентичность и индифферентность (больше интегративности и открытости), русские – значительно более высокие показатели этнофанатизма и этноэгоизма (элементы защитной стратегии).

Таблица 5. Компактное проживание русских и казахов в России

Тип этнической идентичности	Русские (%)	Казахи (%)	Различие (Казахи – Русские)
Этнонигилизм	4,79%	5,63%	+0,84%
Этноиндифферентность	19,37%	33,28%	+13,91%
Позитивная этническая идентичность	35,58%	38,63%	+3,05%
Этноэгоизм	18,85%	8,47%	–10,38%
Этноизоляционизм	11,96%	2,02%	–9,94%
Этнофанатизм	9,45%	11,96%	+2,51%

При компактном проживании в приграничных областях России у казахов сохраняется доминирование позитивной и индифферентной идентичности, у русских резко возрастает этноизоляционизм и этноэгоизм, что может отражать стремление к внутреннему обособлению в условиях компактной этнической среды.

Таблица 6. Выраженность типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих в приграничных областях России, в зависимости от типа проживания (диффузного или компактного) и этнической принадлежности

Группа	Преобладающие типы этнической идентичности	Тип идентичности с наибольшим отличием
Казахи (в обоих типах)	Позитивная этническая идентичность, этноиндифферентность	Этноиндифферентность (+13–14%)
Русские (диффузно)	Позитивная этническая идентичность + высокий этнофанатизм	Этнофанатизм (+13% по сравнению с казахами)
Русские (компактно)	Позитивная этническая идентичность + высокий этноэгоизм, этноизоляционизм	Этноизоляционизм (+10% по сравнению с казахами)

В диаграмме, представленной на Рисунке 4, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана.

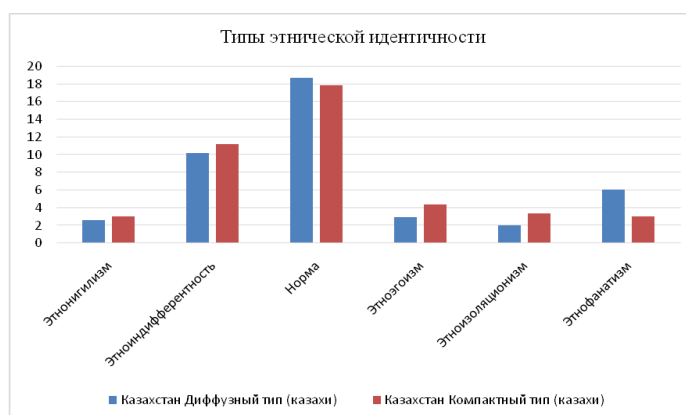

Рис. 4. Типы этнической идентичности казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана

Таблица 7. Результаты исследования выраженности типов этнической идентичности казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана, по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой

Тип этнической идентичности	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)	Значимость 0,05 ткрит 1,97
Этнонигилизм	2,600	3,000	0,6
Этноиндифферентность	10,176	11,176	2,0
Позитивная этническая идентичность	18,647	17,824	1,8
Этноэгоизм	2,954	4,411	3,4
Этноизоляционизм	2,000	3,400	2,8
Этнофанатизм	6,059	3,059	4,2

Данные Таблицы 7 позволяют отметить особенности по следующим показателям:

1. Этноиндифферентность. В компактной группе казахов наблюдается более высокий уровень этноиндифферентности.

2. Этноэгоизм и этноизоляционизм. В компактных группах казахов выявлены более высокие показатели этноэгоизма и этноизоляционизма. Это может быть связано с усилением чувства этнической исключительности и стремлением к изоляции от других этнических групп в условиях более плотного проживания. Компактное проживание способствует укреплению чувства этнической общности, что может вызывать желание подчеркнуть уникальность своей группы и ограничить взаимодействие с другими.

3. Этнофанатизм. Этнофанатизм более выражен в диффузной группе

казахов. Это может указывать на большую потребность в защите своей этнической идентичности в условиях смешанного проживания, где этнические различия становятся более очевидными. Диффузные группы могут сталкиваться с необходимостью более активно защищать свою идентичность, что приводит к усилению этнофанатизма.

4. Этнонигилизм. Показатели этнонигилизма в обеих группах (диффузной и компактной) относительно схожи, что указывает на отсутствие значительных различий в восприятии собственной этнической принадлежности и негативном отношении к ней среди казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана.

5. Позитивная этническая идентичность. Показатели этнической нормы высоки в обеих группах, при этом они несколько выше в диффузной группе.

В диаграмме, представленной на Рисунке 5, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана.

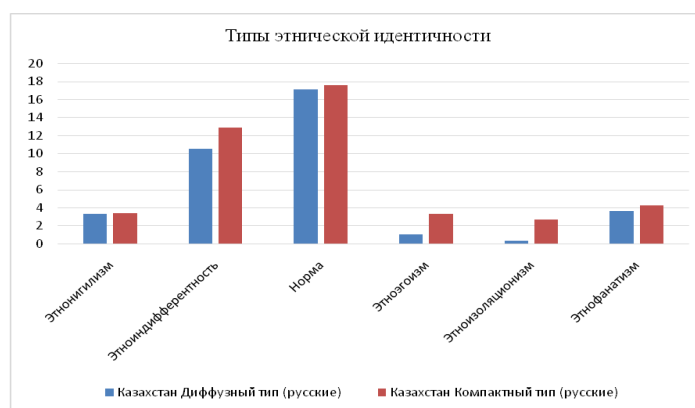

Рис. 5. Типы этнической идентичности русских, проживающих в приграничных областях Казахстана

Таблица 8. Результаты исследования выраженности типов этнической идентичности русских, проживающих в приграничных областях Казахстана, по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой

Тип этнической идентичности	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)	Значимость 0,05 ткрит 1,98
Этнонигилизм	3,300	3,400	0,5
Этноиндифферентность	10,529	12,824	3,1
Позитивная этническая идентичность	17,118	17,588	0,2

Этноэгоизм	1,000	3,294	3,5
Этноизоляционизм	0,300	2,700	2,9
Этнофанатизм	3,647	4,235	1,5

Данные Таблицы 8 позволяют сделать следующие выводы по типам этнической идентичности:

1. Этноэгоизм: среди русских, проживающих в условиях компактного размещения, выявлен более высокий уровень этноэгоизма по сравнению с диффузными группами.

2. Этноизоляционизм: уровень этноизоляционизма также значительно выше в компактных группах.

3. Этноиндифферентность: в компактных русских сообществах наблюдается тенденция к более выраженной этнической индифферентности.

4. Позитивная этническая идентичность является доминирующей как среди русских, так и среди казахов вне зависимости от типа проживания.

В диаграмме, представленной на Рисунке 6, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана.

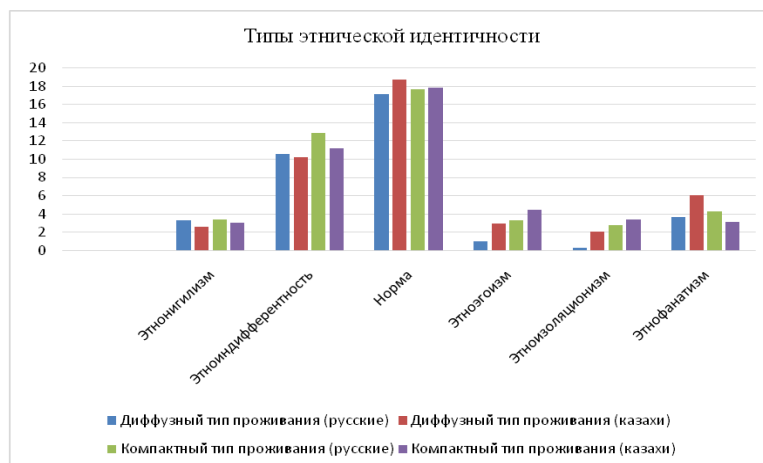

Рис. 6. Соотношение типов этнической идентичности казахов и русских, проживающих в приграничных областях Казахстана

Таблица 9. Соотношение типов этнической идентичности двух этносов – русских и казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана

Типы этнической идентичности	Диффузный тип проживания	Диффузный тип проживания	$p \leq 0.05$ крит 1,98	Компактный тип проживания	Компактный тип проживания	$p \leq 0.05$ крит 1,98
------------------------------	--------------------------	--------------------------	-------------------------	---------------------------	---------------------------	-------------------------

	(русские)	ния (казахи)		(русские)	ния (казахи)	
Этнонигилизм	3,300	2,600	1,4	3,400	3,000	0,5
Этноиндифферентность	10,529	10,176	0,9	12,824	11,176	2,3
Позитивная этническая идентичность	17,118	18,647	2,1	17,588	17,824	0,3
Этноэгоизм	1,000	2,954	2,9	3,294	4,411	2,6
Этноизоляционизм	0,300	2,000	3,0	2,700	3,400	2,4
Этнофанатизм	3,647	6,059	5,2	4,235	3,059	2,2

На основе представленных в Таблице 9 данных можно сформулировать следующие выводы:

1. Позитивная этническая идентичность у казахов (при любом типе проживания) выше, чем у русских, особенно при диффузном проживании ($t = 2,1$). При компактном проживании различие статистически незначимо ($t = 0,3$), однако общее доминирование позитивной идентичности сохраняется у обеих групп.

2. Этноиндифферентность у русских при компактном проживании выражена значительно сильнее, чем у казахов ($t = 2,3$), что может указывать на стремление к адаптивной нейтральности и снижению этнической значимости в среде, где преобладает собственная этническая группа. В условиях диффузного проживания различия между этносами статистически несутсущественны ($t = 0,9$).

3. Этнофанатизм значительно выше у казахов при диффузном типе проживания ($t = 5,2$). При компактном проживании показатели также различаются ($t = 2,2$), но в меньшей степени и в пользу русских, что свидетельствует о взаимном этническом напряжении при изменении культурной плотности среды.

4. Этноизоляционизм у казахов достоверно выше как при диффузном ($t = 3,0$), так и при компактном ($t = 2,4$) проживании, что указывает на тенденцию к поддержанию этнических границ и самосохранению этнической идентичности.

5. Этноэгоизм у казахов также значимо выше при обоих типах проживания ($t = 2,9$ и $t = 2,6$ соответственно), что может свидетельствовать о большей выраженности этнической солидарности и акценте на защите своих групповых интересов.

6. Этнонигилизм у русских незначительно выше только при компактном проживании ($t = 0,5$), при диффузном он выше у казахов ($t = 1,4$), однако в обоих случаях различия статистически незначимы ($t < 1,98$).

Ниже в Таблицах 10, 11 и 12 приведено сравнительное соотношение между этносами Казахстана (русские и казахи) с учетом типа проживания (компактного и диффузного) – в процентах от структуры этнической идентичности.

Таблица 10. Диффузное проживание русских и казахов в Казахстане

Тип этнической идентичности	Русские (%)	Казахи (%)	Различие (Казахи – Русские)
Этнонигилизм	9,20 %	6,13 %	–3,07 %
Этноиндифферентность	29,34 %	23,97 %	–5,37 %
Позитивная этническая идентичность	47,70 %	43,94 %	–3,76 %
Этноэгоизм	2,79 %	6,96 %	+4,17 %
Этноизоляционизм	0,84 %	4,71 %	+3,87 %
Этнофанатизм	10,15 %	14,28 %	+4,13 %

При диффузном проживании казахи демонстрируют значительно более высокие показатели этнофанатизма, этноизоляционизма и этноэгоизма, в то время как у русских показатели выше по позитивной и индифферентной этнической идентичности.

Таблица 11. Компактное проживание русских и казахов в Казахстане

Тип этнической идентичности	Русские (%)	Казахи (%)	Различие (Казахи – Русские)
Этнонигилизм	7,72 %	7,00 %	–0,72 %
Этноиндифферентность	29,12 %	26,07 %	–3,05 %
Позитивная этническая идентичность	39,94 %	41,58 %	+1,64 %
Этноэгоизм	7,48 %	10,29 %	+2,81 %
Этноизоляционизм	6,13 %	7,93 %	+1,80 %
Этнофанатизм	9,61 %	7,14 %	–2,47 %

При компактном проживании казахи демонстрируют более высокие показатели позитивной идентичности, этноэгоизма и изоляционизма, в то время как у русских чуть выше индифферентность и этнофанатизм.

Таблица 12. Выраженность типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана, в зависимости от типа проживания (диффузного или компактного) и этнической принадлежности

Группа	Преобладающие типы этнической идентичности	Тип идентичности с наибольшим отличием
Русские (диффузно)	Позитивная этническая идентичность	Этноиндифферентность (+5,37%)
Казахи (диффузно)	Позитивная этническая идентичность	Этнофанатизм (+4,13%)
Русские (компактно)	Позитивная этническая идентичность	Этноиндифферентность (+3,05%)
Казахи (компактно)	Позитивная этническая идентичность	Этноэгоизм (+2,81%)

В диаграмме, представленной на Рисунке 7, отражены результаты сравнительного анализа типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России и Казахстана.

Рис. 7. Соотношение типов этнической идентичности русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Таблица 13. Соотношение типов этнической идентичности русского и казахского этносов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Типы этнической идентичности	Россия Диффуз	Казахстан Диффуз	$p \leq 0.05$ т-крит	Россия Компакт	Казахстан Компакт	$p \leq 0.05$ т-крит
------------------------------	---------------	------------------	----------------------	----------------	-------------------	----------------------

	ный тип прожива ния (казахи)	ый тип проживан ия (русские)	1,98	ный тип прожива ния (казахи)	ый тип проживан ия (русские)	1,98
Этнонигилизм	2,605	3,300	2,0	2,500	3,400	1,9
Этноиндифферентность	14,211	10,529	3,0	14,789	12,824	3,1
Позитивная этническая идентичность	16,842	17,118	1,1	17,158	17,588	0,3
Этноэгоизм	2,605	1,000	2,5	3,766	3,294	1,5
Этноизоляционизм	1,200	0,300	2,6	0,900	2,700	3,4
Этнофанатизм	6,737	3,647	4,5	5,316	4,235	2,3

На основе представленных в Таблице 13 данных можно сформулировать следующие выводы.

1. Этнонигилизм: у казахов, проживающих диффузно в России, показатель этнонигилизма ниже, чем у русских, проживающих диффузно в Казахстане.

2. Этноиндифферентность: у казахов, проживающих диффузно в России, уровень этноиндифферентности значительно выше, чем у русских в Казахстане. У русских в Казахстане, наоборот, этноиндифферентность выражена в меньшей степени.

3. Позитивная этническая идентичность: у обеих групп – и у казахов в России, и у русских в Казахстане – уровень позитивной этнической идентичности примерно одинаков.

4. Этноэгоизм: казахи, проживающие диффузно в России, имеют более низкие показатели этноэгоизма по сравнению с русскими, проживающими диффузно в Казахстане.

5. Этноизоляционизм: этноизоляционизм значительно выражен у русских, проживающих компактно в Казахстане, в то время как у казахов в компактных группах России он выражен значительно меньше.

6. Этнофанатизм: у казахов, проживающих компактно в России, показатели этнофанатизма более выражены, чем у русских в Казахстане.

Таблица 14. Соотношение этнической идентичности всех исследуемых групп в России и Казахстане

Тип этнической идентичности	Русские (РФ, дифф.)	Казахи (РФ, дифф.)	Русские (РФ, комп.)	Казахи (РФ, комп.)	Русские (КЗ, дифф.)	Казахи (КЗ, дифф.)	Русские (КЗ, комп.)	Казахи (КЗ, комп.)
Этнонигилизм	2.63	5.89	4.79	5.63	9.20	6.13	7.72	7.00
Этноиндифферентность	18.23	32.15	19.37	33.28	29.34	23.97	29.12	26.07
Позитивная этническая идентичность	35.85	38.11	35.58	38.63	47.70	43.94	39.94	41.58
Этноэгоизм	12.01	5.89	18.85	8.47	2.79	6.96	7.48	10.29
Этноизоляционизм	2.87	2.71	11.96	2.02	0.84	4.71	6.13	7.93
Этнофанатизм	28.41	15.24	9.45	11.96	10.15	14.28	9.61	7.14

Таблица 14 позволяет сделать выводы по обоим странам:

Россия:

1. У казахов (вне зависимости от типа проживания) преобладают позитивная этническая идентичность и этноиндифферентность, что может указывать на стабильную и интегративную этническую позицию в российском обществе.

2. У русских особенно высок уровень этнофанатизма в условиях диффузного проживания, что может свидетельствовать о напряженности этнической идентичности в полиэтнической среде.

Казахстан:

1. У русских наиболее выражена позитивная этническая идентичность в условиях диффузного проживания (47,7%), а также высокая этноиндифферентность (29–29,3%), что может указывать на адаптивность и культурную гибкость.

2. У казахов сохраняется высокий уровень позитивной идентичности и умеренно выраженный этноэгоизм и этноизоляционизм, особенно при компактном проживании, что отражает стремление к поддержанию этнической границы.

Для изучения влияния типа проживания и этнической принадлежности на тип этнической идентичности русских и казахов, проживающих в России

и в Казахстане был применен двухфакторный дисперсионный анализ (Таблицы 15, 16).

Таблица 15. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на тип этнической идентичности русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в России (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Тип этнической идентичности	Компактно проживающие		Диффузно проживающие		FA	FB	FAB
	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
Индифферентность	14,789	6,474	14,211	7,632	0,26	173,4*	2,3
Позит. этн. идент	17,158	11,895	16,842	15,0	2,74	17,82*	4,13**
Фанатизм	5,316	3,158	6,737	11,895	38,4*	3,35	19,9*
Эгоизм	3,766	6,302	2,605	5,025	8,53*	5,9**	1,15

Примечание. FA – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

Этноиндифферентность среди респондентов из России обусловлена этнической принадлежностью. Заметна высокая значимость влияния фактора этнической принадлежности на выраженность этноиндифферентности у казахов, проживающих в России, как в компактной, так и в диффузной группах. Для российских казахов наиболее выраженными типами этнической идентичности являются индифферентность и позитивная этническая идентичность. Позитивная этническая идентичность в целом выше у казахов, но ее показатель становится ниже при диффузном типе проживания, а у русских этот показатель повышается в диффузной группе. Этнофанатизм и этноэгоизм обусловлены типом проживания: этнофанатизм более выражен в диффузных группах, тогда как этноэгоизм преобладает в компактных сообществах.

Таблица 16. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на тип этнической идентичности русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в Казахстане (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Тип этнической идентичности	Компактно проживающие	Диффузно проживающие	FA	FB	FAB
-----------------------------	-----------------------	----------------------	----	----	-----

	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
Индиifferentность	11,176	12,824	10,176	10,529	5,19**	1,91	0,80
Позит. этн. идент	17,824	17,588	18,647	17,118	0,10	2,71	1,45
Фанатизм	3,059	4,235	6,059	3,647	4,1**	0,7	6,4**
Эгоизм	4,411	3,294	2,954	1,000	9,85*	4,5**	2,9

Примечание. FA – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

У исследуемых групп из Казахстана отмечены следующие типы этнической идентичности, выраженность которых обусловлена фактором проживания: этноиндифферентность, этнофанатизм и этноэгоизм. При этом показатели этнофанатизма меняются в условиях влияния фактора проживания на результаты, обусловленные этнической принадлежностью. Показатель этнофанатизма выше у казахов, проживающих диффузно в Казахстане. В диффузной группе русских показатель этнофанатизма уменьшается. Этноиндифферентность в исследуемых группах из Казахстана обусловлена фактором проживания. Неактуальность этничности больше характерна для компактных групп. Несмотря на то, что этноэгоизм по средним значениям не превышает средний уровень и сравнительно ниже, чем значения других типов этнической идентичности, все же выявлено значимое влияние компактного типа проживания на большую выраженность этноэгоизма.

Для измерения социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана, в качестве исследуемых этнических групп были выбраны немцы, украинцы, татары, русские и казахи. Данный выбор обусловлен как историко-культурной спецификой региона, так и численным присутствием этих этнических групп. Русские и казахи включены в список как представители титульных (в соответствующих странах) и доминирующих этнических групп, что позволяет выявить особенности внутригрупповой и межгрупповой

дистанции.

Украинцы, татары и немцы исторически присутствуют в приграничных областях, составляя значимую часть этнического ландшафта. Их включение в выборку позволяет оценить уровень социальной дистанции по отношению к другим традиционно проживающим в регионе этносам, а также выявить возможные различия в восприятии близких и более «дистанцированных» групп.

Таблица 17. Результаты сравнительного анализа исследования социальной дистанции (Э. Богардус) казахов, проживающих в приграничных областях России

Этнос	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)
русские	1,985	1,526
казахи	1,684	2,368
немцы	4,000	3,263
украинцы	4,158	3,526
татары	3,526	3,947
μ	3,07	2,926
tэмп 1,5 при tкрит =2,31 (p≤0.05)		

Статистически значимых различий в социальной дистанции казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России, нет. Однако средние показатели социальной дистанции в диффузной группе выше, чем в компактной группе (Таблица 17).

Таблица 18. Результаты сравнительного анализа исследования социальной дистанции (Э. Богардус) русских, проживающих в приграничных областях России

Этнос	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)
русские	1,895	1,842
казахи	3,474	2,316
немцы	4,105	3,316
украинцы	3,737	3,211
татары	3,526	2,842
μ	3,347	2,7
tэмп 2,4 при tкрит =2,31 (p≤0.05)		

Различия в социальной дистанции между русскими, проживающими

диффузно и компактно, являются статистически значимыми. Показатель социальной дистанции в диффузной группе выше, чем в компактной (Таблица 18).

Таблица 19. Результаты сравнительного анализа исследования социальной дистанции (Э. Богардус) казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана

Этнос	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)
русские	2,800	2,200
казахи	1,850	1,500
немцы	3,350	2,500
украинцы	3,200	2,100
татары	3,100	2,300
μ	2,86	2,12
	tэмп 2,45 при tкрит = 2,31 (p ≤ 0.05)	

Социальная дистанция больше в группе казахов, диффузно проживающих в Казахстане, нежели в группе компактно проживающих. Эти различия статистически значимы (Таблица 19).

Таблица 20. Результаты сравнительного анализа исследования социальной дистанции (Э. Богардус) русских, проживающих в приграничных областях Казахстана

Этнос	Диффузный тип проживания (M1)	Компактный тип проживания (M2)
русские	2,250	1,700
казахи	2,400	2,150
немцы	3,400	2,300
украинцы	2,000	2,100
татары	3,300	2,300
μ	2,67	2,11
	tэмп 2,3 при tкрит = 2,31 (p ≤ 0.05)	

Средние показатели социальной дистанции русских, проживающих в Казахстане, выше в диффузной группе, чем в компактной. Статистически различия слабо выражены, но все же, как и в других исследуемых группах, у компактно проживающих респондентов социальная дистанция к другим этническим группам меньше (Таблица 20).

В диаграмме, представленной на Рисунке 8, отражены результаты

сравнительного анализа социальной дистанции русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России и Казахстана.

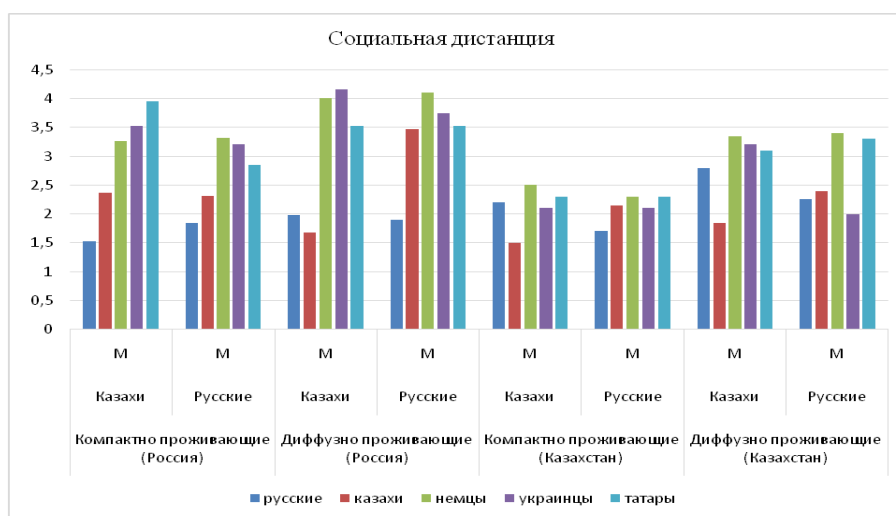

Рис. 8. Социальная дистанция жителей приграничных областей России и Казахстана, проживающих диффузно и компактно

Были получены статистически значимые различия в показателях социальной дистанции среди представителей диффузного и компактного типа проживания в приграничных областях России и Казахстана (Таблица 21). Средние показатели социальной дистанции оказались выше в группах с диффузным типом проживания. Респонденты из группы диффузного типа проживания, где наблюдается низкая концентрация представителей их этноса, больше дистанцируются от представителей других этносов. Данные результаты характерны и для респондентов из России, и для респондентов из Казахстана.

Таблица 21. Сравнительный анализ показателей социальной дистанции по методике Э. Богардуса среди жителей приграничных областей России и Казахстана

Этнос	Россия (M1)	Казахстан (M2)
русские	1,81	2,23
казахи	2,46	1,97
немцы	3,67	2,88
украинцы	3,65	2,35
татары	3,46	2,75

μ	3,01	2,44
	$t_{эмп} 2,45$ при $t_{крит} = 2,31$ ($p \leq 0.05$)	

В диаграмме, представленной на Рисунке 9, отражены результаты сравнительного анализа социальной дистанции двух этнических групп русских и казахов по отношению к пяти этническим группам, проживающим в приграничных областях России и Казахстана.

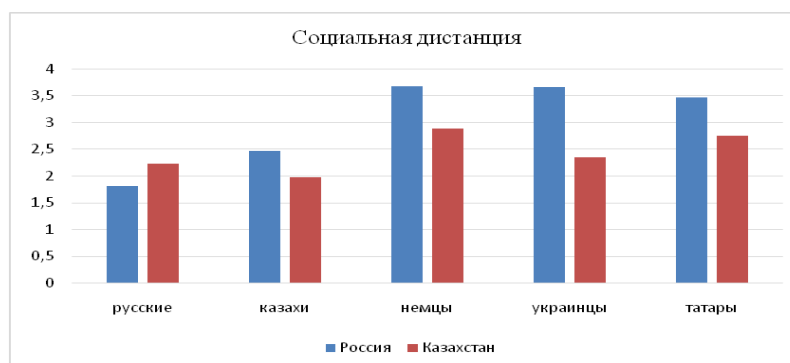

Рис. 9. Показатели социальной дистанции русских и казахов по отношению к пяти этническим группам, проживающим в приграничных областях России и Казахстана

Выявлены статистически значимые различия в социальной дистанции жителей приграничных областей России и Казахстана. Среднеарифметические показатели в группах из России выше, чем в группах из Казахстана.

Таблица 22. Соотношение социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Страна	Тип проживания	Среднее у русских (μ)	Среднее у казахов (μ)	Соотношение (русские : казахи)	Комментарий (у кого дистанция выше)
Россия	Диффузное	3,35	3,07	1 : 0,92	У русских выше (значимо)
Россия	Компактное	2,70	2,93	1 : 1,09	У казахов немного выше (незначимо)
Казахстан	Диффузное	2,67	2,86	1 : 1,07	У казахов выше (значимо)
Казахстан	Компактное	2,11	2,12	1 : 1,00	Почти одинаково

Представленные в Таблице 22 данные отражают соотношение средней социальной дистанции между русскими и казахами, проживающими в

приграничных областях России и Казахстана, в зависимости от типа проживания (диффузного или компактного). Показатели социальной дистанции (μ) рассчитаны по методике Э. Богардуса. Соотношение выражено в форме «русские : казахи» и позволяет наглядно увидеть, какая из этнических групп демонстрирует большую или меньшую дистанцию по отношению к другим этносам.

Статистически значимые различия наблюдаются в условиях диффузного проживания как в России, так и в Казахстане, где уровень социальной дистанции выше. При компактном проживании различия между русскими и казахами сглаживаются, демонстрируя тенденцию к более тесному межэтническому взаимодействию.

Отметим, что социальная дистанция среди компактно проживающих представителей в приграничных областях России увеличилась с 2021 по 2024 год (Таблица 23).

Таблица 23. Сравнительный анализ показателей социальной дистанции жителей приграничных областей России с 2021 по 2024 гг. (компактный тип проживания)

Этнос	2021, 2022 гг.	2023, 2024 гг.
русские	1,6	3,1
казахи	2	2,6
немцы	1,8	3,9
украинцы	2,5	3,9
татары	2	3,2
μ	1,98	3,34
tэмп3,7при tкрит =2,31 ($p \leq 0.05$)		

В диаграмме, представленной на Рисунке 10, отражены результаты сравнительного анализа динамики социальной дистанции жителей, проживающих компактно в приграничных областях России.

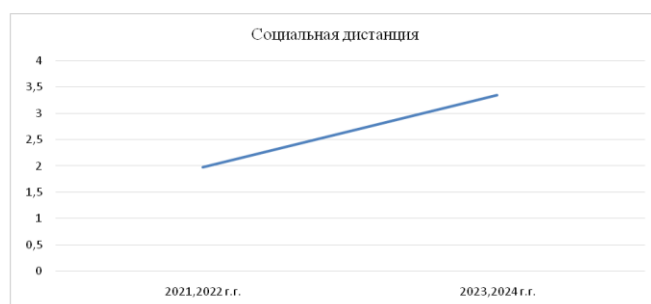

Рис. 10. Показатели социальной дистанции жителей приграничных областей России с 2021 по 2024 г.г. (компактная группа)

Были получены статистически значимые различия в показателях социальной дистанции среди респондентов из России с компактным типом проживания с 2021 по 2024 гг. Социальная дистанция увеличилась почти в два раза.

Для изучения влияния типа проживания и этнической принадлежности на социальную дистанцию русских и казахов, проживающих в России и в Казахстане, был применен двухфакторный дисперсионный анализ (Таблица 24).

Таблица 24. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на социальную дистанцию русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в России (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Этнос	Компактно проживающие		Диффузно проживающие		ФА	FB	FAB
	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
русские	1,526	1,842	1,985	1,895	0,4	0,4	0,8
казахи	2,368	2,316	1,684	3,474	9,5*	8,5*	0,6
немцы	3,263	3,316	4,000	4,105	8,0*	0,04	4,4**
украинцы	3,526	3,211	4,158	3,737	0,01	0,9	2,3
татары	3,947	2,842	3,526	3,526	3,05	3,05	0,17

Примечание. ФА – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

В результате двухфакторного дисперсионного анализа (Таблица 25) выявлено влияние фактора проживания и фактора этнической принадлежности на социальную дистанцию. Социальная дистанция к казахам и немцам обусловлена типом проживания, при этом по отношению к казахам она зависит и от фактора этнической принадлежности. Средний показатель социальной дистанции в казахской группе компактного проживания выше, чем у диффузно проживающих казахов. В русской же группе социальная дистанция увеличивается у диффузно проживающих респондентов. Социальную дистанцию к немцам определяет тип проживания. Респонденты

компактного типа проживания из всех исследуемых групп больше дистанцируются по отношению к немцам. При этом фактор проживания и фактор этнической принадлежности не оказывают значимого влияния на социальную дистанцию к русским, украинцам и татарам.

Таблица 25. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на социальную дистанцию русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в Казахстане (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Этнос	Компактно проживающие		Диффузно проживающие		FA	FB	FAB
	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
русские	2,200	1,700	2,800	2,250	4,3**	3,6	0,008
казахи	1,500	2,150	1,850	2,400	1,1	4,5**	0,03
немцы	2,500	2,300	3,350	3,400	9,5*	0,05	0,1
украинцы	2,100	2,100	3,200	2,000	2,1	3,1	3,1
татары	2,300	2,300	3,100	3,300	7,5*	0,09	0,09

Примечание. FA – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

Как показывают данные Таблицы 26, в исследуемых группах из Казахстана выявлено влияние двух факторов на социальную дистанцию. Этническая принадлежность имеет детерминирующее влияние на социальную дистанцию по отношению к казахам. Социальная дистанция казахов по отношению к своему этносу меньше. Это естественно обусловлено этнической идентичностью. Фактор проживания обуславливает социальную дистанцию по отношению к русским, немцам, татарам. Социальная дистанция к украинцам в группах из Казахстана не зависит ни от фактора проживания, ни от фактора этнической принадлежности. Средний показатель социальной дистанции выше во всех группах с диффузным типом проживания.

Таблица 26. Результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России (методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца)

Ценности	Диффузный тип проживания		Компактный тип проживания		Значимость 0,05 ткрит 1,98
	M1	ранг	M2	ранг	
Конформность	3,937	6	3,447	8	1,5
Традиции	2,826	10	3,705	6	2,1
Доброта	4,858	4	5,753	1	2,2
Универсализм	3,868	7	2,011	10	2,2
Самостоятельность	5,558	2	3,168	9	2,5
Стимуляция	3,668	8	4,179	4	1,9
Гедонизм	4,889	3	3,979	5	2
Достижения	4,171	5	5,258	2	2,5
Власть	3,224	9	3,553	7	0,5
Безопасность	5,879	1	5,037	3	1,9

В диаграмме, представленной на Рисунке 11, отражены результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России.

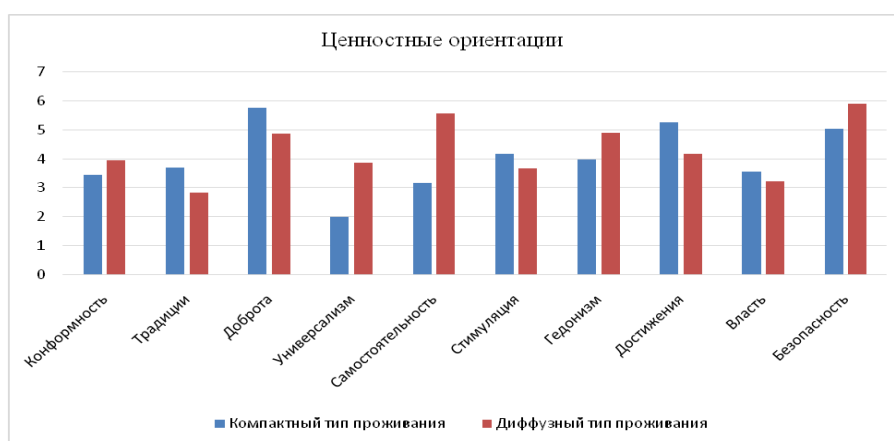

Рис. 11. Ценностные ориентации казахов, проживающих в приграничных областях России

Для казахов, проживающих компактно в России, более значимыми ценностями являются доброта и достижения. У диффузно проживающих казахов более выражены ценности самостоятельности и безопасности (Таблица 27).

Таблица 27. Результаты исследования ценностных ориентаций русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России (методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца)

Ценности	Компактный тип проживания		Диффузный тип проживания		Значимость 0,05 ткрит 1,98
	M1	ранг	M2	ранг	

Конформность	4,611	6	3,966	6	2
Традиции	4,342	7	2,958	10	3,5
Доброта	5,116	1	5,305	2	0,7
Универсализм	4,703	5	3,937	7	2,1
Самостоятельность	4,937	3	4,374	4	2,4
Стимуляция	3,375	9	4,142	5	2
Гедонизм	4,168	8	4,500	3	0,1
Достижения	4,918	4	3,092	9	2,5
Власть	3,624	10	3,592	8	0,8
Безопасность	5,037	2	5,379	1	0,6

В диаграмме, представленной на Рисунке 12, отражены результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях России.

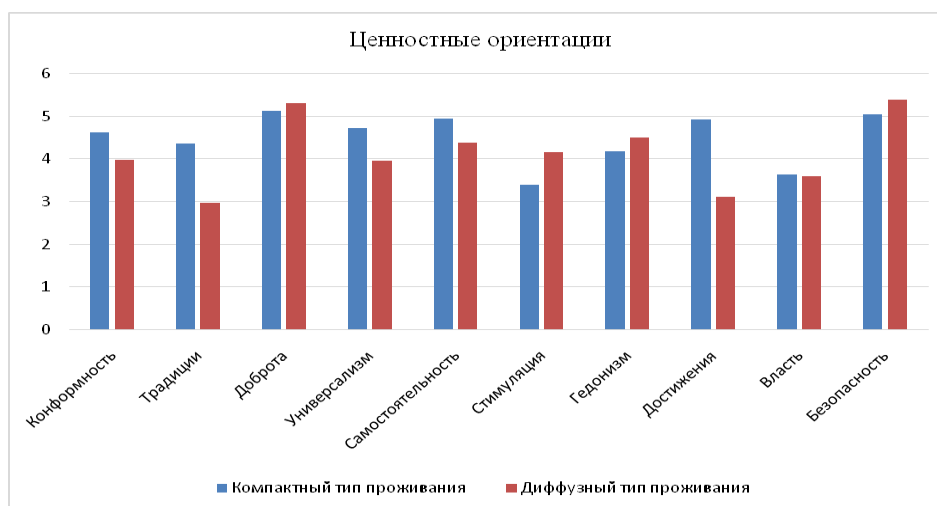

Рис. 12. Ценностные ориентации русских, проживающих в приграничных областях России

У русских, проживающих в России компактно, более выражены ценности традиции и достижения. У диффузно проживающих русских средние показатели выше в таких ценностях, как стимуляция и безопасность.

Для изучения влияния типа проживания и этнической принадлежности на ценностные ориентации русских и казахов, проживающих в России и Казахстане, был применен двухфакторный дисперсионный анализ (Таблица 28).

Таблица 28. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на ценностные ориентации русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в России (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Ценности	Компактно проживающие		Диффузно проживающие		FA	FB	FAB
	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
Конформность	3,447	4,611	3,937	3,966	0,07	4,18 **	3,78
Традиции	3,705	4,342	2,826	2,958	19,1*	2,2	0,9
Доброта	5,753	5,116	4,858	5,305	4,02**	0,2	9,5*
Универсализм	2,011	4,703	3,868	3,937	2,8	18,4*	16,6*
Самостоятельность	3,168	4,937	5,558	4,374	17,04*	1,7	44,5*
Стимуляция	4,179	3,375	3,668	4,142	0,1	0,2	3,7
Гедонизм	3,979	4,168	4,889	4,500	2,2	0,05	0,4
Достижения	5,258	4,918	4,171	3,092	13,2*	3,1	0,8
Власть	3,553	3,624	3,224	3,592	0,3	0,5	0,2
Безопасность	5,037	5,037	5,879	5,379	11,6*	2,08	2,08

Примечание. FA – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

В России оказалось значимым влияние фактора «этническая принадлежность» на следующие ценности: конформность и универсализм. Ценности конформности и универсализма более выражены у русских в двух исследуемых группах: диффузной и компактной. Традиции, доброта, самостоятельность, достижения, безопасность обусловлены фактором проживания. Традиционный способ поведения больше характерен для компактно проживающих людей, как русских, так и казахов.

Доброта, т.е. сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах, как тип ценностей более выражена среди русских и казахов, проживающих компактно. Дополнительно выявлено значительное влияние фактора проживания на результаты, обусловленные этническим признаком. Так, средний показатель ценностей доброты повышается у диффузно проживающих русских, а у диффузно проживающих казахов понижается.

Самостоятельность как тип ценностей напрямую зависит от фактора проживания, при этом фактор проживания оказывает влияние на результаты, обусловленные этнической принадлежностью. Данный тип ценностей менее выражен у компактно проживающих казахов и более выражен у компактных

русских. У диффузно проживающих казахов показатель самостоятельности значительно выше, чем в других исследуемых группах. Проживая в условиях доминирования представителей другой культуры, респонденты ощущали рост потребности в автономности и независимости.

Показатели ценности достижения оказались значительно выше в группах с компактным типом проживания, причем у казахов эта ценность более выражена, чем у русских во всех исследуемых группах. Выявлено, что демонстрация социальной компетентности в контексте преобладающих культурных норм способствует получению общественного признания и одобрения.

Коллективная безопасность является более значимой для респондентов, проживающих диффузно.

В диаграмме, представленной на Рисунке 13, отражены результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций казахов, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана.

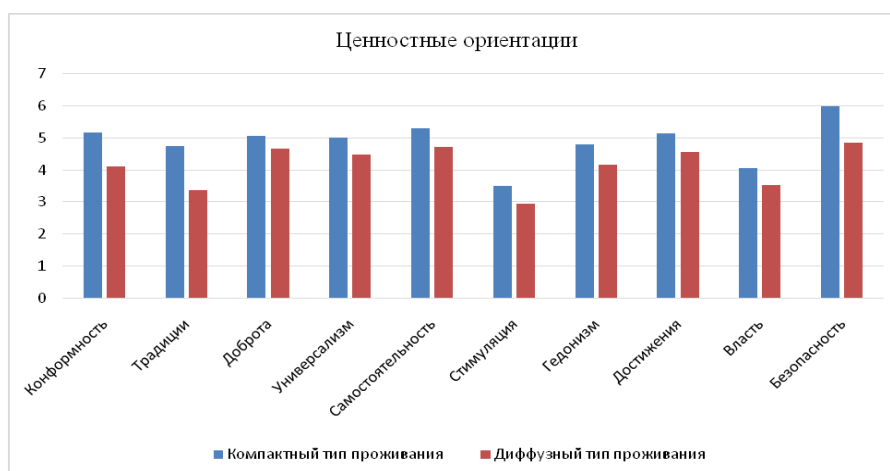

Рис. 13. Ценностные ориентации казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана

Значимые различия у казахов в выборке из Казахстана проявились в таких ценностях, как конформность, традиции, достижения, безопасность. В группе с компактным типом проживания показатели данных типов ценностей выше (Таблица 29).

Таблица 29. Результаты исследования ценностных ориентаций казахов,

проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана
(методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца)

Ценности	Диффузный тип проживания		Компактный тип проживания		Значимость 0,05 ткрит 1,98
	M1	ранг	M2	ранг	
Конформность	4,103	7	5,155	3	2,4
Традиции	3,375	9	4,738	8	2,1
Доброта	4,653	3	5,055	5	1,1
Универсализм	4,468	5	5,010	6	1,2
Самостоятельность	4,710	2	5,283	2	1,8
Стимуляция	2,958	10	3,508	10	1,9
Гедонизм	4,163	6	4,780	7	1,9
Достижения	4,555	4	5,133	4	2,0
Власть	3,533	8	4,060	9	1,9
Безопасность	4,850	1	5,975	1	2,2

В диаграмме, представленной на Рисунке 14, отражены результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана.

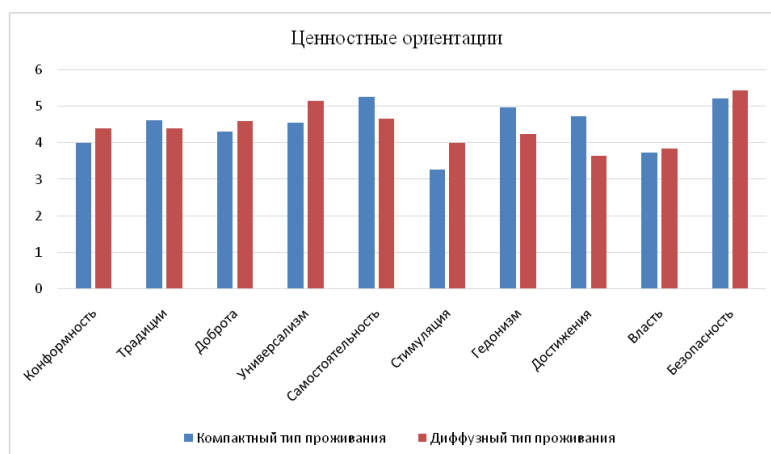

Рис. 14. Ценностные ориентации русских, проживающих в приграничных областях Казахстана

Самостоятельность и достижения – два типа ценностей, которые имеют значимые различия у русских из Казахстана. Данные типы ценностей занимают более высокие позиции у компактно проживающих респондентов (Таблица 30).

Таблица 30. Результаты исследования ценностных ориентаций русских, проживающих диффузно и компактно в приграничных областях Казахстана
(методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца)

Ценности	Диффузный тип проживания		Компактный тип проживания		Значимость 0,05 ткрит 1,98
	М1	ранг	М2	ранг	
Конформность	4,383	6	3,998	8	1,5
Традиции	4,385	5	4,620	5	0,5
Доброта	4,595	4	4,305	7	0,5
Универсализм	5,135	2	4,547	6	1,8
Самостоятельность	4,645	3	5,240	1	2,0
Стимуляция	4,000	8	3,255	10	1,8
Гедонизм	4,245	7	4,961	3	1,5
Достижения	3,645	10	4,730	4	2,5
Власть	3,833	9	3,720	9	0,3
Безопасность	5,425	1	5,210	2	0,2

Таблица 31. Влияние типа проживания и этнической принадлежности на ценностные ориентации русских и казахов, проживающих диффузно и компактно в Казахстане (на основе двухфакторного дисперсионного анализа)

Ценности	Компактно проживающие		Диффузно проживающие		ФА	FB	FAB
	Казахи М	Русские М	Казахи М	Русские М			
Конформность	5,155	3,998	4,103	4,383	1,8	3,1	8,5*
Традиции	4,738	4,620	3,375	4,385	4,1**	1,8	6,06
Доброта	5,055	4,305	4,653	4,595	0,05	2,8	2,06
Универсализм	5,010	4,547	4,468	5,135	0,007	0,1	4,6**
Самостоятельность	4,710	4,645	5,283	5,240	5,7**	0,04	0,002
Стимуляция	3,508	3,255	2,958	4,000	0,09	1,6	4,3**
Гедонизм	4,780	4,961	4,163	4,245	4,4**	0,1	0,02
Достижения	5,133	4,730	4,555	3,645	9,7*	6,05	0,9
Власть	4,060	3,720	3,533	3,833	0,4	0,004	1,09
Безопасность	5,975	5,210	4,850	5,425	3,9**	0,1	6,3**

Примечание. ФА – фактор проживания, FB – фактор этнической принадлежности, FAB – зависимость результатов по этническому признаку от фактора проживания. Уровень значимости отмечен ** - при $p < 0,05$; * - при $p < 0,01$

В выборке из Казахстана (Таблица 31) не выявлено влияния фактора этнической принадлежности на ценностные ориентации респондентов. Показатели конформности в этнических группах меняются в результате влияния типа проживания. У казахов значение данной ценности в диффузной группе уменьшается, а у русских, проживающих диффузно, наоборот, увеличивается.

В казахстанской выборке фактор проживания оказывает значимое

влияние на такие ценности, как традиции, самостоятельность, гедонизм, достижения и безопасность. Традиционное поведение более характерно для компактно проживающих респондентов независимо от этнической принадлежности (так же, как и в выборке из России).

Самостоятельность как тип ценностей более значима для диффузно проживающих респондентов. Напротив, показатели гедонизма выше в группах с компактным типом проживания.

Высока значимость различий в ценностях достижения. Данный тип ценностей актуален в группах с компактным типом проживания (так же, как и в выборке из России).

Безопасность тоже регламентируется фактором проживания, при этом он влияет на результаты, обусловленные этнической принадлежностью. Значимость безопасности у казахов выше в компактных, чем в диффузных группах, а у русских, наоборот, выше в диффузных.

Таблица 32. Соотношение ценностных ориентаций русских и казахов, проживающих в приграничных областях России

Ценностные ориентации	Тип проживания	Русские (М)	Казахи (М)	Соотношение (русские : казахи)	У кого выше
Конформность	Компактное	4,611	3,447	1 : 0,75	Русские
Традиции	Компактное	4,342	3,705	1 : 0,85	Русские
Доброта	Диффузное	5,305	4,858	1 : 0,92	Русские
Универсализм	Компактное	4,703	2,011	1 : 0,43	Русские
Самостоятельность	Диффузное	4,374	5,558	1 : 1,27	Казахи
Достижения	Компактное	4,918	5,258	1 : 1,07	Казахи
Безопасность	Диффузное	5,379	5,879	1 : 1,09	Казахи

Таблица 32 отражает соотношение выраженности ценностных ориентаций у русских и казахов, проживающих в приграничных областях России. Учтены различия, имеющие статистическую значимость ($t > 1,98$). Соотношение представлено в форме «русские : казахи» и показывает, у какой из этнических групп соответствующая ценность выражена сильнее. Тип проживания (компактное или диффузное) влияет на выраженность отдельных ценностей: русские чаще демонстрируют ориентацию на

конформность, традиции и универсализм при компактном проживании; казахи чаще ориентированы на самостоятельность и безопасность при диффузном проживании.

Таблица 33. Соотношение ценностных ориентаций у русских и казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана

Ценностные ориентации	Тип проживания	Русские (М)	Казахи (М)	Соотношение (русские : казахи)	У кого выше
Самостоятельность	Компактное	5,240	5,283	1 : 1,01	одинаково
Достижения	Компактное	4,730	5,133	1 : 1,09	Казахи
Безопасность	Диффузное	5,425	4,850	1 : 0,89	Русские
Традиции	Диффузное	4,385	3,375	1 : 0,77	Русские

Таблица 33 отражает соотношение выраженности отдельных ценностных ориентаций русских и казахов, проживающих в приграничных областях Казахстана. Учтены различия, имеющие статистическую значимость ($t > 1,98$). Соотношение выражено в формате «русские : казахи» и указывает, у какой из групп соответствующая ценность выражена сильнее. При компактном проживании казахи проявляют более высокую ориентацию на достижения, при этом различия по самостоятельности практически отсутствуют. В условиях диффузного проживания русские демонстрируют более высокую значимость таких ценностей, как безопасность и традиции, что может свидетельствовать о стремлении к сохранению устойчивых норм и этнокультурной идентичности в полиэтнической среде.

Корреляционный анализ (Пирсон)

Корреляционный анализ был проведен с целью выявления взаимосвязей между типами этнической идентичности, ценностными ориентациями и уровнем социальной дистанции. Исследовательский акцент был сделан на установление направленности и силы связей между характеристиками этнической идентичности (методика Г.У. Солдатовой), ценностными ориентациями (методика Ш. Шварца) и социальной дистанцией (шкала Э. Богардуса).

Результаты анализа, представленные ниже, позволяют глубже понять, какие типы этнической идентичности способствуют усилению или снижению социальной дистанции и какие ценностные ориентации наиболее тесно связаны с конкретными типами этнической идентичности. Выделенные корреляционные зависимости позволяют сделать выводы о том, как социально-психологические характеристики этнической идентичности связаны с системой ценностей и установками по отношению к представителям других этносов.

Анализ общей выборки не выявил статистически значимой корреляции между типами этнической идентичности, ценностными ориентациями и уровнем социальной дистанции. Однако при учете типа проживания этнических групп (компактного или диффузного) эти связи становятся более выраженными и достигают статистической значимости. Это указывает на то, что тип проживания является фактором, детерминирующим характер и силу взаимосвязей между изучаемыми социально-психологическими характеристиками. Таким образом, территориальный контекст проживания играет ключевую роль в формировании структуры этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции.

Таблица 34. Связь социальной дистанции и выраженности этнической идентичности: результаты корреляции Пирсона (r)

	Этнонигилизм	Этноиндифферентность	Позитивная этническая идентичность	Этноэгоизм	Этноизоляционизм	Этнофанатизм	Социальная дистанция
Этнонигилизм	1.00	0.42	-0.35	0.25	0.18	0.12	0.10
Этноиндифферентность	0.42	1.00	0.30	-0.28	-0.33	-0.40	-0.45
Позит. этн. идент	-0.35	0.30	1.00	-0.22	-0.40	-0.38	-0.30
Этноэгоизм		-0.28	-0.22	1.00	0.52	0.48	0.35
Этноизоляционизм	0.18	-0.33	-0.40	0.52	1.00	0.66	0.55
Этнофанатизм	0.12	-0.40	-0.38	0.48	0.66	1.00	0.68

Социальная дистанция	0.10	-0.45*	-0.30*	0.35	0.55**	0.68**	1.00
----------------------	------	--------	--------	------	--------	--------	------

* $p < 0.05$ – значимая связь; ** $p < 0.01$ – высокая значимость

В Таблице 34 представлены коэффициенты корреляции Пирсона между типами этнической идентичности (по методике Г.У. Солдатовой) и уровнем социальной дистанции (по методике Э. Богардуса). Полученные данные позволяют выявить направленность и силу взаимосвязей между выраженностью определенного типа этнической идентичности и готовностью индивида к межэтническому взаимодействию.

Анализ показал, что выраженность этнофанатизма и этноизоляционизма положительно коррелирует с уровнем социальной дистанции ($r = 0.68$ и $r = 0.55$ соответственно, $p < 0.01$). Это говорит о том, что чем выше склонность индивида к радикальному восприятию своей этничности, тем сильнее он дистанцируется от представителей других этнических групп.

В то же время, этноиндифферентность демонстрирует умеренную отрицательную связь с социальной дистанцией ($r = -0.45$, $p < 0.05$), что свидетельствует о снижении дистанции и большей открытости в межэтническом взаимодействии при равнодушии к этнической принадлежности.

Позитивная этническая идентичность, отражающая сбалансированное восприятие индивидом своей и чужой этничности, также связана с уменьшением социальной дистанции ($r = -0.30$), хотя и в меньшей степени.

Таблица 35. Связь ценностных ориентаций с типами этнической идентичности: результаты корреляции Пирсона (r)

Ценности	Этнонигилизм	Этноиндифферентность	Позитивная этническая идентичность	Этноэгоизм	Этноизоляционизм	Этнофанатизм
Конформность	0.10	-0.15	0.20	0.25	0.45**	0.30
Традиции	0.05	-0.30*	0.18	0.28	0.50**	0.32
Доброта	-0.10	0.05	0.22	0.15	0.12	0.05
Универсализм	-0.05	-0.40**	0.25	-0.10	0.42**	0.08
Самостоятельность	0.15	0.10	0.05	-0.20	-0.25	-0.30
Стимуляция	0.20	0.05	-0.10	-0.15	-0.20	-0.35
Гедонизм	0.25	0.12	0.10	-0.05	-0.10	-0.28
Достижения	0.18	0.15	0.12	0.05	-0.12	-0.22
Власть	0.30	0.10	0.00	0.20	0.15	0.10
Безопасность	0.22	-0.08	0.18	0.25	0.38*	0.30*

* $p < 0.05$ – значимая связь, ** $p < 0.01$ – высокая значимость

Представленная в Таблице 35 матрица корреляций отражает взаимосвязи между ценностными ориентациями (по Ш. Шварцу) и типами этнической идентичности (по методике Г.У. Солдатовой). Цель анализа этих данных – выявить, какие ценности ассоциированы с различными типами этнической идентичности.

Результаты показывают, что этноизоляционизм положительно коррелирует с такими ценностями, как традиции ($r = 0.50$), конформность ($r = 0.45$) и универсализм ($r = 0.42$). Это говорит о том, что люди с выраженной тенденцией к изоляции своей этнической группы придают больше значения сохранению культурных норм, послушанию и межличностной гармонии.

В то же время этноиндифферентность демонстрирует отрицательную корреляцию с традициями ($r = -0.30$) и универсализмом ($r = -0.40$), что может указывать на сниженное внимание к культурным и гуманистическим ценностям у лиц, не придающих значения этнической принадлежности.

Этнонигилизм и этнофанатизм слабо, но тем не менее коррелируют с безопасностью.

В Таблице 36 представлены результаты опроса жителей приграничных областей России, проживающих диффузно.

Таблица 36. Результаты анкетирования представителей приграничных областей России, проживающих диффузно

Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая (национальная) принадлежность? <i>Этническая принадлежность – это отождествление человеком себя с определенным народом.</i>					
чувство стыда	чувство превосходства над представителями других этносов	чувство любви к своему этносу	чувство безразличия к своему этносу	чувство неполноценности из-за своей этнической принадлежности	чувство гордости за свой этнос
-	25 %	87 %	-	-	37 %

По каким признакам Вы отождествляете себя с людьми Вашей национальности?				
физиогномические особенности (внешность)	язык общения	культура и общая история этноса	территория проживания	происхождение
50 %	50 %	75 %	15 %	15 %
Согласны ли Вы, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	-	10 %	50 %	40 %

Согласны ли Вы, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
90 %	10 %	-	-	-

Выберите из предложенных суждений то, которое больше всего соответствует Вашему мнению.		
Для меня не имеет значение моя национальность и национальность окружающих	Я никогда не забываю о своей национальности	Я помню о своей национальности в определенных ситуациях
60 %	30 %	10 %

Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего этноса?	
да	нет
85 %	15 %

Хотели бы Вы больше знать о культуре своего этноса?		
да	Нет, я и так достаточно знаю о	Нет, мне не интересна

	культуре моего этноса	культура моего этноса
85 %	15 %	-

Согласны ли Вы, что острее стали чувствовать свою этническую принадлежность в условиях пандемии?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	-	10 %	20 %	70 %

Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
5 %	-	10 %	50 %	35 %

По Вашему мнению, нужна ли цифровизация в современном обществе?
Цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровые технологии – технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.

да	нет	затрудняюсь ответить
100 %	-	-

Согласны ли Вы, что стали лучше понимать людей других национальностей в условиях цифровизации?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
25 %	40 %	35 %	-	-

Таблица 37 отображает результаты опроса жителей приграничных областей России, проживающих компактно.

Таблица 37. Результаты анкетирования представителей приграничных областей России, проживающих компактно

Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая (национальная) принадлежность?
Этническая принадлежность – это отождествление человеком себя с определенным народом.

чувство стыда	чувство превосходства над представителями других этносов	чувство любви к своему этносу	чувство безразличия к своему этносу	чувство неполноценности из-за своей этнической принадлежности	чувство гордости за свой этнос
14 %	40 %	67 %	-	15 %	38 %

По каким признакам Вы отождествляете себя с людьми Вашей национальности?

физиогномические	язык общения	культура и	территория	происхождение
------------------	--------------	------------	------------	---------------

особенности (внешность)		общая история этноса	проживания	
30 %	67 %	62 %	28 %	15 %
Согласны ли Вы, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
10 %	10 %	5 %	45 %	30 %

Согласны ли Вы, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
55 %	35 %	10 %	-	-

Выберите из предложенных суждений то, которое больше всего соответствует Вашему мнению.		
Для меня не имеет значение моя национальность и национальность окружающих	Я никогда не забываю о своей национальности	Я помню о своей национальности в определенных ситуациях
55 %	30 %	15 %

Каким образом влияет этническая принадлежность на Вашу жизнь?		
моя этническая принадлежность помогает мне (в учебе, в общении, в карьере, в быту, в развитии и т.д.);	моя этническая принадлежность мешает мне в жизни	моя этническая принадлежность не влияет на качество жизни
30 %	10 %	60 %

Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего этноса?	
да	нет
75 %	25 %

Хотели бы Вы больше знать о культуре своего этноса?		
да	Нет, я и так достаточно знаю о культуре моего этноса	Нет, мне не интересна культура моего этноса
60 %	30 %	10 %

Согласны ли Вы, что острее стали чувствовать свою этническую принадлежность в условиях пандемии?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	-	25 %	60 %	15 %

Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
5 %	-	20 %	45 %	30 %

По Вашему мнению, нужна ли цифровизация в современном обществе? <i>Цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровые технологии – технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.</i>		
да	нет	затрудняюсь ответить
70 %	20 %	10 %

Согласны ли Вы, что стали лучше понимать людей других национальностей в условиях цифровизации?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
20 %	40 %	20 %	15 %	5 %

Таблица 38 содержит результаты опроса жителей приграничных областей Казахстана, проживающих диффузно.

Таблица 38. Результаты анкетирования представителей приграничных областей Казахстана, проживающих диффузно

Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая (национальная) принадлежность? <i>Этническая принадлежность – это отождествление человеком себя с определенным народом.</i>					
чувство стыда	чувство превосходства над представителями других этносов	чувство любви к своему этносу	чувство безразличия к своему этносу	чувство неполноценности из-за своей этнической принадлежности	чувство гордости за свой этнос
-	7 %	70 %	-	5 %	50 %

По каким признакам Вы отождествляете себя с людьми Вашей национальности?				
физиогномические особенности (внешность)	язык общения	культура и общая история этноса	территория проживания	происхождение
35 %	35 %	55 %	15 %	35 %
Согласны ли Вы, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен

5 %	7 %	20 %	40 %	28 %
-----	-----	------	------	------

Согласны ли Вы, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
60 %	30 %	5 %	5 %	-

Выберите из предложенных суждений то, которое больше всего соответствует Вашему мнению.

Для меня не имеет значение моя национальность и национальность окружающих	Я никогда не забываю о своей национальности	Я помню о своей национальности в определенных ситуациях
50 %	25 %	25 %

Каким образом влияет этническая принадлежность на Вашу жизнь?

моя этническая принадлежность помогает мне (в учебе, в общении, в карьере, в быту, в развитии и т.д.);	моя этническая принадлежность мешает мне в жизни	моя этническая принадлежность не влияет на качество жизни
25 %	-	75 %

Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего этноса?

да	нет
85 %	15 %

Хотели бы Вы больше знать о культуре своего этноса?

да	Нет, я и так достаточно знаю о культуре моего этноса	Нет, мне не интересна культура моего этноса
80 %	20 %	-

Согласны ли Вы, что острее стали чувствовать свою этническую принадлежность в условиях пандемии?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	10 %	5 %	75 %	10 %

Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	-	10 %	55 %	35 %

По Вашему мнению, нужна ли цифровизация в современном обществе? <i>Цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровые технологии – технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.</i>		
да	нет	затрудняюсь ответить
85 %	-	15 %

Согласны ли Вы, что стали лучше понимать людей других национальностей в условиях цифровизации?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
15 %	55 %	15 %	15 %	-

В Таблице 39 отображены результаты опроса жителей приграничных областей Казахстана, проживающих компактно.

Таблица 39. Результаты анкетирования представителей приграничных областей Казахстана, проживающих компактно

Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая (национальная) принадлежность? <i>Этническая принадлежность – это отождествление человеком себя с определенным народом.</i>					
чувство стыда	чувство превосходства над представителями других этносов	чувство любви к своему этносу	чувство безразличия к своему этносу	чувство неполноценности из-за своей этнической принадлежности	чувство гордости за свой этнос
5 %	15 %	55 %	15 %	10 %	55 %

По каким признакам Вы отождествляете себя с людьми Вашей национальности?				
физиогномические особенности (внешность)	язык общения	культура и общая история этноса	территория проживания	происхождение
50 %	75 %	45 %	5 %	35 %
Согласны ли Вы, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	-	20 %	50 %	30 %

Согласны ли Вы, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
80 %	20 %	-	-	-

Выберите из предложенных суждений то, которое больше всего соответствует Вашему мнению.		
Для меня не имеет значение моя национальность и национальность окружающих	Я никогда не забываю о своей национальности	Я помню о своей национальности в определенных ситуациях
65 %	15 %	20 %

Каким образом влияет этническая принадлежность на Вашу жизнь?		
моя этническая принадлежность помогает мне (в учебе, в общении, в карьере, в быту, в развитии и т.д.);	моя этническая принадлежность мешает мне в жизни	моя этническая принадлежность не влияет на качество жизни
25 %	10 %	65 %

Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего этноса?	
да	нет
75 %	25 %

Хотели бы Вы больше знать о культуре своего этноса?		
да	Нет, я и так достаточно знаю о культуре моего этноса	Нет, мне не интересна культура моего этноса
65 %	30 %	5 %

Согласны ли Вы, что острее стали чувствовать свою этническую принадлежность в условиях пандемии?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
-	5 %	15 %	55 %	25 %

Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?				
полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
5 %	5 %	10 %	25 %	55 %

По Вашему мнению, нужна ли цифровизация в современном обществе? <i>Цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровые технологии – технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.</i>		
да	нет	затрудняюсь ответить
65 %	15 %	20 %

Согласны ли Вы, что стали лучше понимать людей других национальностей в условиях цифровизации?
--

полностью согласен	согласен	затрудняюсь ответить	не согласен	совершенно не согласен
10 %	35 %	30 %	15 %	10 %

Выводы по результатам, представленным в Таблицах 36, 37, 38, 39.

По результатам анкетирования на вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая принадлежность?» 97% респондентов из России и Казахстана ответили: «чувство любви к своему этносу», «чувство гордости за свой этнос». 14% ответили «чувство стыда за свой этнос». При этом 25% респондентов из России с диффузным типом проживания и 40% респондентов из России с компактным типом проживания добавили следующий ответ: «чувство превосходства над представителями других этносов».

Респонденты отождествляют себя с людьми своей национальности по следующим признакам: «культура и общая история», «язык общения», «происхождение», «физиогномические особенности». 28% респондентов из России с компактным типом проживания выбрали один ответ «территория проживания». «Культура и общая история» была выбрана чаще, чем другие показатели (75%).

В условиях угрозы здоровью и жизни (пандемия) от 55 % до 75 % респондентов не ощущали свою этническую принадлежность острее. На включенный в анкету вопрос «Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?» 75 % – 90 % респондентов ответили «совершенно не согласен» и «не согласен». Результаты исследования отношения к COVID – 19, а также влияния COVID-19 на социальную жизнь показали более высокий уровень страха в компактной группе (23,0 против 20,1 при $p \leq 0,001$) по сравнению с диффузной группой и группой студентов (23,1 против 20,1 при $p \leq 0,001$). При этом респонденты из диффузной группы больше, чем компактная группа и студенты, практиковали социальное дистанцирование в ситуации коронавируса (64 % против 51,9 % и 64 % против 55 %).

В условиях цифровизации 70 % респондентов стали лучше понимать людей других национальностей.

В компактных группах и респонденты из России, и респонденты из Казахстана 20 % считают, что цифровизация в обществе не нужна. В группах с диффузным типом проживания отрицательных ответов нет.

2.3. Методы формирования позитивной этнической идентичности

Качество жизни и межличностных отношений среди населения тесным образом связано с особенностями межэтнических отношений и развитием позитивной этнической идентичности.

Позитивную этническую идентичность следует развивать, используя разные методы:

1. Организационные методы в сфере национальной политики. Например, развитие культуры и языка этнических меньшинств через создание национальных ассоциаций, ассамблей с целью снятия межэтнической напряженности (Таблица 40).

Таблица 40. Организационные предложения по снижению социальной дистанции и развитию этнической идентичности

№	Направление	Предложения для России	Предложения для Казахстана
1	Этнокультурная идентичность	Создание этнокультурных центров русских и казахов при школах и университетах	Поддержка этнокультурных объединений русских и казахов через Ассамблею народа Казахстана
2	Образование	Введение элективных курсов по культуре и традициям народов региона	Введение двуязычного компонента в школах приграничных районов
3	Молодежная политика	Форумы и летние лагеря для русской и казахской молодежи	Молодежные секции АНК с проектами по взаимному изучению культур
4	СМИ и коммуникации	Запуск YouTube-канала/подкаста о межэтническом диалоге в регионах	Поддержка мультязычных программ на локальном ТВ и в соцсетях
5	Социальная дистанция	Проведение анонимных социологических опросов с	Реализация проектов «живой библиотеки» –

		обсуждением результатов	встречи с представителями разных этносов
6	Ценностные ориентации	Методические разработки по ценностному диалогу в школах	Тренинги для педагогов по воспитанию этнокультурной эмпатии
7	Институциональные формы	Создание муниципальных советов по межэтническому взаимодействию	Развитие этносекций в маслихатах
8	Научная поддержка	Организация грантов на изучение межэтнических отношений в вузах	Финансирование исследований по этнической идентичности и социальной дистанции
9	Праздники и ритуалы	Проведение совместных праздников культур (напр. «Сабантуй-День Наурыза»)	Диалоговые площадки на базе праздников и фестивалей
10	Социальные сети и молодежная культура	Продвижение межэтнического контента с участием блогеров	Поддержка TikTok/Instagram-проектов о жизни в полиэтнических регионах

2. Социально-психологические методы в системе образования. В частности, разработка коррекционных и развивающих программ, направленных на формирование позитивной этнической идентичности среди обучающихся среднего и профессионального образования (Таблица 41).

Таблица 41. Социально-психологические методы в системе образования

Направление работы	Россия	Казахстан
Образовательные программы	Введение модулей по межэтнической толерантности и культуре народов России в учебные планы колледжей и лицеев	Разработка курсов по истории и культуре этносов Казахстана в рамках программ среднего и ТиПО образования
Психологическая поддержка	Организация тренингов по развитию межкультурной компетентности и снятию этнической напряженности	Проведение программ по формированию толерантности и профилактике этнических предубеждений среди учащихся и педагогов
Внеучебная деятельность	Проведение этнокультурных фестивалей, конкурсов и клубов межнационального общения	Создание студенческих этнокультурных клубов при колледжах и организациях ТиПО
Подготовка педагогов и психологов	Повышение квалификации специалистов по работе с этнически разнородными группами обучающихся	Введение спецкурсов для педагогов по формированию позитивной этнической идентичности у молодежи

3. Проведение социально-психологического тренинга с населением с целью формирования конструктивных коммуникативных навыков (работа с коммуникативными барьерами, социальными предубеждениями и стереотипами в общении, а также формирование навыков эффективной обратной связи) (Таблица 42).

Таблица 42. Социально-психологический тренинг: формирование конструктивных коммуникативных навыков

№	Название занятия	Цель занятия	Задачи	Время (мин.)	Методы и формы работы
1	Введение. Знакомство	Создание безопасной, доверительной атмосферы	1. Ознакомление участников; 2. Установление правил и целей; 3. Диагностика ожиданий	90	Интерактив, упражнения на знакомство, обсуждение
2	Понимание коммуникации	Повышение осознания роли коммуникации в межэтническом взаимодействии	1. Освоение понятий «коммуникация», «барьеры», «обратная связь»; 2. Анализ примеров	90	Мини-лекция, групповая работа, кейсы
3	Коммуникативные барьеры	Осознание личных коммуникативных барьеров и работа с ними	1. Диагностика собственных трудностей; 2. Развитие эмпатии	90	Диагностические тесты, упражнения, дискуссия
4	Стереотипы и предубеждения	Распознавание и проработка этнических и социальных стереотипов	1. Работа с установками; 2. Снижение уровня предвзятости	90	Ролевая игра, обсуждение, письменная рефлексия
5	Навыки эффективного общения	Освоение инструментов конструктивной коммуникации	1. Активное слушание; 2. Я-высказывания; 3. Невербальная коммуникация	90	Упражнения в парах, видеоанализ, тренировка навыков
6	Эффективная обратная связь	Развитие навыков давать и принимать обратную связь	1. Алгоритмы конструктивной критики; 2. Отработка навыков	90	Тренинг в малых группах, кейс-анализ
7	Заключение. Рефлексия	Подведение итогов,	1. Рефлексия; 2. Обратная связь	90	Анкетирование, обсуждение,

		планирование дальнейших шагов	участникам и тренеру; 3. Оценка результатов		завершающее упражнение
--	--	-------------------------------------	--	--	---------------------------

Выводы по Главе 2.

1. Несмотря на то, что в исследуемых выборках наиболее выражена позитивная этническая идентичность, в структуре этнической идентичности наблюдаются значимые смещения, проявляющиеся в различной степени выраженности других типов (таких как этноиндифферентность, этноэгоизм, этнофанатизм и др.), что обусловлено как типом проживания (компактное или диффузное), так и этнической принадлежностью участников исследования.

2. Тип проживания оказывает существенное влияние на выраженность различных типов этнической идентичности. Этнофанатизм более выражен в диффузных группах у обеих этнических групп, что, вероятно, связано с необходимостью защищать свою идентичность в условиях проживания среди представителей других этносов. Этноэгоизм и этноизоляционизм чаще встречаются в компактных сообществах, что может свидетельствовать о стремлении к сохранению этнической целостности и подчеркиванию уникальности своей группы в условиях плотного проживания. Этнонигилизм не продемонстрировал стабильных различий, однако среди диффузно проживающих русских в Казахстане он более выражен, чем у казахов, проживающих в России. Этноиндифферентность чаще наблюдается у казахов в России, особенно в диффузных условиях проживания, что может быть следствием ассимиляционных процессов.

2. В приграничных регионах России и Казахстана было отмечено следующее: у русских, проживающих диффузно в России, уровень социальной дистанции по отношению к другим этносам оказался значимо выше, чем у казахов (соотношение 1 : 0,92). В Казахстане казахи при диффузном проживании демонстрируют более высокий уровень социальной дистанции, чем русские (соотношение 1 : 1,07). При компактном проживании различия между русскими и казахами сглаживаются, а уровень социальной дистанции существенно снижается, демонстрируя меньшую

настороженность по отношению к другим этническим группам.

3. У всех исследуемых групп социальная дистанция оказалась выше в диффузных сообществах. Это может быть связано с меньшим уровнем доверия, социальной сплоченности и идентичности в условиях разрозненного проживания. Компактное проживание, напротив, способствует снижению социальной дистанции, особенно к представителям других этносов.

4. В ходе исследования в приграничных регионах России в период с 2021 по 2024 гг. отмечено повышение уровня социальной дистанции (статистически значимые изменения) среди представителей этнических групп, проживающих в компактных сообществах. Данная тенденция может отражать рост чувства социальной обособленности и усиление ориентации на внутригрупповую сплоченность в изменяющихся условиях.

5. Традиции и доброта как ценности более выражены в компактных сообществах (у всех этнических групп), что отражает ориентацию на коллективизм и сохранение этнокультурных норм. Самостоятельность и безопасность более выражены в диффузных группах, особенно у казахов в России, что может быть обусловлено стремлением к автономии в условиях иной этнической среды. Вместе с тем ценность безопасности сохраняет высокую значимость для всех респондентов вне зависимости от типа расселения и этнической принадлежности, что указывает на ее универсальный характер в системе ценностных ориентаций. Достижения стали значимой ценностью для всех компактно проживающих групп, особенно у казахов, что говорит о стремлении к социальному успеху в условиях этнической сплоченности. Гедонизм как ценность чаще проявляется у респондентов из Казахстана.

6. В России русские более ориентированы на ценности универсализма и конформности. В Казахстане значимого влияния этнической принадлежности на ценностные ориентации не выявлено. Тип проживания выступает при этом более значимым фактором, определяющим различия в ценностях.

7. У казахов, проживающих диффузно в России, наблюдается высокий уровень индивидуалистических ценностей (самостоятельность), а у русских в Казахстане в диффузных условиях – высокий уровень конформности. Казахи, проживающие компактно в России, демонстрируют более выраженные коллективистские ценности (доброта, достижения).

8. При анализе корреляционных связей по всей совокупной выборке статистически значимых взаимосвязей между типами этнической идентичности, ценностными ориентациями и уровнем социальной дистанции не обнаружено. Однако при введении фактора проживания (компактное или диффузное размещение этнических групп) данные взаимосвязи становятся выраженными и статистически значимыми. Это указывает на то, что тип проживания является детерминирующим фактором, обуславливающим характер и силу взаимосвязей между изучаемыми социально-психологическими характеристиками. Таким образом, территориальный контекст проживания играет ключевую роль в формировании структуры этнической идентичности, ценностных приоритетов и уровня социальной дистанции.

9. Данные корреляционного анализа показали наличие статистически значимой связи между типами этнической идентичности и уровнем социальной дистанции. Установлено, что такие проявления этнической идентичности, как этнофанатизм и этноизоляционизм, имеют положительную корреляцию с социальной дистанцией, что свидетельствует о склонности к отдалению и социальной замкнутости по отношению к представителям других этносов при усилении радикально выраженной этнической самоидентификации. В то же время этноиндифферентность и позитивная этническая идентичность демонстрируют отрицательную корреляцию с социальной дистанцией, что свидетельствует о большей готовности к межэтническому взаимодействию и снижению барьеров в межэтническом общении у индивидов с толерантными или нейтральными этническими установками. Таким образом, тип этнической идентичности

является значимым предиктором степени открытости по отношению к представителям других этнических групп.

10. Полученные данные подтверждают наличие значимых взаимосвязей между типами этнической идентичности и ценностными ориентациями. Так, выраженный этноизоляционизм ассоциирован с ориентацией на традиции, конформность и универсализм, что отражает стремление к сохранению культурных норм, соблюдению социальных правил и поддержанию гармоничных межличностных отношений. Напротив, этноиндифферентность отрицательно связана с ценностями традиций и универсализма, что может указывать на снижение значимости этнокультурных и гуманистических установок у лиц, не акцентирующих внимание на своей этнической принадлежности.

11. Этнонигилизм и этнофанатизм демонстрируют слабую положительную связь с ценностью безопасности, что может отражать тревожность и стремление к стабильности у носителей крайних форм этнической идентичности. Эти результаты подтверждают, что система ценностных ориентаций субъекта тесно связана с его этническим самосознанием и установками в межэтническом взаимодействии.

12. Результаты анкетирования показали, что большинство респондентов из России и Казахстана (97 %) испытывают позитивные чувства к своей этнической принадлежности (любовь, гордость), тогда как чувство превосходства над другими этносами чаще проявляется у респондентов с компактным типом проживания.

Основными признаками этнической идентификации названы «культура и общая история» (75 %), «язык общения», «происхождение» и «физиогномические особенности». В компактных группах отмечено большее значение территориального признака, чем в диффузных группах.

Большинство респондентов (75 %) не отмечали усиления этнической идентичности в условиях пандемии и не проявляли роста нетерпимости к другим национальностям (75–90 %). При этом уровень страха был выше в

компактных группах, тогда как представители диффузных групп чаще соблюдали социальное дистанцирование.

Как показывают результаты анкетирования, цифровизация, с точки зрения респондентов, способствует межэтническому взаимопониманию: 70 % отметили, что стали лучше понимать представителей других национальностей. При этом 20 % респондентов из компактных групп в обеих странах выразили негативное отношение к цифровизации, тогда как в диффузных группах таких ответов не зафиксировано.

ВЫВОДЫ

Обобщая теоретический и эмпирический материал исследования, можно сделать следующие **выводы**:

1. *Соотношение* этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции определяется как индивидуальными, так и социокультурными факторами. В условиях приграничных регионов России и Казахстана, где происходит активное межэтническое взаимодействие, данное соотношение приобретает особую значимость. Этническая идентичность выступает ключевым элементом Я-концепции, определяя не только чувство принадлежности, но и степень открытости к другим этническим группам. Ценности как культурно обусловленные регуляторы поведения отражают процессы адаптации и самоопределения личности в изменяющемся социальном контексте. Социальная дистанция, в свою очередь, позволяет выявить степень межгрупповой включенности или отчужденности, выступая индикатором этнических установок и межэтнической толерантности. Таким образом, теоретический анализ подтверждает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к изучению этнической идентичности, ценностей и социальной дистанции, учитывающего влияние территориальных, историко-культурных и этнопсихологических факторов, особенно в условиях полиэтнического приграничного пространства.

2. *Соотношение* этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов обусловлено типом проживания и этнической принадлежностью.

3. В ходе исследования установлены как сходство, так и различия в выраженности типов этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции, что составляет определенное *соотношение* перечисленных социально-психологических явлений у русских и казахов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана. Позитивная этническая идентичность преобладает у представителей обеих этнических

групп, однако выраженность других типов этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции варьируется в зависимости от этнической принадлежности и типа проживания (компактное или диффузное). Несмотря на то, что показатели ценности безопасности выше в диффузных группах, чем в компактных, данный тип ценностей сохраняет высокую значимость для всех респондентов вне зависимости от типа проживания и этнической принадлежности, что указывает на ее универсальный характер в системе ценностных ориентаций.

4. При исследовании *соотношения* ценностных ориентаций русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана, установлено, что русские, преимущественно при компактном проживании, демонстрируют более высокую выраженность ценностей конформности, традиций, доброты и особенно универсализма; казахи в большей степени ориентированы на самостоятельность, достижения и безопасность, особенно при диффузном проживании.

5. Выявлены значимые особенности этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов в зависимости от типа проживания. Компактное и диффузное проживание этнических групп по-разному влияет на структуру этнической идентичности, уровень социальной дистанции и систему ценностей. В диффузных группах усиливается этнофанатизм и социальная дистанция, что может отражать потребность в защите идентичности. В компактных сообществах ярче выражены этноэгоизм и этноизоляционизм, что связано со стремлением к этнокультурному самосохранению. Тип проживания при этом определяет не только характер идентичности, но и ценностные ориентации: компактные группы ориентированы на традиции, доброту и достижения, а диффузные – на самостоятельность и безопасность.

6. Тип проживания является значимым фактором регуляции социальной дистанции: в диффузной среде возрастает дистанцирование. Степень психологической близости (показатель социальной дистанции) выше

в компактных группах. Данный факт может быть следствием возникающего чувства доверия, когда человек социализируется преимущественно в контексте своей культуры, но при этом в условиях компактного проживания преобладает чувство превосходства своего этноса над представителями другого этноса.

7. Корреляционный анализ показал, что тип проживания является ключевым фактором, определяющим взаимосвязь этнической идентичности, ценностей и социальной дистанции. Выявлено, что этнофанатизм и этноизоляционизм способствуют увеличению социальной дистанции, в то время как этноиндифферентность и позитивная идентичность уменьшают ее. Также установлены значимые связи между типами этнической идентичности и ценностями: этноизоляционизм связан с ориентацией на традиции, конформность и универсализм; этноиндифферентность – с их снижением.

8. Фактор этнической принадлежности объясняет выраженность этноиндифферентности у казахов из России. Отмечен факт размывания этнической идентичности у казахов, которое выражается в неопределенности этнической принадлежности или неактуальности этничности. Вместе с тем установлено, что этническая принадлежность влияет на выраженность конформности и универсализма в России у русских.

9. Опрос показал, что люди более терпимы к представителям других этнических групп, если существует коллективная угроза здоровью.

10. Анализ взаимосвязи этнической идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции у русских и казахов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана, позволил определить социально-психологические характеристики личности, которые зависят от типа проживания (компактного или диффузного). Для компактно проживающей в этнической среде личности характерна этноцентричная ориентация с акцентом на сохранение культурной преемственности и традиционных ценностей. Принадлежность к этнической группе воспринимается как устойчивый идентификационный ресурс, опирающийся

на территориальную близость, обычаи и достижения. Личность при этом демонстрирует конформное поведение, стремление к социальной стабильности. В межэтническом взаимодействии проявляется тенденция к сохранению нейтральных установок по отношению к представителям других этносов. При условиях диффузного проживания личность формируется в условиях постоянного межэтнического взаимодействия и характеризуется стремлением к самоопределению и самостоятельности. Этническая идентичность при этом может носить как позитивный, так и фанатичный характер, что отражает разнообразие стратегий этнического самовыражения в гетерогенной социальной среде. Ценностные ориентации нацелены в этом случае на личную безопасность, независимость. Преобладает социальное дистанцирование. Личность при данных условиях стремится к сохранению внутренней автономии.

11. Сравнительный анализ этнической идентичности русских и казахов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана, подтвердил сформулированные гипотезы о том, что *соотношение* этнической идентичности определяется как типом проживания (компактным или диффузным), так и этнической принадлежностью в конкретной этнокультурной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании было изучено соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана. Несмотря на длительное историческое сотрудничество двух этносов, остается актуальным исследование социально-психологических характеристик данных этнических групп и условий, их обуславливающих, а также того, как данные характеристики влияют на качество жизни и межэтнические отношения.

В соответствии с целью и задачами данной работы в теоретической части были раскрыты социально-психологические характеристики этнической идентичности, ценностных ориентаций, социальной дистанции, рассмотрен исторический аспект исследования данных социально-психологических явлений.

Так, обобщая теоретический материал, можно сделать вывод о том, что тип этнической идентичности, ценностные ориентации и социальная дистанция, являясь частью групповой психики, детерминированы социокультурными факторами и фактором проживания. Они определяют качество взаимодействия с другими общностями, интеграцию или обособление.

Для реализации эмпирических задач было решено выявить сходство и различия в типах этнической идентичности, ценностных ориентациях и социальной дистанции русских и казахов, а также определить факторы, обуславливающие различия. В связи с этим было проведено эмпирическое исследование с использованием количественного и качественного анализа результатов.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить особенности соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции у представителей двух крупнейших

этнических групп, проживающих в приграничных областях России и Казахстана, – русских и казахов – в зависимости от типа проживания (компактного и диффузного) и этнической принадлежности в определенной этнокультурной среде.

Результаты исследования подтвердили основную гипотезу о наличии сходств и различий в соотношении этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции в зависимости от этнической принадлежности и условий проживания. Анализ данных продемонстрировал, что тип проживания оказывает значимое влияние на выраженность различных типов этнической идентичности, уровень социальной дистанции и ценностные ориентации, при этом фактор этнической принадлежности в определенной этнокультурной среде также вносит вклад в данные различия.

Установлено, что тип этнической идентичности, система ценностных ориентаций и уровень социальной дистанции являются взаимосвязанными компонентами групповой психики и формируются под влиянием двух ключевых факторов: типа проживания (компактного или диффузного) и этнической принадлежности в определенной этнокультурной среде.

У обеих этнических групп доминирует позитивная этническая идентичность, однако вариации в выраженности других типов идентичности, ценностных ориентаций и уровня социальной дистанции свидетельствуют о влиянии как этнической принадлежности, так и характера условий проживания. Ценность безопасности имеет универсальный характер несмотря на более высокие показатели в диффузных группах.

Компактное и диффузное размещение этнических групп оказывает различное влияние на структуру этнической идентичности, доминирующие ценности и уровень социальной дистанции. В диффузных группах более выражены этнофанатизм и высокая социальная дистанция, что отражает стремление к защите этнической идентичности. В компактных группах преобладают этноэгоизм и этноизоляционизм, связанные с потребностью в этнокультурном самосохранении. При этом степень психологической

близости (социальной дистанции) выше в компактных сообществах, что может быть связано с более высоким уровнем доверия в условиях преимущественно моноэтнической социализации. Однако в этих же группах чаще фиксируется чувство превосходства по отношению к другим этносам.

Установлено, что тип проживания обуславливает как тип этнической идентичности, так и ценностные ориентации: компактные группы ориентированы на традиции, достижения и доброту; диффузные – на самостоятельность и безопасность.

Корреляционный анализ подтвердил наличие устойчивых взаимосвязей: этнофанатизм и этноизоляционизм способствуют увеличению социальной дистанции, тогда как этноиндифферентность и позитивная идентичность связаны с ее снижением. Этноизоляционизм положительно коррелирует с ориентацией на традиции, универсализм и конформность, в то время как этноиндифферентность – с их снижением.

Фактор этнической принадлежности также влияет на специфику идентичности и ценностей. У казахов из России отмечена выраженность этноиндифферентности, что указывает на процессы размывания этнической идентичности. У русских в России выявлена связь этнической принадлежности с ориентацией на конформность и универсализм.

В ходе анкетирования установлено, что в условиях угрозы здоровью (пандемия) большинство респондентов продемонстрировали сохранение межэтнической терпимости, что свидетельствует о стабильности ценностных установок несмотря на стрессовые обстоятельства.

Анализ взаимосвязи этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции позволил определить социально-психологические характеристики личности, которые формируются под влиянием типа проживания.

Научно-практическое значение работы заключается в выявлении психологических механизмов этнической идентичности, ее связи с ценностями и социальной дистанцией с учетом конкретного

социокультурного контекста приграничных территорий России и Казахстана. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ по гармонизации отношений между представителями разных этносов, формированию позитивной этнической идентичности и сокращению социальной дистанции.

Результаты проведенного исследования имеют прикладной потенциал. Они могут быть использованы в социальной и профессиональной практике. Выявление особенностей соотношения этнической идентичности, ценностей и социальной дистанции у русских и казахов в будущем позволит:

- разрабатывать и реализовывать программы по гармонизации межэтнических отношений в полиэтничных регионах, особенно в условиях приграничного взаимодействия;
- учитывать специфику этнопсихологических и ценностных установок при организации образовательного процесса, формировании межкультурной компетентности учащихся и студентов;
- использовать социально-психологические характеристики личности в практике психологического консультирования, при профилактике этнической напряженности и работе с проявлениями социальной отчужденности;
- применять полученные данные при разработке региональных программ в области социальной политики, направленных на поддержку позитивной этнической идентичности и снижение социальной дистанции между этническими группами;
- разрабатывать информационные и просветительские стратегии в сфере СМИ и массовой коммуникации, способствующие формированию толерантного отношения к культурному многообразию.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в углубленном анализе влияния уровня образования и цифровой включенности на формирование этнической идентичности и ценностных ориентаций, а также в сравнении данных с показателями других полиэтничных регионов

постсоветского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аймаганбетова, О. Х. Феномен толерантности/интолерантности как отражение радикалистских тенденций в условиях казахстанского общества / О. Х. Аймаганбетова, Е. Лашкова, Э. Т. Адилова, З. М. Садвакасова, Н. М. Садыкова // Вестник КазНУ. Серия психология и социология. – 2022. – № 3 (82). – С. 13–27.
2. Аймаганбетова, О. Х. Из опыта прикладного исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи / О. Х. Аймаганбетова, Л. С. Альжанова // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2011. – № 4 (39). – С. 3–6.
3. Акимова, М.О., Кузина, Д.В. Идентичность как предмет психологического исследования / М.О. Акимова, Д.В. Кузина // Вестник Казанского государственного университета. – 2020. – № 2. – С. 25–31.
4. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1968. – 339 с.
5. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 382 с.
6. Анциферова, И.В., Анциферова, Н.Г. Формирование позитивной этнической идентичности в моноэтничном регионе / И.В. Анциферова, Н.Г. Анциферова // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. – 2020. – Том 45, № 2. – С. 237–246.
7. Арутюнян, Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 42–49.
8. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998. – 270 с.
9. Бабинцев, В.П., Тарабаева, В.Б. Ценности жителей Белгородской области как приграничного региона России / В.П. Бабинцев, В.Б. Тарабаева //

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2014. – № 9. – С. 37–43.

10. Белинская, Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е. П. Белинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. — 2018. — Т. 8, вып. 1. — С. 6–15.

11. Берн, Ш. Гендерная психология: законы мужского и женского поведения / Шон Берн [пер.: С. Рысев и др.]. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 318 с.

12. Бзезян, А.А. Лукизм и этническая дискриминация / А.А. Бзезян // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – № 10/3. – С. 21–23.

13. Бзезян, А.А., Лабунская, В.А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия / А.А. Бзезян, В.А. Лабунская // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Четвертой Международной научной конференции 30-31 мая 2014 г. В 2 т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014. – Т. 1. – С. 50–55.

14. Бублик, М.М. Психосемантическое пространство этнической идентичности молодежи: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Бублик М.М. – СПб, 2014. – 28 с.

15. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – С. 191–206.

16. Галяпина, Е.В. Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов / Е.В. Галяпина // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 25–39.

17. Гейнс, С.О., Банс, Д., Робертсон, Т., Райт, Б. Оценка психометрических свойств мультигрупповой меры этнической идентичности

(MEIM). – 2010. – Электронный ресурс. URL: https://www.researchgate.net/publication/49402748_Evaluating_the_Psychometric_Properties_of_the_Multigroup_Ethnic_Identity_Measure_MEIM_within_the_United_Kingdom doi: 10.1080/15283481003676176

18. Горбунова, А.А. Социологическое измерение процессов этнической идентификации (по материалам исследований в приграничных регионах Российской Федерации): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Горбунова А.А. – Хабаровск, 2017. – 22 с.

19. Горбунова, А.А., Максимова, С.Г., Попова, А.И. Модель этнической идентичности населения приграничных регионов России / А.А. Горбунова, С.Г. Максимова, А.И. Попова // Социология безопасности. – 2018. – №2. – С. 40–53.

20. Гриценко, В.В., Остапенко, Л.В., Субботина, И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты / В.В. Гриценко, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина // Социальная психология и общество. – 2020. – Том 11. – № 4. – С. 165–181.

21. Гриценко, В.В., Резник, А.Д., Константинов, В.В., Маринова, Т.Ю., Хоменко, Н.В., Израйловиц, Р. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности / В.В. Гриценко, А.Д. Резник, В.В. Константинов, Т.Ю. Маринова, Н.В. Хоменко, Р. Израйловиц // Клиническая и специальная психология. – 2020. – Том 9. – № 2. – С. 99–118.

22. Дерендяева, А.Д. Феномен локальных идентичностей: этническая деревня или пересечение культур? (на примере сельских территорий Алтайского края) / А.Д. Дерендяева // Социология и социальные институты. – 2024. – Т. 6. – № 1. – С. 47–61.

23. Джakupов, С.М. Этнопсихологические исследования этнических

предубеждений / С.М. Джакупов // В кн.: Развитие психолого-педагогической мысли в республиках Центральной Азии: материалы II научно-теоретической конференции. – Алматы: КазНУ, 2002. – С. 3–6.

24. Джакупов, С. М. Становление экспериментальной этнопсихологии в Казахстане / С. М. Жакупов, З. Б. Мадалиева // Экспериментальная психология. – 2009. – Т. 2, № 2. – С. 128–135.

25. Донцов, А.И. Социальная психология личности и межличностных отношений: учебное пособие / А.И. Донцов, Е.Б. Перелыгина. – М.: Академический проект, 2013. – 304 с.

26. Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. – С. 10–29.

27. Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева. – М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.

28. Дробижева, Л.М. Межэтническая толерантность и дистанция в регионах России / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 36–45.

29. Дробижева, Л.М. Этническая идентичность и социальная дистанция в полиэтничных и моноэтнических сообществах / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 52–60.

30. Дробижева, Л. М. «Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения» / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37–50.

31. Дуанаева, С.Е., Шоманбаева, А.О., Ешенкулова, Д.Б. Структура этнической идентичности личности студенческой молодежи в условиях полиэтнического окружения / С.Е. Дуанаева, А.О. Шоманбаева, Д.Б. Ешенкулова // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Психология». – 2020. – №3(65). – С. 112–118.

32. Дыня, А.О., Струк, Е.Н. Исследовательская традиция изучения феномена социальной дистанции в социальном знании / А.О. Дыня, Е.Н. Струк // Социальная компетентность. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 83–94.
33. Евгеньева, Т.В. Психология массовой политической коммуникации: учебник и практикум для вузов / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 250 с.
34. Елишев, С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» / С.О. Елишев // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2010. – №3. – С.74–91.
35. Жаманбалаева, Ш.Е. Этническая идентичность и культурные ориентации молодежи в полиэтничном обществе (на примере Казахстана) / С.Ж. Жаманбалаева // Вестник КазНУ. Серия психологическая. – 2019. – № 2 (71). – С. 25–32.
36. Жаманкулова, Ж.А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность казахстанской молодежи / Ж.А. Жаманкулова // Вестник КазНУ. Серия «Социологические науки». – 2020. – №2(69). – С. 35–44.
37. Жубаназарова, Н. С., Хадрова, Ш. Б., Лиясова, А. А., Нареге, Г. Социально-психологические компоненты межгрупповой толерантности // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия «Психология». — 2020. — № 1 (62). — С. 119–127.
38. Журавлев, А.Л. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19: монография / А.Л. Журавлев, Е.А. Сергеева, Л.А. Цветкова и др. – М.: ИП РАН, 2021. – 296 с.
39. Захарова, О.В. Социальная идентификация и социальная идентичность в изменяющемся обществе: учеб.-метод. пособие / О.В. Захарова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 95 с.
40. Здравомыслов, А.Г. Социальная структура: проблемы социальной стратификации, мобильности и идентичности / А.Г. Здравомыслов. – М.:

Academia, 2002.

41. Злоказов, К.В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 9. – С. 155–161.

42. Зотова, О.И., Бобнева, М.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения / О.И. Зотова, М.И. Бобнева // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – С. 241–255.

43. Иванова, Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности / Н.Л. Иванова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 4. – С. 14–38.

44. Иванова, Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Иванова Л.Н. – Ярославль, 2003. – 408 с.

45. Иванова, Н.Л. Социальная идентичность: теория и практика / Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 453 с.

46. Иванова, Н.Л. Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования / Н.В. Иванова // Журнал этнологии и культурологии. – 2006. – № 1. – С. 259–267.

47. Игнатова, А.Н. Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности на Северном Кавказе / А.Н. Игнатова // Наука. Культура. Общество. – 2021. – № 3. – С. 63–73.

48. Калиев, А.К. Менталитет казахского народа: этнопсихологический подход / А.К. Калиев. – Алматы: Қазақуниверситеті, 2010. – С. 72-79

49. Калиев, А.К. Традиционная культура и этнопсихология казахов / А.К. Калиев. – Алматы: Институт философии и политологии, 2013. – С. 102-110

50. Караваева, Л.П. Психология межкультурного взаимодействия /

Л.П. Караева // Вестник РГГУ. Серия «Психология». – 2011. – № 11. – С. 142–150.

51. Карнышева, О.А. Личностные ресурсы проявления этнических идентичности и самосознания (сибирский фронт): специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Карнышева О.А. – Иркутск, 2019. – 183 с.

52. Кенъон, Д.Б., Картер, Дж.С. Этническая идентичность, чувство общности и психологическое благополучие среди молодежи американских индейцев с северных равнин // J. Commun. Psychol. – 2011. – 39. – PP. 1–9.

53. Кисляков, П.А. Ценностные установки россиян в условиях социокультурной трансформации общества / П. А. Кисляков, А. А. Корчагина, О. А. Мерзлякова, Е. В. Пасечник // Научный поиск: личность, образование, культура. – 2022. – № 1(43). – С. 33-35.

54. Константинов, В.В. Системно-динамический подход к социально-психологической адаптации мигрантов / В.В. Константинов // Человеческий капитал. – 2018. – № 4 (112). – С.49–62.

55. Константинов, В.В. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания / В.В. Константинов // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 2. – С. 16–21.

56. Лапин, Н.И. Проблема ценностей в исследовании В.А. Ядова и его коллег / Н.И. Лапин // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 3. – С. 82–93.

57. Лапшина, Т.В., Константинов, В.В. Отношение к мигрантам представителей принимающего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов / Т.В. Лапшина, В.В. Константинов // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Т. 4. – № 4. – Электронный ресурс. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN416.pdf>

58. Ларина, Т.В., Эслами, З.Р., Пашмфоруш, Р. Идентичность,

вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире / Т.В. Ларина, З.Р. Эслами, Р. Пашмфоруш // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 7–38.

59. Лебедева, Н.М. Этнопсихология: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.М. Лебедева. – М: Издательство Юрайт, 2019. – 491 с.

60. Лебедева, Н.М., Лепшокова, З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности представителей разных народов России: роль базовых ценностей / Н.М. Лебедева, З.Х. Лепшокова // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. – Гл. 4. – С. 49–66.

61. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. Адаптация русских и межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. – 368 с.

62. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. Культурные ценности, идентичность и социальная дистанция в многоэтнических обществах / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: РУДН, 2012. – 224 с.

63. Лебедева, Н. М. Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры / Н. М. Лебедева // Культурно-историческая психология. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 16–24.

64. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. Этническая идентичность, ценности и адаптация в поликультурной среде / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: РУДН, 2011. – 296 с.

65. Левада, Ю.А. Очерки по социологии / Ю.А. Левада. – М.: МГУ, 2006. – 384 с.

66. Левин, К. Теория поля в социальных науках – Feldtheorie in den Sozialwissenschaften / К. Левин; ред. К.Ф. Грауманн. – Штутгарт: Klett-Cotta, 1980–2012. – В 4 т.

67. Лежнева, В.П. Социальная идентичность как феномен: структура, уровни, процесс формирования / В.П. Лежнева // Научно-методический

электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 2341–2345.

68. Леонтьев, А.А. Знак и деятельность / А.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1975. – №10. – С.118–125.

69. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

70. Леонтьев, Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. – Электронный ресурс. URL: <https://hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-gruppovom-soznanii-vidy-determinanty>

71. Максимова, С.Г., Морковкина, А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России / С.Г. Максимова, А.Г. Морковкина // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 347–358.

72. Максимова, С.Г., Омельченко, Д.А., Ноянзина, О.Е., Максимов, М.Б. Религиозная идентичность, религиозные практики и духовность населения азиатского приграничья России / С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина, М.Б. Максимов // Социология и социальные институты. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 116–132.

73. Марсова, В.В. Концепт «социальная дистанция» в социально-гуманитарных науках: история развития и перспективы изучения / В.В. Марсова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Психологические науки. Психология личности. – 2015. – № 2 [32]. – С. 175–179.

74. Менлибаева, Г.М. Этническая идентичность в структуре социальной идентичности в полиэтническом обществе / Г.М. Менлибаева // Вестник Евразийского национального университета. Серия «Философия. Культурология. Политология». – 2018. – №1. – С. 58–64.

75. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А.В. Микляева [и др.]. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 118 с.

76. Молинер, П. Теория социальных представлений Сержа Московичи: история, постулаты и распространение / П. Молинер, И.Б. Бовина // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 542–553.

77. Московичи, С. Социальные представления / С. Московичи; ред. Ж. Дювен. – М.: Институт психологии РАН, 2000. – 319 с. (Оригинал: Moscovici, S. Social Representations: Explorations in Social Psychology)

78. Мусаханова, Г.М., Калыбекова, А.А., Полатова, С.Д., Лекерова, Г.Ж., Кистаубаева, Д.М., Азизханова, Д.К. Ethno-cultural education in Kazakhstan, civic values and self-identity: Findings from a survey of undergraduates / Г.М. Мусаханова и др. // Cypriot Journal of Educational Sciences. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 556–577.

79. Олпорт, Г.У. Природа предубеждений / пер. с англ. / Г.У. Олпорт. – М.: Юнити, 2002. – 528 с.

80. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – Изд. 2. – М.: 2002. – 880 с.

81. Парсонс, Т. Структура социальной активности – Essays in Sociological Theory / Т. Парсонс; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Юникс, 2015. – 460 с.

82. Петренко, В.Ф., Алиева, А.А. Исследования этнических стереотипов с использованием «множественных идентификаций» / В.Ф. Петренко, А.А. Алиева // Психологический журнал. – 1987. – № 6. – 46–54.

83. Пилюгина, Е.И. Взгляды Л.С. Выготского на проблему психологического диагноза / Е.И. Пилюгина // Молодой ученый. – 2016. – № 27.1 (131.1). – С. 3–6.

84. Пименова, О.И. Понятие социальной идентичности в системе социологических категорий / О.И. Пименова // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19-20

марта 2015 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: 2015. – С. 457–466.

85. Полежаев, П.Л. Социальная идентичность: учеб. пособие / П.Л. Полежаев; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2022. – 100 с.

86. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е дополненное и исправленное / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – 236 с.

87. Почебут, Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие для вузов / Л.Г. Почебут. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 279 с.

88. Почебут, Л.Г. Социальная дистанция как показатель межэтнических установок личности / Л.Г. Почебут // Социальная психология: хрестоматия / под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой. – СПб.: Питер, 2001. – С. 242–250.

89. Почебут, Л. Г. Ассертивность и толерантность в межкультурном взаимодействии / Л. Г. Почебут, Д. С. Безносков // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 8–19.

90. Почебут, Л.Г., Иванов, А.В. Социальная дистанция как индикатор этнической толерантности и конфликтности / Л.Г. Почебут, А.А. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2006. – № 2. – С. 15–23.

91. Почебут, Л.Г., Кудрявцева, Е.А. Социальная дистанция и доверие в межгрупповых отношениях / Л.Г. Почебут, Е.А. Кудрявцева // Социальная психология и общество. – 2010. – № 4. – С. 33–47.

92. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебное пособие / Л. Г. Почебут. – СПб. : Питер, 2012. – 336 с.

93. Рахымбекова, Т.Р. Межэтнические отношения и социальная идентичность: социокультурный анализ / Т.Р. Рахымбекова. – Алматы: Изд-во КазНПУ им. Абая, 2021. – 198 с.

94. Риккерт, Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С. 363–391.

95. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич; пер. с

англ. – М.: Академический проект, 2000. – 320 с.

96. Рягузова, Е. В. Разрывы связей в репрезентациях взаимодействия «Я – Другой» как предиктор экстремистского поведения / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 78–84.

97. Саткангулова, Г.Ж., Константинов, В.В. Влияние типа проживания на социально-психологические особенности этнической идентичности жителей приграничных регионов / Г.Ж. Саткангулова, В.В. Константинов // Обзор педагогических исследований. – 2024. – Том 6. – № 5. – С. 20–26.

98. Саткангулова, Г.Ж., Константинов, В.В. Исследование социальной дистанции жителей приграничных регионов России и Казахстана / Г.Ж. Саткангулова, В.В. Константинов // Научное мнение. – 2024. – № 7–8. – С. 158–163.

99. Саткангулова, Г.Ж., Константинов, В.В. Исследование социально-психологических особенностей этнической идентичности жителей приграничных регионов России и Казахстана / Г.Ж. Саткангулова, В.В. Константинов // Человеческий капитал. – 2024. – № 8(188). – С. 155–161.

100. Синельников, В.М., Богрова, К.Б. К проблеме этнической идентичности в условиях украинско-русского билингвизма. – Электронный ресурс. URL: <https://s.esrae.ru/fund-issled-intern/pdf/2014/3/35.pdf>

101. Собчик, Л.Н. Психология индивидуальности: Теория и практика психодиагностики / Л.Н. Собчик. – М.: Академический проект, 2003. – 384 с.

102. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

103. Солдатова, Г. У. Практическая психология толерантности / Г. У. Солдатова // Тетради Международного университета в Москве : сб. науч. тр. – 2005. – С. 193–205. – Вып. 224.

104. Солдатова, Г.У. Этническая идентичность личности: психологические механизмы формирования и проявления / Г.У. Солдатова //

Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 2. – С. 53–65.

105. Солдатова, Г.У., Рыбакова, И.Ю. Межэтнические установки школьников в полиэтнической и моноэтнической среде / Г.У. Солдатова, И.Ю. Рыбакова // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 70–80.

106. Солдатова Г., Шайгерова Л. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования (электронный журнал). — 2015. — Т. 8, № 40.

107. Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 2 (6). — С. 15-24.

108. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика = Social&Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems... / П.А. Сорокин; пер. с англ. В.В. Сапова. – СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 2000. – 1054 с.

109. Ставропольский, Ю.В. «Минимальная групповая парадигма» в теории социальной идентичности Генри Тэджфела / Ю.В. Ставропольский // Общество: социология, психология, педагогика. – 2011. – № 3–4. – Электронный ресурс. URL: <https://disk.yandex.ru/i/tpR0UmCvNtVIfw>

110. Стефаненко, Т.Г. Межкультурные исследования: теория и методология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 224 с.

111. Стефаненко, Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т.Г. Стефаненко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2009. – № 2. – С. 3–17.

112. Стефаненко, Т.Г. Этническая идентичность: содержание, структура, механизмы формирования / Т.Г. Стефаненко // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2005. – № 3. – С. 12–27.

113. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии /

Т.Г. Стефаненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 224 с.

114. Стефаненко, Т.Г., Крысько, В.Г. Межэтнические отношения. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 208 с.

115. Строкова, С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии / С.С. Строкова // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 3. – С. 8–22.

116. Султаниязова, Н.Ж., Кинжекова, Р.С. Анализ средних показателей этнической идентичности русских и казахов / Н.Ж. Султаниязова, Р.С. Кинжекова // Человеческий капитал. – 2023. – № 12–1 (180). – С. 315–320.

117. Суховой, А.Ю. Межэтническая интеграция в приграничных регионах России и Казахстана / А.Ю. Суховой // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 137–144.

118. Таджибаева, Г.Б. Этническая толерантность и социальная дистанция: психологические аспекты в полиэтнической среде Казахстана / Г.Б. Таджибаева // Психология. Журнал ВШЭ. – 2018. – №3. – С. 79–94.

119. Таджфел, А. Человек и группы: Социально-психологическое исследование / А. Таджфел; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 412 с.

120. Татарко, А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: специальность 19.00.05 «Социальная психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Татарко А.Н. – М., 2004. – 24 с.

121. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии: Учебно-методическое пособие / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. – Москва, 2011. – 22 с.

122. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. Психология межэтнических отношений. Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. М.: «LAP Lambert Academic Publishing», 2010. – 200 с.

123. Тулынина, А.Ю. Современные проблемы социальной идентичности личности / А.Ю. Тулынина // Известия ТРТУ. – 2006. – № 11 (66). – С. 225–228.

124. Турсунгожинова, Г. С. Психологические особенности людей, проживающих на территории бывшего Семипалатинского ядерного полигона : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Г. С. Турсунгожинова. – Алматы : [б. и.], 2009. – 24 с. – 150 экз. – [б. ц.].

125. Федотова, В.А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран / В.А. Федотова // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 139–153.

126. Финни, Дж.С. Этническая идентичность у подростков и взрослых: обзор исследований / Дж.С. Финни // Психологический вестник. – 1990. – № 108 (3). – С. 499–514.

127. Хогг, М.А., Абрамс, Д. Социальные идентификации: социальная психология межгрупповых отношений и групповых процессов / М.А. Хогг, Д. Абрамс. – Лондон: Рутледж, 1988. – 304 с.

128. Хотинец, В.Ю. Психология межэтнических отношений / В.Ю. Хотинец. – Калуга: КГУ, 2006. – 180 с.

129. Хотинец, В.Ю. Формирование этнической идентичности личности в поликультурной среде / В.Ю. Хотинец // Вестник Южного федерального университета. Серия: Психология. – 2007. – № 4. – С. 28–35.

130. Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А. Этнический образ мира: свои и другие: Учебное пособие. Москва: НИЦ ИНФА-М, 2021. 213 с.

131. Хотинец, В.Ю. Этническая идентичность и толерантность / В.Ю. Хотинец. – Екатеринбург, 2002. – 124 с.

132. Хотинец, В.Ю. Этническая идентичность и толерантность: учеб. пособие для вузов / В.Ю. Хотинец. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 121 с.

133. Хотинец, В.Ю. Этническая идентичность: структура и динамика

формирования / В.Ю. Хотинец // Вестник Калужского государственного университета. – 2004. – № 1. – С. 35–42.

134. Чешко, С.В. Этничность в политике и культуре / С.В. Чешко. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 260 с.

135. Шамионов, Р.М., Султаниязова, Н.Ж. Ценности и отношение к этнической культуре и традициям, как предикторы субъективного благополучия русских и казахов / Р.М. Шамионов, Н.Ж. Султаниязова // Российский психологический журнал. – 2018. – Т.15. – №1. – С.157–186. doi: 10.21702/rpj.2018.1.8

136. Шайхисламов, Р.Б., Максимова, С.Г., Суртаева, О.В., Омельченко, Д.А. Социальная дистанция как фактор формирования межэтнических установок молодежи Алтайского края / Р.Б. Шайхисламов, С.Г. Максимова, О.В. Суртаева, Д.А. Омельченко // Society and Security Insights. – 2020. – № 4. – С.15–31.

137. Шалгинбаева, С.Х. Психологические особенности этнической идентичности казахов и русских в условиях полиэтнического города / С.Х. Шалгинбаева // E-history.kz. – 2020. – С. 55-61

138. Шаповалова, И.С., Заводян, И.С., Валиева, И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян, И.Н. Валиева // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – Т. 7. – № 1.

139. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Ш. Шварц // Журнал высшей школы экономики. Психология. – 2008. – Т. 5. – № 2. – С. 37–67.

140. Шварц, Ш. Универсальные ценности: перспективы и подходы / Ш. Шварц // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 4. – С. 21–33.

141. Шоманбаева, А.О., Дуанаева, С.Е., Ешенкулова, Д.Б. Изучение этнической идентичности студенческой молодежи в условиях полиэтнического окружения (Шымкент) / А.О. Шоманбаева, С.Е. Дуанаева, Д.Б. Ешенкулова // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. –

2021. – Т. 62. – № 1. – С. 119–126.

142. Эриксон, Э.Х. Идентичность и цикл жизни: избранные работы / Э. Х. Эриксон. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Питер, 2023. – 208 с.

143. Юрьев, А.В. Социальная дистанция как показатель межэтнических отношений в полиэтнических регионах Казахстана / А.В. Юрьев // Вестник КГУ. – 2017. – № 4. – С. 55–63.

144. Ядов, В.А. Социальная идентичность в структуре ценностно-нормативной регуляции поведения // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 3–12.

145. Ядов, В.А. Социология Ядова: методологический разговор / избранные труды В.А. Ядова; ред.-сост. Е.Н. Данилова и др. – М.: Новый Хронограф, 2018. – 944 с.

146. Ядов, В.А. Стратегия жизненного мира: Очерки по социальной теории / В.А. Ядов. – М.: Academia, 2000. – 387 с.

147. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М.: Дело, 2003. – 608 с.

148. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – 3-е изд., испр. – М.: ОмегаЛ, 2007. – 567 с.

149. Ядов, В.А. Ценностно-нормативная регуляция социального поведения / В.А. Ядов // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5–16.

150. Ядов, В.А., Здравомыслов, А.Г. Человек и его работа в СССР и после: Очерки социальной адаптации / В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов. – М.: Academia, 2003. – 240 с.

151. Aitzhanova, Zh. Ethnic tolerance among youth in multicultural Kazakhstan // Central Asia Monitor. – 2018. – No. 4. – P.P. - 32-38

152. Allport, G.W. The Nature of Prejudice – 25th Anniversary Ed. / Gordon W. Allport; with new intro. by Kenneth B. Clark and preface by Thomas

F. Pettigrew. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. – 576 p.

153. Åslund, A. Responses to the COVID-19 crisis in Russia, Ukraine, and Belarus // *Eurasian Geography and Economics*. – 2020. – № 61 (4-5). – PP. 1–14. doi: 10.1080/15387216.2020.1778499

154. Barth, F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. – Long Grove, IL: Waveland Press, 1998 (1st ed. 1969). – 153 p.

155. Beechey, H. How Beijing Is Redefining What It Means to Be Chinese, from Xinjiang to Inner Mongolia // *Time Magazine*. – 2021. – Electronic resource. URL: <https://www.yahoo.com/news/beijing-redefining-means-chinese-xinjiang-070047269.html>

156. Benedictis, L., Rondinelli, R., Vinciotti, V. Cultures as networks of cultural traits: A unifying framework for measuring culture and cultural distances // *arXiv preprint*, 2020. – Electronic resource. URL: <https://arxiv.org/pdf/2007.02359>

157. Berry, J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46. – № 1. – PP. 5–34.

158. Berry, J.W., Kim, U., Minde, T., Mok, D. Comparative Studies of Acculturative Stress // *International Migration Review*. – 1987. – Vol. 21. – № 3. – PP. 491–511.

159. Billig, M. Place Identity Strategies at University Constructed by Minority Arab-Israeli Student Groups. – *Front. Psychol.* – 2021. – 12:665042. – Electronic resource. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34326794/> doi: 10.3389/fpsyg.2021.665042

160. Bogardus, E.S. Measurement of Personal-Group Relations // *Sociometry*. – 1947. – Vol. 10. – № 4. – PP. 306–311.

161. Bogardus, E.S. Measuring Social Distances // *Journal of Applied Sociology*. – 1925. – Vol. 9. – PP. 299–308.

162. Bono, M., Schalk, J. van der, Manstead, A.S.R. The Roles of Social Value Orientation and Anticipated Emotions in Intergroup Resource Allocation Decisions // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – Electronic resource.

URL:

<https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2020.01455>
5/full doi: 10.3389/fpsyg.2020.01455

163. Brooks, J.E., Morrison, M.M. Stigma and Relationship Quality: The Relevance of Racial-Ethnic Worldview in Interracial Relationships in the United States. – *Front. Psychol.* – 2022. – 13:923019. – Electronic resource. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.923019>
19/full doi: 10.3389/fpsyg.2022.923019

164. Cokley, K. Critical issues in the measurement of ethnic and racial identity: a referendum on the state of the field. - *J. Counsel. Psychol.* – 2007. – Vol. 54. – PP. 224–234. doi: 10.1037/0022-0167.54.3.224

165. Demireva, N., Zwysen, W. Wellbeing in local areas: how trust, happiness, social distance and experience of discrimination differ in the perceived ethnic enclave // *European Sociological Review.* – 2022. – Vol. 24. – № 1. – PP. 83–102.

166. Firat, R.B., Hitlin, S., Elder, G.H. In- and out-groups across cultures: Identities and perceived group values // *Social Science Research.* – 2021. – Vol. 97. – Electronic resource. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34045009/> doi: 10.1016/j.ssresearch.2021.102569

167. Graves, C.W. Levels of Human Existence: An Open System Theory of Values. – Santa Barbara: ECLET Publishing, 2005. – 296 p. (репринт работ 1960–1970-х гг.)

168. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage., 2001.

169. Hofstede, G., Hofstede, G.J., Minkov, M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill., 2010. – 561 p.

170. Hofstede G., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind / Geert Hofstede, Michael Minkov. – 4-e izd. – New York: McGraw-Hill, 2020.

171. Houkamau, C.A., Sibley, C.G. Indigenous ethnic identity, in-group

warmth, and psychological wellbeing: A longitudinal study of Māori // *Current Psychology*. – 2021. – Vol. 40. – Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/350831737_Indigenous_ethnic_identity_in-group_warmth_and_psychological_wellbeing_A_longitudinal_study_of_Maori

172. Howell, A.N., Carleton, R.N., Horswill, S.C., Parkerson, H.A., Weeks, J.W., Asmundson, G.J. Intolerance of uncertainty moderates the relations among religiosity and motives for religion, depression, and social evaluation fears // *Journal of Clinical Psychology*. – 2019. – Vol. 75 (1). – PP. 95–115.

173. Konstantinov, V., Berdenova, S., Satkangulova, G., Reznik, A., Isralowitz, R. COVID-19 Impact on Kazakhstan University Student Fear, Mental Health, and Substance Use // *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020. – Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/346811513_COVID-19_Impact_on_Kazakhstan_University_Student_Fear_Mental_Health_and_Substance_Use doi:10.1007/s11469-020-00412-y

174. Lin, L., Shi, D., Snyder, L.A., Lee, T., Taylor, W.D. Structure and Measurement Invariance of Ethnic Identity for Native American College Students // *Frontiers of Psychology*. – 2019. – 10:1651. – Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/334305208_Structure_and_Measurement_Invariance_of_Ethnic_Identity_for_Native_American_College_Students doi: 10.3389/fpsyg.2019.01651.

175. Marcia, J.E. «Identity in adolescence,» in *Handbook of Adolescent Psychology*, ed J. Adelson (Wiley). – 1980. – PP.159–187.

176. Minar, S.J., Halim, A. The Rohingyas of Rakhine State: Social Evolution and History in the Light of Ethnic Nationalism // *arXivpreprint*. – 2021. – Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/352210385_The_Rohingyas_of_Rakhine_State_Social_Evolution_and_History_in_the_Light_of_Ethnic_Nationalism doi: 10.48550/arXiv.2106.02945

177. Minkov, M., Hofstede, G. Hofstede's Fifth Dimension: New Evidence From the World Values Survey // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2012. – Vol. 43 (1). – PP. 3–14.
178. Inglehart, R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 464 p.
179. Pochebut, L.G., Beznosov, D.S. Psychology of Social Distance Perception in Different Countries of the World: A View from Russia // *Vestnik RUDN. International relations*. – 2018. – Vol. 18 (1). – PP. 66–84.
180. Prilutskaya, M.V., Grijbovski, A.M. Eption of the state of emergency due to COVID-19 by medical students and staff in a Kazakhstani university // *Human Ecology*. – 2020. – Vol. 6. – PP. 4–12.
181. Phinney, J.S. Stages of ethnic identity development in minority group adolescents // *The Journal of Early Adolescence*. – 1989. – Vol. 9. – PP. 34–49. doi: 10.1177/0272431689091004
182. Phinney, J.S. The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Diverse Groups // *Journal of Adolescent Research*. – 1992. – Vol. 7. – № 2. – PP. 156–176.
183. Phinney, J.S., Horenczyk, G., Liebkind, K., Vedder, P. Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective // *Journal of Social Issues*. – 2001. – Vol. 57. – № 3. – PP. 493–510.
184. Phinney, J.S., Ong, A.D. Conceptualization and measurement of ethnic identity: current status and future directions // *Journal of Counseling Psychology*. – 2007. – Vol. 54. – PP. 271–281. doi: 10.1037/0022-0167.54.3.271
185. Pettigrew, T.F., Tropp, L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 90. – № 5. – PP. 751–783.
186. Rokeach, M. *The Nature of Human Values* / M. Rokeach. – New York; London: Free Press, 1973. – 438 p.
187. Saafir, A., Graham, S. *Perception Matters: The Influence of School*

Ethnic Racial Context on Ethnic Racial Identity Development for Black Adolescents // Behavioral Sciences. – 2024. – Vol. 14. – P. 872. doi: 10.3390/bs14100872

188. Schwartz, S.H. Basic Human Values: Theory, Methods, and Applications // Revue française de sociologie. – 2006. – Vol. 47. – PP. 929–968.

189. Schwartz, S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – PP. 1–65.

190. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 53. – № 3. PP. 550–562.

191. Schwartz, S.H., Cieciuch, J. Measuring the refined theory of individual values in 49 cultural groups: Psychometrics of the revised portrait value questionnaire // Assessment. – 2022. – Vol. 29. – Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/349058866_Measuring_the_Refined_Theory_of_Individual_Values_in_49_Cultural_Groups_Psychometrics_of_the_Revised_Portrait_Value_Questionnaire doi: 10.1177/1073191121998760

192. Sherif, M., Sherif, C.W. Groups in Harmony and Tension: An Integration of Studies on Intergroup Relations / Muzafer Sherif, Carolyn W. Sherif. – 2-е изд., reprint. – New York: Octagon Books, 1966. – 316 p.

193. Tajfel, H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 494 p.

194. Tajfel, H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology / Henri Tajfel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – XIII, 369 p.

195. Tajfel, H., Turner, J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology, 1986. – PP. 276–293.

196. Tran, A.G.T.T., Mintert, J.S., Jew, G.B. Parental ethnic-racial socialization and social attitudes among ethnic-racial minority and White American emerging adults // Am. J. Orthopsychiatry. – 2017. – Vol. 87. –

PP. 347–356. doi: 10.1037/ort0000204

197. Turner, J.C., Hogg, M.A., Oakes, P.J., Reicher, S.D., Wetherell, M.S. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. – Oxford: Blackwell, 1987. – 239 p.

198. Vedder, P., van de Vijver, F.J.R., Phinney, J.S. & Lewig, K. Cross-national study of ethnic minority adolescents in different acculturation contexts // International Journal of Intercultural Relations. – 2006. – Vol. 30. – № 1. – PP. 1–15.

199. Wang, J., Jackson, K., Eui Kyung Kim, Han, K. Exploring Chinese and Korean American Teachers' Perceptions of Their Cultural Identity as Assets and Barriers // Behavioral Sciences. – 2023. – Vol. 13. – P. 969. doi: 10.3390/bs13120969

200. Zotova O., Tarasova L., Solodukhina O., Belousova N. Specific Features of Ethnic Identity in the Regions with Varying Degrees of Ethnic Diversity // Behavioral Sciences. – 2020. – Vol. 10. – P. 13 doi:10.3390/bs10010013

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Анкета

Уважаемый респондент!

Предлагаем Вам принять участие в социально-психологическом исследовании этнической идентичности жителей приграничных регионов. Просим ответить Вас на все вопросы. Ответы будут анализироваться только в обобщенной форме и носить конфиденциальный характер. **Отвечая на каждый вопрос, выбирайте один вариант ответа (если в формулировке вопроса не указано иное).**

1. Укажите свою национальность

2. Ваш возраст?

3. Ваш пол

- А) мужской
- Б) женский

4. Регион (область) проживания.

5. Какие чувства вызывает у Вас Ваша этническая (национальная) принадлежность? Этническая принадлежность – это отождествление человеком себя с определенным народом.

Можно выбрать от 1 до 3-х ответов:

- А) чувство стыда;
- Б) чувство превосходства над представителями других этносов;
- В) чувство любви к своему этносу;
- Г) чувство безразличия к своему этносу;

- Д) чувство неполноценности из-за своей этнической принадлежности;
- Е) чувство гордости за свой этнос.

6. По каким признакам Вы отождествляете себя с людьми Вашей национальности?

Можно выбрать от 1 до 3-х ответов:

- А) физиогномические особенности (внешность);
- Б) язык общения;
- В) культура и общая история этноса;
- Г) территория проживания;
- Д) происхождение.

7. Согласны ли Вы, что представители каждой национальности должны жить на земле своих предков?

- А) полностью согласен;
- Б) согласен;
- В) затрудняюсь ответить;
- Г) не согласен;
- Д) совершенно не согласен.

8. Согласны ли Вы, что люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности?

- А) полностью согласен;
- Б) согласен;
- В) затрудняюсь ответить;
- Г) не согласен;
- Д) совершенно не согласен.

9. Выберите из предложенных суждений то, которое больше всего соответствует Вашему мнению. Один вариант ответа.

- А) для меня не имеет значение моя национальность и национальность окружающих;
- Б) я никогда не забываю о своей национальности;
- В) я помню о своей национальности в определенных ситуациях.

10. Каким образом влияет этническая принадлежность на Вашу жизнь?

Один вариант ответа.

А) моя этническая принадлежность помогает мне (в учебе, в общении, в карьере, в быту, в развитии и т.д.);

Б) моя этническая принадлежность мешает мне в жизни;

В) моя этническая принадлежность не влияет на качество жизни.

11. Интересуетесь ли Вы историей и культурой своего этноса?

А) да

Б) нет

12. Хотели бы Вы больше знать о культуре своего этноса?

А) да;

Б) нет, я и так достаточно знаю о культуре моего этноса;

В) нет, мне не интересна культура моего этноса;

13. Согласны ли Вы, что острее стали чувствовать свою этническую принадлежность в условиях пандемии?

А) полностью согласен;

Б) согласен;

В) затрудняюсь ответить;

Г) не согласен;

Д) совершенно не согласен.

14. Согласны ли Вы, что в условиях пандемии стали менее терпимы к людям других национальностей?

А) полностью согласен;

Б) согласен;

В) затрудняюсь ответить;

Г) не согласен;

Д) совершенно не согласен.

15. По Вашему мнению, нужна ли цифровизация в современном обществе? *Цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни. Цифровые технологии – технологии*

сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.

А) да

Б) нет

В) затрудняюсь ответить

16. Согласны ли Вы, что стали лучше понимать людей других национальностей в условиях цифровизации?

А) полностью согласен;

Б) согласен;

В) затрудняюсь ответить;

Г) не согласен;

Д) совершенно не согласен.

Методика «Типы этнической идентичности»

(Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)

Инструкция: Ниже приводятся высказывания различных людей по вопросам национальных отношений, национальной культуры. Подумайте, насколько Ваше мнение совпадает с мнением этих людей. Определите свое согласие или несогласие с данными высказываниями.

Таблица 43. Стимульный материал методики «Типы этнической идентичности»
(Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)

№	Я – человек, который...	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
1	предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам					
2	считает, что межнациональные браки разрушают народ					
3	часто ощущает превосходство людей другой национальности					
4	считает, что права нации всегда выше прав человека					
5	считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения					
6	предпочитает образ жизни только своего народа					
7	обычно не скрывает своей национальности					
8	считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности					
9	часто испытывает стыд за людей своей национальности					
10	считает, что любые					

	средства хороши для защиты интересов своего народа					
11	не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную					
12	нередко чувствует превосходство своего народа над другими					
13	любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов					
14	считает строго необходимым сохранять чистоту нации					
15	трудно уживается с людьми своей национальной					
16	считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей					
17	безразлично относится к своей национальной принадлежности					
18	испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь					
19	готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия					
20	считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов					
21	часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности					
22	считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами					
23	считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории					

24	раздражается при близком общении с людьми других национальностей					
25	всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре					
26	считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур					
27	не уважает свой народ					
28	считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу					
29	никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам					
30	считает, что его народ не лучше и не хуже других народов					

Ценностный опросник Ш. Шварца

Первая часть опросника

Инструкция: Спросите себя: «Какие ценности важны для меня как руководящие принципы в Моей жизни? Какие ценности менее важны для меня?». Ваша задача: *оценить, насколько важна для Вас каждая ценность в качестве руководящего принципа в Вашей жизни.*

Шкала для оценки:

7 - исключительно важная в качестве руководящего принципа Вашей жизни ценность (обычно таких ценностей бывает одна-две);

6 - очень важная;

5 - достаточно важная;

4 - важная;

3 - не очень важная;

2 - мало важная;

1 - не важная;

0 - совершенно безразличная;

-1 - это противоположно принципам, которым Вы следуете.

До того, как Вы начнете, прочитайте список из 30 ценностей и выберите одну, которая наиболее важна для Вас, и оцените ее важность «7». Далее, выберите ценность наименее важную для Вас и оцените ее -1, 0 или 1, согласно ее важности. Затем оцените оставшиеся ценности (от -1 до 7).

Тестовый материал

Список ценностей 1:

1 РАВЕНСТВО (равные возможности для всех)

- 2 ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ (быть в мире с самим собой)
- 3 СОЦИАЛЬНАЯ СИЛА (контроль над другими, доминантность)
- 4 УДОВОЛЬСТВИЕ (удовлетворение желаний)
- 5 СВОБОДА (свобода мыслей и действий)
- 6 ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ (акцент на духовных, а не материальных вопросах)
- 7 ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (ощущение, что другие заботятся обо мне)
- 8 СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК (стабильность общества)
- 9 ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ВПЕЧАТЛЕНИЙ (стремление к новизне)
- 10 СМЫСЛ ЖИЗНИ (цели в жизни)
- 11 ВЕЖЛИВОСТЬ (предупредительность, хорошие манеры)
- 12 БОГАТСТВО (материальная собственность, деньги)
- 13 НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (защищенность своей нации от врагов)
- 14 САМОУВАЖЕНИЕ (вера в собственную ценность)
- 15 УВАЖЕНИЕ МНЕНИЯ ДРУГИХ (учет интересов других людей, избегание конфронтации)
- 16 КРЕАТИВНОСТЬ (уникальность, богатое воображение)
- 17 МИР ВО ВСЕМ МИРЕ (свобода от войны и конфликтов)
- 18 УВАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ (сохранение признанных традиций, обычаев)
- 19 ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ (глубокая эмоциональная и духовная близость)
- 20 САМОДИСЦИПЛИНА (самоограничение, устойчивость к соблазнам)
- 21 ПРАВО НА УЕДИНЕНИЕ (право личное пространство)
- 22 БЕЗОПАСНОСТЬ СЕМЬИ (безопасность для близких)
- 23 СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ (одобрение, уважение других)
- 24 ЕДИНСТВО С ПРИРОДОЙ (слияние с природой)
- 25 ИЗМЕНЧИВАЯ ЖИЗНЬ (жизнь, наполненная проблемами, новизной и изменениями)
- 26 МУДРОСТЬ (зрелое понимание мира)
- 27 АВТОРИТЕТ (право быть лидером или командовать)

28 ИСТИННАЯ ДРУЖБА (близкие друзья)

29 МИР КРАСОТЫ (красота природы и искусства)

30 СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (исправление несправедливости, забота о слабых)

Теперь оцените, насколько важна каждая из следующих ценностей для Вас как *руководящий принцип Вашей жизни*. Эти ценности выражены в способах действия, которые могут быть более или менее важными для Вас. Попробуйте различить ценности, насколько это возможно, используя все номера. Для начала прочитайте ценности в *Списке 2*, выберите то, что для Вас наиболее важно, оцените на шкале (отметка 7). Затем выберите ценность, которая противоречит вашим принципам (отметка -1). Если такой ценности нет, выберите ценность наименее важную для Вас и оцените ее отметками 0 или 1, в соответствии с ее значимостью. Затем оцените остальные ценности.

Список ценностей 2:

31 САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ (надеющийся на себя, самодостаточный)

32 СДЕРЖАННЫЙ (избегающий крайностей в чувствах и действиях)

33 ВЕРНЫЙ (преданный друзьям, группе)

34 ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ (трудолюбивый, вдохновленный)

35 ОТКРЫТЫЙ К ЧУЖИМ МНЕНИЯМ (терпимый к различным идеям и верованиям)

36 СКРОМНЫЙ (простой, не стремящийся привлечь к себе внимание)

37 СМЕЛЫЙ (ищущий приключений, риск)

38 ЗАЩИЩАЮЩИЙ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ (сохраняющий природу)

39 ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ (имеющий влияние на людей и события)

40 УВАЖАЮЩИЙ РОДИТЕЛЕЙ И СТАРШИХ (проявляющий уважение)

41 ВЫБИРАЮЩИЙ СОБСТВЕННЫЕ ЦЕЛИ (отбирающий собственные намерения)

42 ЗДОРОВЫЙ (не больной физически или душевно)

- 43 СПОСОБНЫЙ (компетентный, способный эффективно действовать)
- 44 ПРИНИМАЮЩИЙ ЖИЗНЬ (подчиняющийся жизненным обстоятельствам)
- 45 ЧЕСТНЫЙ (откровенный, искренний)
- 46 СОХРАНЯЮЩИЙ СВОЙ ИМИДЖ (защита собственного «лица»)
- 47 ПОСЛУШНЫЙ (исполнительный, подчиняющийся правилам)
- 48 УМНЫЙ (логичный, мыслящий)
- 49 ПОЛЕЗНЫЙ (работающий на благо других)
- 50 НАСЛАЖДАЮЩИЙСЯ ЖИЗНЬЮ (наслаждение едой, близостью, развлечениями и др.)
- 51 БЛАГОЧЕСТИВЫЙ (придерживающийся религиозной веры и убеждений)
- 52 ОТВЕТСТВЕННЫЙ (надежный, заслуживающий доверия)
- 53 ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ (интересующийся всем, пытливый)
- 54 СКЛОННЫЙ ПРОЩАТЬ (стремящийся прощать другого)
- 55 УСПЕШНЫЙ (достигающий цели)
- 56 ЧИСТОПЛОТНЫЙ (опрятный, аккуратный)
- 57 ПОТВОРСТВУЮЩИЙ СВОИМ ЖЕЛАНИЯМ (занимающийся тем, что доставляет удовольствие)

Шкала оценки страха перед COVID-19

1. Больше всего я боюсь коронавируса-19.
2. Мне неприятно думать о коронавирусе-19.
3. Когда я думаю о коронавирусе-19, у меня начинают потеть руки.
4. Я боюсь потерять жизнь из-за коронавируса-19.
5. Когда я смотрю новости и читаю истории о коронавирусе-19 в социальных сетях, я начинаю нервничать или беспокоиться.
6. Я не могу уснуть, потому что боюсь заразиться коронавирусом.
7. Когда я думаю о том, что могу заразиться коронавирусом-19, у меня учащается сердцебиение.

Шкала социальной дистанции (шкала Богардуса, вариант Л.Г. Почебут)

Инструкция: проранжируйте представителей указанной национальности, отмечая степень приемлемости их для себя лично только по одному из семи предложенных ниже критериев. Отвечайте по принципу: для меня лично возможно и желательно в отношении людей данной национальности (номер ответа – это величина балла). *По каждой национальности можно выбрать только один вариант из семи пунктов.*

Для меня лично возможно и желательно в отношении русских:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

Для меня лично возможно и желательно в отношении казахов:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

Для меня лично возможно и желательно в отношении немцев:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

Для меня лично возможно и желательно в отношении украинцев:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

Для меня лично возможно и желательно в отношении татар:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть их в моей стране.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Сводная таблица состава выборки

Таблица 44. Состав выборки – Россия

Регион	Населённый пункт	Этнос	Тип проживания	Кол-во респондентов
Оренбургская область	Адамовский р-н, с. Акжарское	казахи	Компактный	30
		русские	Диффузный	15
Челябинская область	г. Челябинск, Брединский р-н	русские	Компактный	50
	Брединский р-н	казахи	Диффузный	25
Курганская область	Несколько населенных пунктов	казахи	Диффузный	20
Омская область	г. Омск	казахи	Диффузный	15
		русские	Компактный	35
Итого				190 человек

Таблица 45. Состав выборки – Казахстан

Регион	Населённый пункт	Этнос	Тип проживания	Кол-во респондентов
Костанайская область	г. Рудный, г. Лисаковск, Сарыкольский р-н	русские	компактный	35
	г. Рудный, г. Лисаковск, Костанайский р-н	казахи	диффузный	35
	Амангельдинский р-н, с. Аманкарагай	казахи	компактный	40
Северо-Казахстанская обл.	г. Петропавловск	русские	компактный	40
		казахи	диффузный	20
Актюбинская область	Несколько населённых пунктов	русские	диффузный	45
		казахи	компактный	45
Итого				260 человек

Схема результатов исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов

Таблица 46. Результаты исследования соотношения этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Объект исследования – социально-психологические особенности межэтнических отношений русских и казахов.					
Предмет исследования – соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов в зависимости от фактора проживания и фактора этнической принадлежности.					
Гипотеза: соотношение этнической идентичности, ценностных ориентаций и социальной дистанции русских и казахов определяется фактором проживания (компактным или диффузным).					
Фактор проживания (тип проживания)					
Компактный			Диффузный		
Тип этнической идентичности	Ценностные ориентации	Социальная дистанция	Тип этнической идентичности	Ценностные ориентации	Социальная дистанция
этноэгоизм	традиции, достижения	меньше	этнофанатизм	самостоятельность безопасность	больше
Фактор этнической принадлежности в конкретной этнокультурной среде					
Россия			Казахстан		
русские	казахи		русские	казахи	
Ценностные ориентации	Тип этнической идентичности	Ценностные ориентации	Ценностные ориентации	Ценностные ориентации	
конформность универсализм	этноиндифферентность	самостоятельность	конформность	гедонизм	

Связь типов этнической идентичности с уровнем социальной дистанции и ценностными ориентациями

Таблица 47. Типы этнической идентичности, ценностные ориентации и социальная дистанция русских и казахов, проживающих в приграничных областях России и Казахстана

Тип этнической идентичности	Уровень социальной дистанции	Связанные ценности
Этнофанатизм	Повышенный	Безопасность
Этноизоляционизм	Повышенный	Традиции, Конформность, Универсализм
Этноиндифферентность	Пониженный	Снижение ориентации на традиции, конформность и универсализм
Позитивная этническая идентичность	Пониженный	—

Значение идентичности в психоанализе

Таблица 48. Значение понятия «идентичность» в психоанализе

Автор	Понятие	Содержание
З. Фрейд	Идентификация	Бессознательный механизм усвоения ролей и норм значимого другого; основа формирования Супер-Эго и групповой принадлежности.
Э. Эриксон	Эго-идентичность	Целостное и устойчивое представление о себе; формируется через преодоление психосоциальных кризисов, особенно в юности.

Компоненты идентичности в символическом интеракционизме

Таблица 49. Значение понятия «идентичность» в символическом интеракционизме

Компонент	Содержание
Самоидентичность	Внутреннее представление человека о себе, основанное на интериоризированных социальных ролях и нормах
Социальная идентичность	Оценка индивидом того, как он воспринимается другими в социальной структуре
Публичная идентичность	Образ себя, транслируемый во внешнее пространство, согласованный с ожиданиями окружающих
Ролевая структура	Система устойчивых ролевых паттернов, организованных по степени значимости и доступности

Национальный состав областей Российской Федерации, включенных в базу исследования

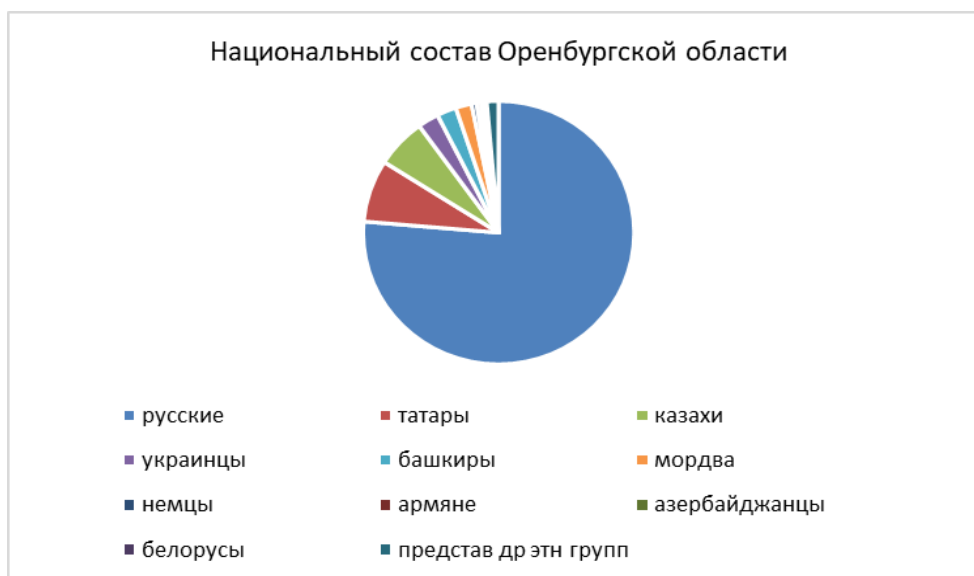

Рис. 15. Национальный состав Оренбургской области

Рис. 16. Национальный состав Адамовского района, Оренбургской области (Россия)

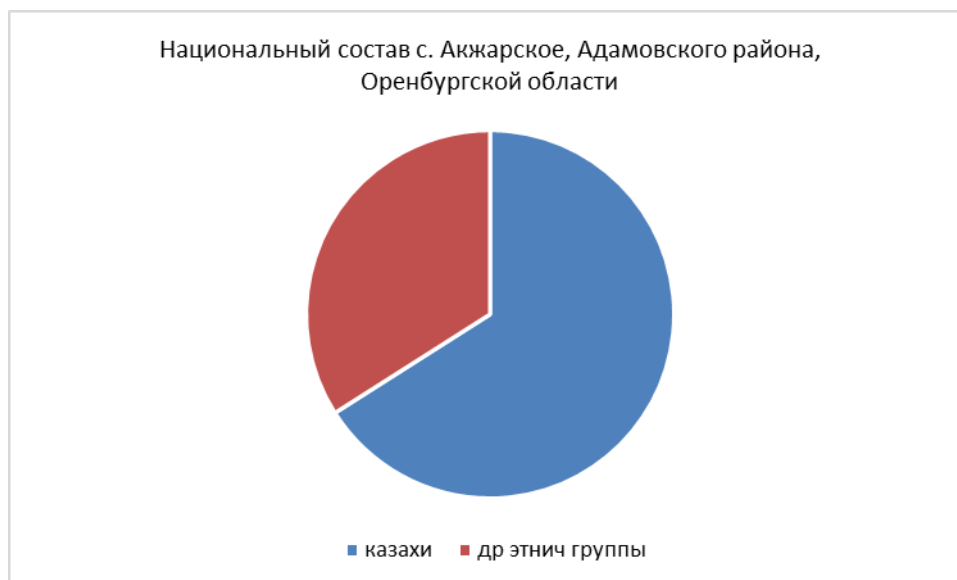

Рис. 17. Национальный состав с. Акжарское, Адамовского района, Оренбургской области (Россия)

Рис. 18. Национальный состав Челябинской области (Россия)

Рис. 19. Национальный состав Курганской области (Россия)

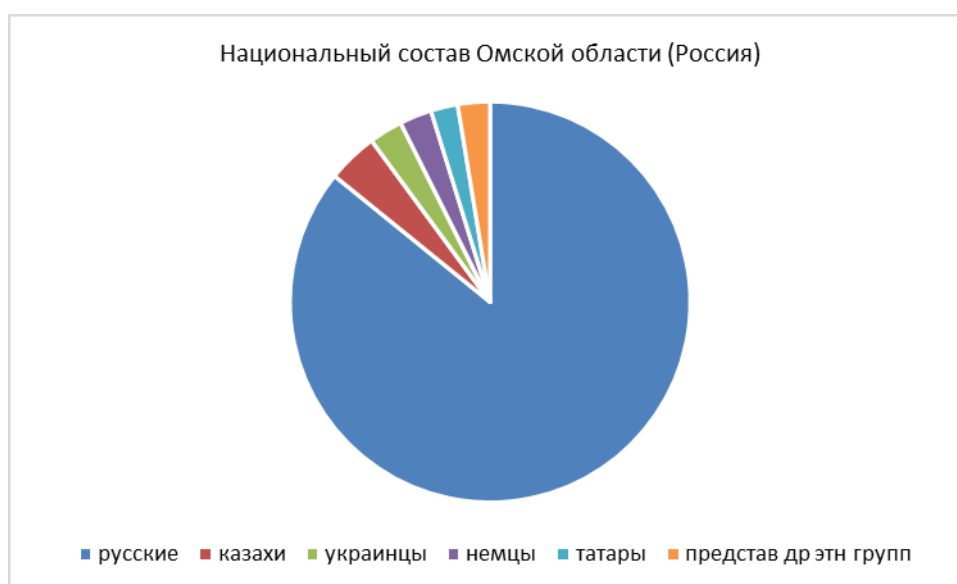

Рис. 20. Национальный состав Омской области (Россия)

Национальный состав областей Республики Казахстан, включенных в базу исследования

Рис. 21. Национальный состав г. Рудный, Костанайской области (Казахстан)

Рис. 22. Национальный состав г. Лисаковск, Костанайской области (Казахстан)

Рис. 23. Национальный состав Амангельдинского района, Костанайской области (Казахстан)

Рис. 24. Национальный состав г. Петропавловск, Северо-Казахстанской области (Казахстан)

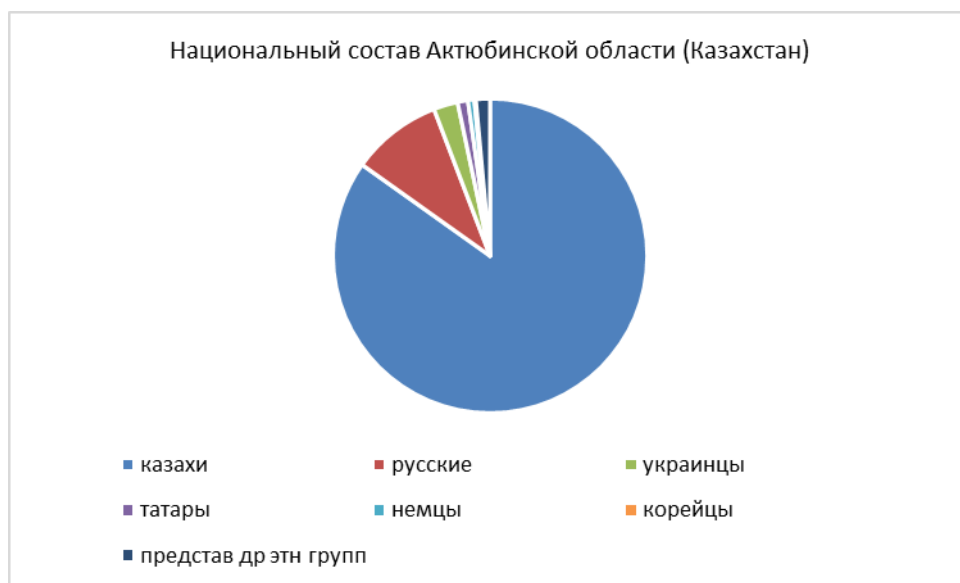

Рис. 25. Национальный состав Актыбинской области (Казахстан)